

THE HORUS HERESY®
PRIMARCHS

ГЭВ ТОРП

РОГАЛ ДОРН

КРЕСТОНОСЕЦ ИМПЕРАТОРА

THE HORUS HERESY®
PRIMARCHS

ГЭВ ТОРП

РОГАЛ ДОРН

КРЕСТОНОСЕЦ ИМПЕРАТОРА

«РОБАУТ ЖИЛЛИМАН. ВЛАДЫКА УЛЬТРАМАРА»

Дэвид Аннандейл

«ЛЕМАН РУСС. ВЕЛИКИЙ ВОЛК»

Крис Райт

«МАГНУС КРАСНЫЙ. ПОВЕЛИТЕЛЬ ПРОСПЕРО»

Грэм Макнилл

«ПЕРТУРАБО. МОЛОТ ОЛИМПИИ»

Гай Хейли

«ЛОРГАР. НОСИТЕЛЬ СЛОВА»

Гэв Торп

«ФУЛГРИМ. ПАЛАТИНСКИЙ ФЕНИКС»

Джош Рейнольдс

«ФЕРРУС МАНУС. ГОРГОН МЕДУЗЫ»

Дэвид Гаймер

«ДЖАГАТАЙ-ХАН. БОЕВОЙ ЯСТРЕБ ЧОГОРИСА»

Крис Райт

«ВУЛКАН. ВЛАДЫКА ЗМИЕВ»

Дэвид Аннандейл

«КОРАКС. ВЛАСТЕЛИН ТЕНЕЙ»

Гай Хейли

«АНГРОН. РАБ НУЦЕРИИ»

Иэн Сент-Мартин

«КОНРАД КУРЦ. НОЧНОЙ ПРИЗРАК»

Гай Хейли

«ЛЕВ ЭЛЬ’ДЖОНСОН. ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЕРВОГО»

Дэвид Гаймер

«АЛЬФАРИЙ. ГОЛОВА ГИДРЫ»

Майк Брукс

«МОРТАРИОН. БЛЕДНЫЙ КОРОЛЬ»

Дэвид Аннандейл

«РОГАЛ ДОРН. КРЕСТОНОСЕЦ ИМПЕРАТОРА»

Гэв Торп

«САНГВИНИЙ. ВЕЛИКИЙ АНГЕЛ»

Крис Райт

Также в серии

«СЫНЫ ИМПЕРАТОРА»

Антология

«ОТПРЫСКИ ИМПЕРАТОРА»

Антология

«КРОВЬ ИМПЕРАТОРА»

Антология

THE HORUS HERESY®
PRIMARCHS

Гэв Торн

РОГАЛ ДОРН

КРЕСТОНОСЕЦ ИМПЕРАТОРА

DesperadoPhobosGroup по заказу группы

«Дети 41-го тысячелетия»

2023

Во славу Джона Френча, Крестоносца Императора

Gav Thorpe

Rogal Dorn: The Emperor's Crusader

Литературно-художественное издание

DesperadoPhobosGroup по заказу группы «[Дети 41-го тысячелетия](#)», 2023

Переходите по ссылке в группу, чтобы приобрести эту и другие книги в печатном виде и поддержать бесплатный выпуск электронных версий.

Иллюстрация на обложке **Михаила Савье**

Перевод выполнила **Luminor**

Литературный редактор **Георгий Воронов**

Корректоры **Нафисет Тхаркахова, Larda Cheshko**

Технические редакторы **Urbasian, Ejiarch**

Это легендарное время.

Могучие герои сражаются за право властвовать над Галактикой. Огромные армии Императора Человечества завоёвывают звёзды в ходе Великого крестового похода. Его лучшим воинам предстоит сокрушить и стереть со страниц истории мириады чуждых рас.

Человечество манит рассвет новой эры господства в космосе.

Блестящие цитадели из мрамора и золота восхваляют многочисленные победы Императора, возвращающего под свой контроль систему за системой. В миллионе миров возводятся памятники во славу великих свершений Его самых могучих чемпионов.

Первые и наиболее выдающиеся среди них — примархи, сверхчеловеческие создания, что ведут за собой на войну легионы Космического Десанта. Они величественны и непреклонны, они — вершина генетических экспериментов Императора, а сами космодесантники — величайшие воины, каких только видела Галактика, способные в одиночку одолеть в бою сотню и даже больше обычных людей.

Много сказаний сложено об этих легендарных созданиях. От залов Императорского дворца на Терре до дальних рубежей сегментума Ультима — повсюду их деяния определяют само будущее Галактики.

Но могут ли такие души всегда оставаться непорочными и не ведающими сомнений?

Или соблазны великого могущества окажутся слишком сильны даже для самых преданных сыновей Императора?

Семена ереси уже посеяны, и до начала величайшей войны в истории человечества остаются считанные годы.

Две пары глаз смотрели вверх, сквозь облака Терры, словно их обладатели стремились пронзить взором бескрайние просторы Солнечной системы и завесу самого варп-пространства. На своём веку им выпало повидать столько смертей и разрушений, что с лихвой хватило бы на пару человеческих жизней, однако же грядущие события затмят собой всё, что эти двое видели прежде.

Он уже почти добрался сюда. Тот, кого называли магистром войны. Предатель.

Хорус.

Вместе с ним прибыла армада, рядом с которой показались бы крошечными даже флоты крупнейших кампаний Великого крестового похода. В скором времени эти два героя из героев будут сопровождать своего примарха обратно в космос, готовые сразиться в пустоте с кораблями и воинами предательских легионов. А пока два собрата по оружию разделяли несколько минут, посвящённых созерцанию, что удавалось им редко. Эти соратники держались порознь в той же мере, в какой сражались вместе, но их связывали узы, суть которых никто не мог объяснить. В жизни они преодолели почти одинаковые дороги, однако пришли в совершенно разные места.

— Почему мы? — нарушил молчание Фафнир Ранн.

— Ты же знаешь, подобные вопросы лучше не задавать, — ответил Сигизмунд. — Искать несуществующие истины — безумие.

Ранн приоткрыл рот и, повернув голову, посмотрел на товарища. Лицо Фафнира в тот момент казалось полем битвы между весельем и скепсисом.

— Чтобы *ты*, да сказал такое... — Ранн выглядел изумлённым, пока не заметил характерный блеск в глазах соратника.

Шутил тот чрезвычайно редко. Фафнир покачал головой.

Сигизмунд, посерьёзнев, обратился к товарищу холодным взглядом.

— Почему ты ищешь смысл? — спросил он. — Не в твоей природе сомневаться, туда ли течёт река жизни^[1].

— Вопрос касается не грядущего потока, а уже проложенного русла, — Ранн глубоко вздохнул. Атмосферу мира насыщали выбросы военной промышленности и строительная пыль. Если бы Фафнир очень сильно постарался, то мог бы притвориться, что помнит, каков на вкус морозный свежий воздух ледяных ульев Инвита. — Как мы оказались здесь, на этой стене, а не там, с другими легионами?

— По воле Императора, разумеется, — отозвался Сигизмунд. Он шагнул вперёд, к ферробетонному валу, и посмотрел вниз. Колонна из двенадцати боевых танков «Леман Русс», рокочущих моторами, ползла по мостовой от ворот, извиваясь, будто змея. Машины направлялись к районам сосредоточения в сотне километров к востоку, и краска на них уже потемнела от смога. — После Улланора, когда Император удалился к Своим трудам под Дворцом, Дорна наделили военной властью над Террой. Вот почему мы здесь.

— Ты всё ещё не понимаешь, о чём я, брат. — Ранн ударил кулаком по зубцу крепостной стены. — Хотя всё кончилось скверно, в те времена мы знали, почему именно Хоруса назначили магистром войны. Ведь он казался лучшим среди примархов. Прямой, любимый своими братьями, исключительно способный. Наверняка Император имел столь же весомые причины, чтобы избрать *Дорна* для возвращения на Терру. Почему не Сангвиния, за которым охотно пошли бы все мы? Или Гиллимана? Разве для заседаний в Совете Терры найдётся кандидатура лучше, чем зодчий Пятисот Миров? — Фафнир понизил голос. — Или, если уж Император нуждался в кастеляне, который защищал бы Его родной мир, подошёл бы даже Пертурабо. При всём своём непростом нраве он почти не уступает в достижениях нашему генному отцу.

— Очень скоро станет понятно, за кем преимущество, — прорычал Сигизмунд.

— Но ради чего вообще выбирать кого-либо, когда Великий крестовый поход ещё не окончен? — Ранн, увлечшись рассуждениями, практически не обращал внимания на соратника. — Есть же Регент, Малкадор, так зачем приглашать военачальника, причём именно владыку Дорна?

— Затем, что Он не нуждался ни в государственном муже, ни в кастеляне, ни в канцлере. Я не могу поверить, что Император предчувствовал постигшее всех нас бедствие, так что нашего прародителя избрали не ради подготовки к осаде. Ты не задумывался, как бы поступили братья нашего господина, если бы кого-то из них попросили вернуться на Терру, дабы присматривать за советом администраторов и сборщиков налогов? Захотел бы Гиллиман вмешаться в этот процесс? А что насчёт Пертурабо, которому кажется, что его не замечают, и эта паранойя крепнет день ото дня^[2]? И зачем сковывать Сангвиния в роскошной келье, когда он может нести своё величие в самые дальние уголки Галактики?

— Мне понятен ход твоих мыслей. — Ранн, охваченный воспоминаниями, провёл тыльной стороной ладони по шрамам на щеке. — Долг перед Императором превышает всего. Наш повелитель доказал это, когда Девять Сорок три приводили к Согласию.

— Тем, что предоставил Фулгриму честь разрушить орочью цитадель? Возможно, но Дорн продемонстрировал Императору, что он самый послушный из Его сыновей, ещё раньше, у Тиссонова Пролива, когда Ангрон преследовал врагов в звёздной бездне, а мы держались в тылу, защищая его линии снабжения.

— Надёжность не всегда определяется тем, что ты готов остаться позади. Помнишь, как владыка Дорн возглавил первую атаку на Эпеллиант-Гелос, хотя собрались ещё не все силы флота? — Взгляд Ранна устремился на горизонт, капитан вспоминал давно минувшие дни кровавых городских боёв. В ходе той кампании они купировали только начинавшуюся контратаку противника, которая стала бы катастрофой для имперских сил, если бы набрала обороты. — Мы потеряли многих легионеров. Владыка Дорн знал о цене победы, но всё равно действовал.

— Рогал Дорн уже давно был Преторианцем Императора, — донёсся голос из неосвещённого дверного прохода позади воинов. — Задолго до того, как осознал своё положение. Император же понял это ещё после Ночного крестового похода, сто шестьдесят пять лет тому назад.

С момента запуска штурмового тарана «Споэтум»^[3] мог пройти как год, так и секунда. Незаметное скольжение через пустоту по инерции создавало ощущение неподвижности, безвременья, которое не развеялось даже теперь, когда транспорт лёг на курс к цели и загрохотал маневровыми двигателями. С ним летели ещё

шесть штурмовых кораблей, три из них опережали «Споэтум» на тридцать секунд, а ещё два поддерживали темп тарана, на борту которого находился Ранн. Позади них, на «*Посланце Терры*» кипела бурная деятельность: перезаряжались генераторы пустотного щита, закрывались аварийные двери, рабочие ремонтных бригад носились от одного участка к другому. Где-то впереди, в паре сотен километров, вражеская станция по-прежнему изрыгала свой гнев в виде опустошительных залпов лазерной энергии. Но не здесь. Здесь царили безмолвие и покой.

Фафнир Ранн, закованный в полный доспех, сидел внутри ещё одного кокона — толстого бронированного корпуса «Споэтума». Прикрыв глаза, он боролся с желанием взглянуть на хронометр дисплея шлема. Ещё несколько минут ему не требовалось делать ничего, только ждать, и легионер наслаждался этой отстранённостью.

Говорить было не о чем. Астартес самого Ранна и ещё одного отделения, вместе сидевшие в тесном абордажном транспорте, точно знали, когда и как нужно действовать. Будучи воинами 45-го штурмового кадра Десятого крестового похода VII легиона, они находились в подобной — или схожей — ситуации уже по меньшей мере пару десятков раз. Даже Фафнир, лишь недавно ставший сержантом, мог проделать все начальные стадии абордажной операции буквально бессознательно. Обдумывая их, он замедлил бы штурм на несколько секунд.

Но мыслями легионер возвращался к задаче, которую вскоре предстояло выполнить, и это раздражало его. Если Ранна ничего не отвлекало, он, следуя своей природе, неизбежно посвящал себя целям, стоящим перед ним как перед воином Императора. Он открыл глаза.

Ровно три минуты до того, как они наберут скорость для атаки.

Оба подразделения уже приняли штурмовое построение внутри тарана. Десять Астартес из отделения прорыва стояли в фиксаторах во весь рост, расположившись в шахматном порядке двумя рядами по пять бойцов, лицом к главной абордажной рампе впереди. Как только таран остановится, они сомкнут щиты и создадут нерушимый заслон — передвижное укрепление, столь же надёжное, как стена цитадели. В свою очередь, двадцать воинов Ранна, составлявших тактическое отделение легиона, разделились на две группы. Страховочные системы удерживали бойцов на наклонных скамьях,

откуда они затем поднимутся и устремятся через боковые люки, словно пара ударяющих вместе волн.

Спустя две минуты Фафнир посмотрел вперёд на прорывников. Сержант Яго поднял силовой топор в знак готовности.

— *Поступают данные сканирования, —* сообщил им пилот по внутреннему воксу. — *Вероятность пробить брешь в намеченной зоне — девяносто восемь процентов. Входной маршрут прямо по курсу, возвышение стандартное. Первая штормовая волна корректирует целевую точку на пятьдесят по вертикали, чтобы обойти уровень ангаров. Обновления приказов отсутствуют.*

— Понял тебя, — отозвался сержант Яго. Как старший из двух командиров отделений, он де-факто руководил бойцами на борту «Споэтума» — разумеется, лишь до тех пор, пока они не соединятся с лейтенантом Поллуксом.

Следующие слова Яго предназначались каждому легионеру на борту.

— Раз мы дальше от цели, нужно будет быстро покинуть зону прорыва. При расчистке места высадки действуйте по шаблону «Удар-пять». Стрелкам-специалистам занять позиции в авангарде.

В ответ затрещали отклики-подтверждения, в том числе от Ранна. Ему хотелось связаться с пилотом и уточнить, не удалось ли вражеским сенсорам засечь приближающийся абордажный отряд, но он знал, что в этом нет нужды. Если Дагеррону будет что доложить, он сообщит братьям.

С каждой секундой время немисливо растягивалось. Фафнир осознавал, что причиной тому побочный эффект изменений в его организме, вызванных улучшениями тела и стимулирующими разрядами боевой брони. Восприятие легионера работало в ускоренном режиме, а потому казалось, что мир вокруг него почти застыл.

При старте штормовых таранов их прикрывали массированным артиллерийским огнём и пусками торпед. Мишенью для них стала крупнейшая из орбитальных оборонительных станций — командный центр, согласно оценке владыки Дорна. Требовалось достичь максимального эффекта неожиданности, и на данный момент казалось, что план удался.

Другие звёздные базы подвергались атаке объединённого флота Легионес Астартес, и Ранн пожалел, что в таране нет

иллюминатора, через который он мог бы наблюдать за разворачивающейся битвой.

— Как идёт война? — поинтересовался он у Дагеррона по вокс-связи. — Мы уже побеждаем?

Наступила пауза: пилот сверялся со скудными результатами сканирования и рапортами на своём пульте.

— *Я бы сказал, что ход битвы лучше прогнозов,* — ответил он. — *Первый, то есть Тёмные Ангелы, уже уничтожил две базы в четвёртом секторе. В ходе крупномасштабных абордажных действий под предводительством «Трибуна» зачищен одиннадцатый сектор. Корабли Фениксийца...*

В их вокс-канал вторгся голос Яго:

— Тишина в эфире. Тридцать секунд до входа в зону штурма.

Хотя говорил он ровным тоном, Ранн всё же почувствовал упрёк в его словах. Яго испытывал напряжение, на что имел полное право: его отделение примет на себя основную мощь вражеских ударов в первой фазе боя.

Время ползло вперёд.

Фафнир напрягся в фиксаторах, однако из-за резкого толчка при запуске штурмовых ускорителей его всё же дёрнуло в сторону. Топливо штурмового тарана выгорело за считанные секунды, но он успел разогнаться ещё на пятьсот километров в час. Оставшийся участок пустоты они пересекут менее чем за треть минуты.

— *Десять секунд до удара,* — предупредил Дагеррон.

Внутри доспеха Ранн сохранял неподвижность, однако ему казалось, что весь корабль сейчас развалится от тряски. К грохоту и скрипу корпуса добавился нарастающий гул: мелта-разрядники в носовой части тарана набирали мощность для пробивного залпа, который они произведут за миллисекунды до столкновения.

Если они откажут или бронированная обшивка вражеской космической базы окажется толще, чем следовало из результатов сканирования, в течение следующих пяти секунд таран сплющится в лепёшку.

— За Императора! — рявкнул Фафнир. — За Рогала Дорна!

Внутри корпуса раздались голоса с механическими нотками: другие воины изрекли слова преданности и дали обеты верности долгу. Следующие несколько секунд промчались быстро. Вспыхнули мелты, и таран рванулся вперёд сквозь шлак и пар. Отделение Яго пробежало по носовой аппарели ещё до того, как она полностью

раскрылась. Ранн, держа болтер обеими руками, вскочил с места, как только откинулись фиксаторы. Вокруг него гроыхали саботоны.

Враг ждал их, но это не имело значения. Хотя оружие неприятелей засверкало дульными вспышками по всей зоне проникновения, выпуская пули, щиты прорывников не уступали в прочности корпусу самой звёздной базы. Тактическое отделение рассредоточилось от центральной точки, вперёд выдвинулись бойцы с плазмомётами и огнемётчики. Коридоры у места высадки озарились звёздным пламенем, а за ним последовали клубы горящего прометия.

По флангам параллельно продвигались ещё две группы легионеров, скрытые изгибом магистрального коридора. Три бронированных кулака нацелились в сердце космической станции. Бойцы Яго за первые десять секунд прошли сотню метров, топча разорванные и обугленные тела защитников. Фафнир не уделял им внимания, глядя только вперёд и держа болтер наготове, чтобы тот исторгал разрывные снаряды, как только из укрытия показывались голова или конечность противника.

— Охватывающий контрудар, — предупредил Ордера, показывая Ранну экран ауспика.

Щупальце из меток жизненных показателей огибало их, вытягиваясь к точке проникновения. Примерно десять-пятнадцать вражеских единиц.

— Дагеррон, к тебе идут гости. Отцепляйся и отстыкуйся в течение пяти секунд.

— *Понял тебя.*

Яго и его прорывники задавали беспощадный темп наступления: очистив лестничный проход, они бегом поднялись на три уровня. Судя по глухому грохоту взрывов и внезапному исчезновению сигналов на флангах, штурмовой таран выпустил осколочные гранаты, после чего отбыл. Датчики окружающей среды в боевом доспехе Ранна предупредили его, что атмосферное давление падает: воздух улетучивался через брешь, пробитую «Споэтумом» в ходе абордажа.

— *Обнаружен центр управления, передаю координаты, —* объявил лейтенант Поллукс. — *Всем силам, наступать сходящимся, затем поддерживать кордон, удаление сто пятьдесят метров. Позиции укажу далее.*

Центр управления не продержится долго против шестидесяти легионеров, особенно если ещё девять десятков прикроют их от контратаки. Прошла всего минута с момента высадки, а бой уже почти закончился. В космосе враг обладал грозной мощью, его корабли имели отличное вооружение и бронирование для своих размеров. Лицом к лицу противник... не впечатлял. Спустя несколько минут их орбитальная оборона будет сломлена. Ничто не способно противостоять объединённым силам трёх экспедиционных флотов, и система Скатия не стала исключением. Путь к поверхности планеты был открыт, и оставался всего лишь один вопрос.

— *Кто будет командовать наземной атакой?*

Слова капитана Эйдолона из Детей Императора словно повисли в воздухе вместе с трёхмерным изображением его лица с правильными чертами. Картинка мерцала, пока устройства вид-захвата на борту линкора *«Гордость Императора»* отслеживали воина, расхаживающего по палубе стратегиума.

— *У нас есть элементы четырёх ударных группировок и флотилий поддержки, готовых высадиться в трёх крупнейших мегаполисах на южном континенте,* — продолжил он. — *Каждая потерянная минута даёт врагу возможность подготовиться.*

Будучи командиром хускарлов, телохранителей Рогала Дорна, Гидореас знал своего повелителя как никто другой. Воин в громоздких доспехах *«Катафрактарий»* выглядел неподвижным, но на самом деле наблюдал за реакцией господина и старался проникать в его мысли, чтобы лучше служить ему.

Рогал Дорн стоял в полной боевой броне цвета золота, обхватив кулак одной руки ладонью другой. Услышав утверждение Эйдолона, примарх слегка шевельнул пальцами, но даже не повёл бровью на лице, будто высеченном из глубинного льда. Белокурые волосы он стриг коротко, но не «ёжиком», и явно пытался зачесать пробор на левую сторону, однако пряди не подчинились. Кто-то мог бы счесть Дорна привлекательным, хотя из-за сурового выражения лица примарх выглядел отчуждённым и неприступным. Рогал напоминал один из тех бастионов, которые его легион умел воздвигать с таким впечатляющим проворством: его манера поведения играла роль защиты от вторжения извне, и лишь немногие могли пробиться через неё. Примарх выждал секунду, чтобы посмотреть, не последует ли иных заявлений, а затем почти незаметно кивнул, принимая высказанный аргумент.

— Разумное предложение, если не учитывать, что батальоны Седьмого легиона уже очистили орбиту над северным районом высадки, и мы готовы начать крупномасштабное развёртывание, а не просто нанести точечный удар. Десантная атака моих сорока тысяч легионеров сломит их решимость за считанные минуты, что позволит избежать более масштабных операций и рисков.

Эйдолон уже открыл рот, чтобы ответить, но его перебил третий участник гололитического совета. Безошибочно узнаваемый по светлой бороде и длинным волосам, что отражали красноватое боевое освещение на «*Непобедимом разуме*», повелитель Первого легиона Лев Эль'Джонсон шагнул вперёд, и его рука рассекла воздух, словно клинок.

— *Неприемлемо!* — В его зелёных глазах промелькнула вспышка гнева, но момент ярости прошёл, и теперь в поведении Льва читались признаки искренней мольбы. — *Не для того мы проливали кровь в пустоте, чтобы отступить на краю орбиты. Мои корабли прорываются к экваториальным оборонительным станциям, чтобы устранить угрозу для обеих атакующих сил, как твоей, так и легиона Фениксийца. Мои рыцари первыми ступят на поверхность, но я вас заверяю, что мы разделим боевые почести.*

Гидореас подавил ухмылку и заметил, что его визави из Детей Императора заставил себя удержаться от возражений. Капитану, даже в должности легионного советника, не подобает спорить с примархом. Хотя здесь, в огромном и грандиозном стратегиуме «*Фаланги*», их окружали палубы и субпалубы, заполненные легионерами и обслуживающим персоналом, который наблюдал за состоянием исполинского корабля и его флотилий сопровождения, продвинутые системы глушения гарантировали, что на командной площадке будет царить практически полная тишина. Вокруг них и под ними, словно призраки, суетились вахтенные офицеры, занятые подготовкой к решающей высадке на поверхность. Гидореас видел, что все три флота уже движутся по собственным векторам атаки, но кому-то следовало взять на себя командование, чтобы предотвратить несогласованные действия.

Трёхмерный проектор зарядил, отображая ещё один визуальный поток. Новый участник дискуссии отличался тонкостью черт, и вид-захват сумел даже уловить живой блеск его глаз, пока он быстро переводил взгляд с одного примарха на другого и обратно. Фоном

для его профиля выступало золотое крыло, взметнувшееся над наплечником.

Фулгрим из Детей Императора поприветствовал собрание короткой улыбкой.

— *Прошу извинить, что задержался, но, полагаю, мой советник доблестно принял авангардный бой от моего имени,* — произнёс Фениксиец, слегка склонив голову. Изображение Эйдолона замерцало и исчезло. — *Мы зашли в тупик, и всё же, как самый опытный из легионных командиров, присутствующих здесь, я чувствую, что...*

— Я вёл войны столь же долго, сколь и любой из моих братьев-примархов, — перебил его Лев. — Если ты видишь ошибку в моей стратегии, скажи прямо, не скрываясь за завесой старшинства. Почему Первый не должен поступать так, как указывает его название?

На протяжении всей тирады калибанца Фулгрим держался по-прежнему, с маской вежливого внимания на лице. Как только его брат замолчал, Фениксиец многозначительно перевёл взгляд на Рогала Дорна.

— *Так вот, я чувствую, что возглавить атаку должны Имперские Кулаки,* — заключил Фулгрим. — «Фаланга», безусловно, крупнейший из находящихся здесь кораблей. Она даже больше наших «Глориан», брат Лев. Её прибытие и последующая высадка сорока тысяч легионеров станут демонстрацией имперской мощи, посланием, которое невозможно игнорировать. Рогал совершенно правильно оценивает ситуацию.

— *Провести отдельные атаки — значит усложнить высадку и моему, и твоему легиону!* — прорычал Лев. — *Утрата наступательного импульса может сокрушить все надежды на быструю победу, если местные впечатлятся меньше, чем ты предполагаешь.*

Фулгрим обратил изучающий взор на Эль'Джонсона и сомкнул у подбородка изящные пальцы в учтивом жесте, говорящем о раздумьях.

— *Брат мой, между «завоеванием» и «приведением к Согласию» есть очень важная разница,* — мягко заметил Фениксиец. — *Все мы здесь военачальники, но, что более важно, мы — примархи Императора. Когда Он поручил нам это предприятие, то однозначно выразился, что миры нужно привести к Согласию, и*

неважно, каким способом. Если цивилизация разрушена войной, её нужно восстанавливать, то есть тратить ресурсы, а их уже в обрез, ведь Великий крестовый поход по-прежнему расширяется на самых дальних рубежах.

— Об этом я и думал, — сказал Дорн. — Мы должны дать неприятелю шанс капитулировать, побудить его к этому. Согласно нашим сводкам, их главную военную силу представлял собой флот. Без него враг недолго будет сопротивляться. Хотя я не участвовал в столь многих кампаниях, как Фулгрим, и они лишь изредка оказывались бескровными, возможно, что ты, Лев, как наименее опытный в нашем братстве, всё ещё смотришь через призму войн в своём родном мире.

Гидореас сохранял нейтральное выражение лица, но ощущал, что речи Рогала, пусть и правдивые, звучат не слишком мягко. Черты Фулгрима искажила тревога, которую он быстро скрыл, однако стало ясно, что он чувствует то же самое. Все присутствующие, будь то примархи или легионеры, не сводили глаз со Льва, сдвинувшего брови и скривившего губы.

Пару секунд Эль'Джонсон молчал, ведя рукой к затыльнику оружия, закреплённого у него на поясе поверх угольно-чёрного боевого доспеха. Коснувшись двуручного меча, примарх Первого словно бы успокоился. Он немного выпрямился, и плащ из львиной шкуры всколыхнулся у него на плечах, словно потревоженный схлынувшим напряжением.

— *Простите меня за необдуманные слова, братья,* — сказал Эль'Джонсон. Его тон казался немного жёстким, но звучал искренне. — *Я не хотел никого оскорбить, и, если так всё же произошло из-за моего рвения исполнить волю Императора, я приношу вам извинения. Вы правы, я командую одним из Его легионов точно так же, как эскадроном рыцарей, хотя теперь располагаю гораздо большей силой. На Калибане противника не одолеть, просто обнажив перед ним клинок, но Галактика в целом — это не Калибан.*

— *Мы здесь ради того, чтобы объединить человечество, а не поработить его,* — напомнил Фулгрим. — *Да, некоторые склоняются только под угрозой меча, однако другие примкнут к нам добровольно.*

— Гидореас, — позвал Рогал магистра хускарлов, и тот шагнул вперёд, готовый исполнить приказ. — Сообщение флоту: всем кораблям приступить к атаке на поверхность.

— Слушаюсь, владыка Дорн, — ответил советник, приложив руку к гербу в виде кулака на своём нагруднике. — Флот начнёт операцию через пять минут.

Когда Гидореас развернулся и направился к ступеням, ведущим на главную коммуникационную палубу, он услышал, что его примарх напоследок сказал своим братьям.

— Будем надеяться, враг сумеет понять, что мы неодолимо сильнее, и пожелает сохранить не только честь, но и жизнь.

Неприятель безнадёжно уступал им в мощи, и всё же Сигизмунд поневоле признавал, что капитуляции совсем без сопротивления не будет. Но что руководит врагом — стремление потешить своё эго или же честь истинных воинов? Этого никак не узнать.

Он наступал по незнакомой улице в плотной группе воинов, чьи чёрные доспехи выделялись среди золотисто-жёлтой волны. Другие отделения по большей части принадлежали к ротам 29-го, 32-го и 45-го штурмовых кадров, однако сам легионер покинул их ряды, пока владыка Дорн присутствовал на Солнечном конклаве вместе с Императором и своими братьями-примархами.

Он стал Храмовником.

Сигизмунд чувствовал, что поменялось не только его оснащение — болт-пистолет и цепной клинок вместо болтера, — но и всё остальное. Храмовники играли роль меча всей группировки: они либо врубались в неприятеля, словно режущая кромка, либо устремлялись вперёд, как остриё. Масса следующих за ними Имперских Кулаков представляла собой могучую руку и тело, благодаря которым каждый порез оборачивался тяжёлой раной. Там, где недруг сопротивлялся, Храмовники пронзали его оборону. Братья тесно взаимодействовали с отделениями прорывников, которых вывели из пустотных битв, чтобы их уникальные навыки и снаряжениегодились в городских боях. Такие подразделения, в буквальном смысле служащие щитом от вражеского огня, первыми шли в сражение, разворачивали вектор атаки и отражали контрудары до тех пор, пока не наступал подходящий момент для штурмового выпада Храмовников.

Роль клинка, а не тела или же щита, нравилась Сигизмунду.

Город представлял собой лабиринт, а его строители будто поклонялись треугольнику. Улицы пересекались в соответствии с треугольной планировкой, двери зданий имели треугольную форму, их стены усеивали высокие трёхгранные окна, а венчали все

сооружения пирамидальные крыши. Возможно, подобная эстетика зародилась из-за трёх лун на орбите мира, или же фундаментом для неё послужили какие-то мифы неизвестного происхождения, чьё влияние ощущалось и тысячи лет спустя.

Враги по большей части сражались в громоздких красно-оранжевых бронекостюмах, а их головы защищали золотые шлемы с забралами. Эхо от звуков попаданий неприятельских пуль и взрывов болт-снарядов астартес разносилось по выложенным плиткой коридорам и залам, а затем возвращалось, отражаясь от сводов.

Высокие окна зазвенели от лязга сабатонов, когда Храмовники ворвались на нижний этаж какого-то здания, превращённого в опорный пункт. На верхние ярусы вместо лестниц вели зигзагообразные пандусы с балюстрадами. Десятки местных солдат, укрывшихся за каменными парапетами, обстреливали Имперских Кулаков сверху.

— Копьё! — взревел Эол, магистр Храмовников, и двуручный меч в его длани засиял отблесками огня.

Двигаясь как один, его воины сузили построение с ловкостью бойца, меняющего стойку, а три отделения прорыва выдвинулись вперёд, чтобы принять вражеские залпы на себя. Перемещаясь к арьергарду строя, Сигизмунд снимал из болт-пистолета врагов, которые засели на верхних уровнях пандусов, ведя огонь поверх голов прорывников и их щитов. Осколки каменной кладки разлетались, будто шрапнель, и солдаты с золотыми забралами валились назад — мёртвые, раненые или же просто перепуганные. Никакой разницы, если учесть, что ждало их дальше.

Между тем другие Имперские Кулаки проникали в обширный зал через выбитые окна и сломанные двери. Их болтеры и более тяжёлое оружие изрыгали пламя, а прорывники шагали навстречу шквальной стрельбе неприятеля.

Продвигаясь к пандусу, некоторые из них подняли щиты, чтобы добавить высоты подвижной стене. Храмовники двинулись за ними, заполняя брешь между тактическими отделениями и бойцами с тяжёлым вооружением. Они готовились к атаке точно так же, как воин заносит руку с мечом для удара.

— Выпад!

Крик Эола прозвучал в тот же миг, как по залу прокатилась команда лейтенанта Поллукса из роты прорывников, велящего

своим бойцам расступиться.

Отделения щитоносцев, как и Храмовники, выполнили манёвр с точностью до долей секунды. Строй прорывников раздвинулся, и из бреши ударил меч легиона — Эол во главе чёрно-золотого клина, Сигизмунд в четырёх рядах позади на левом краю. Любые враги, сумевшие уцелеть ранее, падали, сражённые разрывными болтами из его пистолета или ударами его цепного меча, раздирающего плоть зубьями. Шагая в наступление, Храмовники давили окровавленные тела павших, и они за считанные секунды превратились из разумных существ в неровное покрытие для пола.

— Редут! — проревел Эол, перекрикивая какофонию боя.

В ходе атаки Храмовники нагромодили перед собой груды вражеских тел. Враги повергли двух братьев, и обоих теперь заносили внутрь строя, по бокам от которого топали прорывники, бегущие вверх по пандусу.

— Апотекарии! — закричал Сигизмунд, убирая пистолет в кобуру, чтобы помочь товарищам.

Ласситура и Эруда, облачённых в разбитые доспехи, вынесли из построения Храмовников так же плавно, как выдвигается крепесть для наплечника из серворуки технодесантника. Появились два воина в белой броне, сопровождаемые тактическими легионерами, и обоих Храмовников забрали. Апотекарии на ходу взялись за дело, и раздался визг резаков для вскрытия брони, постепенно стихающий вдали.

При следующем выпад впервые произошла обратная смена позиций: Храмовникам пришлось несколько секунд биться под прямым вражеским огнём сверху, пока отделения щитоносцев не прошли через их строй, чтобы принять на себя основную мощь обстрела. Сигизмунд чувствовал себя слегка непривычно, когда позволял другим сражаться вместо него, но, хотя Храмовники продолжали оттачивать мастерство индивидуального боя, VII легион в целом действовал по принципу кулака. Для сильного удара требовалось, чтобы вклад в него внесли все составляющие элементы.

Сигизмунду пришлось напомнить себе, что, пусть его и приняли в ряды Храмовников, он не стал воином-одиночкой. В гаревом кругу он бился двуручным клинком, но в бою применял цепной меч и болт-пистолет. Храмовник, да, но по-прежнему легионер. Временами чемпион, но всегда — часть неудержимой военной машины. Сигизмунд знал, как поведёт себя режущий клинок в его руке, и

точно так же Рогал Дорн полагался на своих столь же надёжных Храмовников.

Цепной меч не спрашивал своего владельца, кого он разит. В этом отношении Сигизмунд разделял безразличие оружия. По воле Дорна он или убивал, или воздерживался от удара, вот и всё. Такой будет его жизнь, пока не падёт он сам.

— Никаких бомбардировок, — распорядился Рогал Дорн. — Пока что. Повторяйте сообщения с призывами к сдаче.

Гидореас посмотрел на гололит многометровой ширины, отображающий изменения обстановки. Золотые символы обозначали тридцать тысяч уже развёрнутых Имперских Кулаков. Три основные десантные волны до сих пор не соединились. Пока ещё не катастрофа, но захват территории уже более чем на час отставал от скрупулёзно рассчитанного графика Дорна. Меньшие дисплеи демонстрировали более подробные схемы, а по всему просторному стратегиуму «*Фаланги*» располагались вид-экраны и выводы активных каналов связи. Окидывая их взглядом, командир хускарлов рассматривал испещрённые помехами кадры, в реальном времени поступающие с поверхности.

Другие руны на главном дисплее отмечали развёртывание союзных легионов во втором эшелоне: оба продвигались вперёд, но гораздо медленнее, чем ожидалось. Жители Скатии оказались гораздо более упорными, чем предполагалось изначально, хотя и явно проигрывали на всех фронтах. Корабли всех трёх легионов занимали орбиту, атмосферные истребители господствовали в небесах. Мир придёт к Согласию, и неважно, займёт это шесть часов или шестьдесят.

Гидореас спрашивал себя, что думает о сложившейся ситуации противник. Если местные считали, что яростное сопротивление способно хоть в какой-то степени ослабить имперский натиск, то они гнались за ложной надеждой. Скатию заранее выбрали в качестве своеобразных «ворот» для первых стадий Ночного крестового похода. Система обладала идеальным расположением как в реальном пространстве, так и посреди беспорядочных потоков варпа. Предполагалось, что она станет ключевым узлом для переброски войск и ресурсов с планет, уже приведённых к Согласию, в экспедиционные флоты, которым предстояло отправиться в область под названием Окклюда Ноктис.

Соответственно, здесь развернули основные силы трёх Легионес Астартес, чтобы обеспечить скорейшую капитуляцию Скатиин.

То, что местные жители решили дать отпор врагу столь колоссальной мощи, не слишком лестно характеризовало их культуру. Миллионы уже погибли из-за... чего? Гидореасу приходилось полагать, что из-за гордости. Кроме того, неповиновение аборигенов уже обходилось имперским войскам дороже, чем гласили предварительные расчёты. Командир хускарлов посмотрел на своего примарха, но тот сохранял непроницаемое выражение лица.

Дорн повернул голову, словно ощутив на себе взгляд Гидореаса.

— У тебя какой-то вопрос, капитан?

Ошеломлённый хускарл только через секунду сообразил, что у него в самом деле есть вопрос, хотя оформился оный лишь сейчас.

— Мой господин, я осознаю, что необходимо избегать крупномасштабного побочного ущерба, связанного с массированными бомбардировками, но у нас есть ударные корабли для точечной орбитальной поддержки. Задействовав их, мы значительно ускорим продвижение наших войск.

— И потенциально упрочим при этом решимость врага, — возразил примарх. Он зашагал по помосту в центре грандиозного стратегиума, и сотни ослепительных огней засверкали на его золотой броне. Огромный силуэт Дорна заслонял главный гололит. — Умножив число убитых мирных жителей, мы лишили бы себя права посылать сообщения с уверениями в том, что пришли как друзья, а не как захватчики. Основная цель любой битвы — победить врага, а это не всегда означает «истребить его».

Остановившись в паре шагов от Гидореаса, примарх слегка наклонил голову в сторону капитана, не сводя с него глаз.

— Если ты видишь, что рядом с тобой сразили легионера, твоя решимость колеблется или крепнет?

— Я всё понимаю, мой господин, — ответил Гидореас. — Но я также знаю, что многих легионеров, как наших, так и союзников, сражают прямо сейчас. В какой-то момент заботу о сохранении жизней нужно распространить и на собственных бойцов.

— Каждую секунду я взвешиваю возможные исходы, тысячи вариаций нашей текущей стратегии и бесчисленное множество альтернативных вариантов доступных нам действий.

Хускарл кивнул. Он провёл рядом с примархом уже несколько лет, но до сих пор изумлялся способностям повелителя — как умственным, так и физическим. Даже прежнему командиру VII легиона, магистру Матиасу, гению логистики и стратегии, потребовался бы весь его вспомогательный персонал и постоянный поток рапортов, чтобы управлять ходом столь многоплановой кампании, как текущие действия по высадке и усмирению. Что касается владыки Дорна, то он, желая разобраться в ходе боя, просто окидывал взглядом десятки дисплеев и офицеров стратегиума. Примарх считывал информацию как с экранов, так и с людей.

— Виноват, мой господин. — Гидореас провёл рукой в керамитовой перчатке по щетине на подбородке. Недавно он вспомнил, что когда-то, в юные годы, ещё до того, как его завербовали в легион, пытался отпустить бороду, и теперь решил вернуться к этой идее. Пока что щетина отросла до той стадии, на которой кожа нестерпимо зудит. — Временами я забываю отведённую мне роль. Но теперь я с большей ясностью вспоминаю нашу задачу, воплощённую в слова Императором в ту пору, когда нас только создали. «Одной победы недостаточно. Чтобы завоёвывать, следует не просто одолевать врагов, но и удерживать плоды триумфа». Речи эти мне следует ещё глубже вырезать в своём разуме.

— Именно так, Гидореас. Именно так.

Отойдя в сторону, Дорн перевёл взгляд на массивный гололитический дисплей. Взмахами руки он коснулся нескольких различных областей, и они выделились, засияв красным цветом. Гидореас сразу же понял, что это элементы десантной группировки, находящиеся в самом тяжёлом положении.

— Орбитальные удары облегчат им проход к целям, так? — Дорн не обернулся: он задал риторический вопрос. — Насколько больше твоих генных братьев уцелеет? Десять? Или сто? А что, если, поддержав эту атаку ударами по жилым кварталам, мы убьём семью какого-нибудь политика или разрушим священное место? Люди будут биться дольше, и кровавая, изматывающая война продлится ещё дни, а то и недели, и всё из-за какой-то дюжины лэнс-выстрелов. Скольких легионеров, чья гибель уже не приблизит нас к миру, сразят за время затянувшегося конфликта?

— Я беспокоился необоснованно, владыка Дорн, — заверил примарха Гидореас. — Я вижу военные решения, однако ваша

стратегия учитывает гораздо больше аспектов.

— Всё дело в балансе, — ответил Рогал, вновь обхватив кулак другой рукой. — Если не добьёшься тактических побед — не продвинешься к стратегическим целям^[4]. Мы не вправе забегать вперёд.

— Никак нет, мой господин.

Прошло ещё несколько секунд, а затем Дорн резко посмотрел налево, за гололит, в сторону одной из станций связи на нижней палубе стратегиума.

— Лев Эль'Джонсон собирается начать следующую атаку, — спокойно произнёс примарх.

Гидореас проследил за взглядом своего господина и заметил, что лейтенант Эфрид удаляется от пульта сервитора, держа в кулаке сообщение, выведенное автописцом.

— Уведомить штурманов и флот, что мы совершаем манёвр для бомбардировки и высадки с целью оказания поддержки. — Дорн снова обратил взор к гололиту и настроил дисплей так, чтобы на нём отобразились линия укреплений и городские агломерации, где высадились Тёмные Ангелы. На схеме обновились метки легионеров: они прошли за стены и углублялись в город. — Пришло время для финальной демонстрации наших намерений.

— Выпускаем вторую штурмовую волну, господин?

— Да, но для того, чтобы поддержать Льва. По-моему, он обнаружил политическую столицу планеты. Рассчитайте маршрут флота, чтобы подвести нас к кораблям Первого легиона, и подготовьте для их примарха сообщение о том, что мы готовы действовать по его слову.

— По его слову? — переспросил Гидореас, не в силах сдержаться. — Мой господин, но командующим назначили вас!

— А теперь я передаю руководство тому, кто лучше сумеет воспользоваться им, капитан, — резко ответил Дорн.

Гидореас осознал, что лучше всего будет промолчать. Он отсалютовал и склонил голову, показывая, что понял приказы своего господина. Несколько секунд спустя Эфрид поднялся по рампе на смотровую площадку.

— Владыка Дорн, примарх Первого легиона посылает депеши. Он прорвал оборону и считает, что приближается к планетарному правительству. Он просит нас выдвинуться для поддержки, чтобы обеспечить полное окружение врага.

Рогал перевёл внимание на дисплей над навигационными станциями, отображавший расположение флота. Прервав любое общение с подчинёнными, он просчитывал дальнейшее развитие событий.

— Я получил приказы для нас, — сказал Гидореас.

Пройдя мимо примарха, он забрал у лейтенанта свёрнутый лист пластика.

Пока они спускались, Гидореас бросил взгляд на командующего своего легиона, всё ещё не вполне понимая, что сейчас произошло у него на глазах. Любой другой индивидуум мог счесть «просьбу» Льва самонадеянной, а то и попыткой свести счёты за то, что изначально командование поручили не ему. Дорн же не просто был готов отказаться от своей власти во благо кампании, но и предвидел подобный вариант. Хотя минуло десять лет^[5] с тех пор, как Рогал воссоединился со своим легионом, и пять — с того дня, как Гидореаса повысили до советника, никогда прежде он не видел Дорна таким прямолинейным, таким сосредоточенным в своих решениях. Хускарл осознал, что наблюдал примарха в его стихии. Так выглядел Рогал Дорн, когда действовал в полную силу, и эта картина внушала смирение.

Гидореаса поразило не столько отсутствие эгоизма — прежде он видел, как гордыня порой брала верх над Дорном, — сколько сила, исходившая из полнейшей убеждённости примарха в том, что он поступает правильно. Речь не о высокомерии, а о всепоглощающей целеустремлённости, которую распалил в нём недавний Солнечный конклав с участием Императора. Капитан не знал наверняка, что произошло между Повелителем Человечества и его сыновьями, но ходили слухи об обмене новыми клятвами, о подтверждении цели Великого крестового похода. Что бы Он ни сказал примархам, эти слова разожгли внутри Рогала Дорна огонь, и теперь он горел ярче, чем Гидореас когда-либо наблюдал прежде.

Это пламя или озарит Галактику, или поглотит их всех.

Свет горящих дворцов отражался от линз шлема магистра Эола, когда он обратился к собравшимся Храмовникам — трёмстам легионерам, практически целой роте. Они стояли на усыпанных обломками руинах бульвара, ведущего в сердце столицы, построившись в три ряда с обеих сторон. Подразделения отозвали из сражений по всей планете, чтобы обеспечить примарху

достойный почётный караул: ожидалось, что Тёмные Ангелы и Дети Императора поступят так же.

— У нас тут не победный парад, мы пока что не выиграли. Это военный совет, — Эол зашагал по центру дороги между рядами своих Храмовников. В левой латной перчатке он держал двуручный меч, положив клинок на наплечник. Под тяжеловесной поступью воина хрустели осколки камня. — Я хочу, чтобы вы смотрели на итоги наших кровавых трудов и гордились. Нельзя допускать, чтобы те, кто отвергают Императора, действовали против Него. Соппротивление порождает возмездие. Значит, Согласие — или завоевание. Сейчас мы в самом начале этого крестового похода в обитель теней, и каждый из ваших клинков дарует смерть ещё тысяче врагов. Там, куда мы идём, нет ничего, кроме тьмы. Мы должны нести с собой наш свет, будь то фонарь просвещения или пылающий факел разрушения. Имперская Истина скрепляет нас, но определяют нас клинки наши. А теперь — встаньте гордо перед своим примархом и другими легионами, твёрдо зная, что мы не посрамили себя в их глазах.

Пока Сигизмунд наблюдал за Эолом, тот направился к площади, отведённой под посадочную зону. Прежде на ней располагались вычурные абстрактные статуи, но их снесли. Фрески с декадентскими сценами, покрывавшие фасады зданий, раскололись под обстрелом, стены испещряли воронки от артиллерийских и болтерных снарядов. Взгляд Сигизмунда скользнул вдоль рядов его братьев, чью броню избороздили похожие следы свирепых схваток. Только перспектива праведного истребления могла вынудить врага биться со столь бешеным и бесцельным неистовством. И вышло так, что Рогалу Дорну и его братьям пришлось совершить именно то, чего страшился противник. Они отказались от переговоров, от новых попыток заключить мир, даже от идей о прекращении огня, которое позволило бы императорам заняться своим делом и разъяснить несведущим великий замысел Императора.

На такую бездумную ненависть ответить могли только болтер и клинок.

Струи пламени из двигателей десантных судов возвестили о прибытии примархов, каждого из которых сопровождали эскадрильи истребителей в геральдических цветах его легиона. Рогал Дорн подобрал достаточно просторную зону высадки, чтобы все три «Грозовые птицы» могли приземлиться вместе. Иначе могло показаться, что у сыновей Владыки Людей есть некая иерархия, что

кто-то из них главнее других. Атмосферные корабли Детей Императора, совершив чётко скоординированный вычурный манёвр, в последний раз облетели по спирали транспортник своего примарха, а затем взмыли обратно к плотным облакам. Издаваемые ими раскатистые акустические удары, разнёсшиеся над руинами города, были рассчитаны так, что прозвучали наподобие салюта из одиннадцати орудий.

Десантные суда приземлились и извергли содержимое своих отсеков: Дорна с его хускарлами в золотой броне, двух других примархов с их почётными караулами. Гвардия Феникса, преторианцы Фулгрима в сияющем пурпуре и злате, маршировала по обеим сторонам от своего властелина под длинным развевающимся знаменем, похожим по форме на имперскую аквилу. Наконец, владыка Тёмных Ангелов шествовал во главе колонны отборных воинов под пологом стягов с сочетаниями красного, чёрного и белого цветов, украшенных калибанскими символами.

Ходили слухи — впрочем, быстро опровергнутые магистром Храмовников, — что примархам пришлось встретиться на поверхности, так как они не сумели договориться, чей флагман подходит для проведения совета. Сигизмунду выбор казался очевидным, ведь «*Фаланга*», обладая размерами звёздной станции, намного превосходила по возможностям даже капитальные корабли Льва и Фениксийца, но права голоса он здесь не имел.

Рёв моторов возвестил о прибытии сотни Тёмных Ангелов на мотоциклах: они выехали из городских переулков, чтобы эскортировать примархов. Пока трое сыновей Императора двигались по дороге к разрушенному зданию парламента старого режима, Фулгрим говорил о чём-то, бурно жестикулируя. Дорн иногда кивал, тогда как Лев качал головой, и ветер, насыщенный дымом, трепал гриву его волос.

Когда они подошли ближе, Сигизмунд благодаря улучшенному восприятию уловил их слова, но не понял, о чём речь, поскольку не знал контекста.

— ...попробовать ещё раз, — произнёс Фениксиец. — Единожды избрав план действий, мы должны проследить, чтобы его выполнили как положено, иначе все наши усилия утратят смысл.

— Всё это спровоцировал твой легион, Фулгрим, а с последствиями теперь нужно разбираться нам! — рявкнул Лев.

Тут разговор заглушило рычание моторов: ездоки эскорта промчались мимо, затем остановились в дальнем конце маршрута

процессии и выстроились полукругом.

Как только их двигатели сбросили обороты до холостого хода, Сигизмунд сумел услышать последний обмен репликами между примархами.

— Когда покорности добиться невозможно, есть лишь одна альтернатива — устранить всех противников, — сказал соратникам Рогал Дорн. — Я бы избежал подобного исхода, если бы мне предоставился шанс, но, к сожалению, обстоятельства сложились против нас, и мы уже не в силах что-то изменить. Экспедиция в Окклюдю Ноктис только началась, и впереди нас ждут гораздо более суровые испытания. Нам не нужен потенциальный враг в тылу, а оставить крупный гарнизон для защиты этого мира от будущих революций тоже не удастся, у нас нет таких сил. Что ж, мертвецы не бунтуют...

— Лучше гробы, чем рабы? — с лёгким смешком заметил Фулгрим. Он быстро коснулся ладонью руки Дорна и посмотрел мимо него на Льва. — Я знаю, ты чувствуешь, что это как-то бесчестно, но тебе следует помнить кое-что важное. Мы здесь среди дикарей и чужаков. У них нет чести, и они не заслуживают такого блага, как твоё милосердие. Вручить им подобный дар — всё равно что выбросить. Лучше сохрани его для тех, кто примет Имперскую Истину.

Ответ Льва разобрать не удалось из-за большого расстояния и рёва мотоциклетных эскадронов Тёмных Ангелов. Когда прошли замыкающие воины почётных караулов — хускарлы, Гвардия Феникса, паладины Калибана, — облака на горизонте осветились красным сиянием, а спустя несколько секунд с востока донёсся грохот мощной детонации, прокатившийся по всему городу.

Сигизмунд никак не отреагировал на взрыв, но тот послужил напоминанием о том, что враги по всей планете по-прежнему сражаются до последнего вздоха против тех, кого считают захватчиками. Тот факт, что покорение Скатии служило лишь начальным этапом гораздо более масштабной кампании, развеивал любые иллюзии в отношении того, насколько тяжёлыми будут грядущие войны. В случае Сигизмунда его статус Храмовника означал, что он окажется в самом жарком горниле битв, и впервые с тех пор, как его забрали с крыши какой-то лачуги на Терре, воин наконец-то решил, что обрёл свою цель и предназначение.

Создавалось впечатление, что в атаках противника нет никакой цели. Скатийские командиры пали в бою, их политических лидеров казнили, их города лежали в руинах, и всё же местные до сих пор думали, что смогут вырвать свой мир из хватки Императора.

Возможно, в этом всё-таки есть смысл, подумалось Фафниру Ранну. Скатийцы знали, что их ждёт. Им больше не предлагали капитулировать, не ставили никаких условий, не давали ни шанса на мирное Соглашение. Кто же прекратит сражаться, оказавшись на грани истребления? Одна только гордость заставит тебя дать отпор и попытаться прикончить ублюдков, явившихся убить тебя. Плюнуть в глаза своему палачу — очень даже человеческая реакция.

Особенно смачно харкнули в лицо легиону те солдаты неприятеля, которые сейчас оказывали яростное и бескомпромиссное сопротивление на территории одного из уцелевших промышленных секторов. Даже отступив из центров политической власти, скатийцы продолжали защищать свою инфраструктуру. В удивительно короткие сроки они перевели большую часть промышленности на военные рельсы, хотя количество людей, способных управлять только что собранными боевыми машинами и применять недавно изготовленное оружие, сокращалось с каждым днём. Пусть область их расселения ограничивалась одной системой, представлялось, что скатийцы не новички в межзвёздных войнах. Это напомнило Ранну, что в ближайшие месяцы крестовый поход будут ждать не менее, а то и заметно более серьёзные трудности.

На протяжении нескольких предыдущих дней продвижению 45-го штурмового кадра препятствовал укреплённый район электростанций, заводов и фабрик, растянувшийся поперёк одной из главных магистралей, которые вели через естественный барьер в виде горной гряды, окружавшей последний бастион сопротивления. Другие подразделения также застряли на тех или иных участках проникновения, ведя борьбу не только с фанатичным врагом, но и с пересечённой местностью.

Час назад прибыл Рогал Дорн, собиравшийся оценить ситуацию и принять командование на поле боя.

Ранн почитал за честь, что примарх избрал именно его сектор фронта для удара по врагу, хотя вряд ли мог считать это своей заслугой. В большей степени случайность, нежели что-то иное, вывела его соединение на восточную магистраль, идущую прямо в центр скатийской укреплённой зоны. Впереди над дорогой

господствовал бастион, подобный утёсу, — холм из переработанного щебня и пластали, выступавший над несколькими квадратными километрами развалин. Его склоны щетинились зенитными орудиями, тогда как противоорбитальная артиллерия промышленных крепостей пока что сдерживала флот.

Всё это создавало весьма серьёзную проблему, решить которую могли только войска на земле.

По приказу Дорна туда прибыли подкрепления из других формирований вместе с контингентом из ста хускарлов, которые высадились вместе с примархом. Сейчас Ранн видел этих отборных бойцов в нескольких сотнях шагов слева от себя. Их позолоченные доспехи резко выделялись на фоне тёмных плит и битого кирпича, что лежали на дальней обочине расколотых, испещрённых воронками полос ферробетонного шоссе, протянувшегося по дну долины. По обеим сторонам дороги возвышались террасные насыпи, заваленные обломками и прорезанные подъездными путями, тоже заваленными битым камнем. Сканирование не выявило никаких признаков жизни за пределами кривобокой крепости впереди.

Вокс зашипел, а затем передал команду Дорна, состоящую из одного слова:

— *Начали.*

Легионеры с огнемётами, каждого из которых сопровождал прорывник со щитом наготове, выдвинулись через ряды авангардных отделений. Неприятель располагал здесь десятками сравнительно тяжёлых многозарядных орудий, размещённых среди руин зданий, что когда-то тянулись по обеим сторонам широких улиц впереди, в углублениях, вырытых посреди расколотой кладки, а также в грудах битого кирпича. Пока что все они молчали, но во время предшествующих атак неизменно давали о себе знать.

Самый первый штурм, натиск отделений с прыжковыми ранцами, потерпел неудачу. Их вынудил отступить вражеский обстрел — плотный, несмотря на вектор атаки, — поэтому в дальнейшем пришлось задействовать тактических легионеров и прорывников, способных продвигаться более осторожно, но эффективно. К сожалению, пехота наступала слишком медленно, что давало скатийским артиллеристам время сосредоточить огонь, находясь под прикрытием уцелевших участков их оплота. Укрепления защищали врага от оружия поддержки Имперских Кулаков, поэтому

командиры легиона, видя, что пробить брешь не удастся, переместили сюда артиллерию для подавления целей.

В течение предыдущего дня Ранн без особого интереса наблюдал за тем, как множество снарядов расходуется ради того, чтобы разбить большие обломки на маленькие осколки.

Теперь, когда атаку возглавил примарх, в неё влился новый смысл — точно так же, как улучшенный организм и системы брони Фафнира наполнили его кровеносные сосуды стимуляторами. Когда сокращались и расширялись пучки мышц и фибросвязки доспеха, сержант воспринимал эти ощущения как нечто единое. Он чувствовал себя воином с кожей из пластали и керамики.

Ранн находился довольно близко к головной части штурмовой колонны, сразу же за прорывниками, что давало ему почти идеальный обзор. Впереди него возглавлял атаку примарх со своими хускарлами; игнорируя укрытия, они быстро продвигались между обломками зданий и выгоревшими остовами машин на шоссе. С вражеских позиций прилетали дальнобойные выстрелы, мелта-снаряды расплавляли дорожное покрытие, иногда обращая в шлак и боевую броню легионеров.

Слева и справа от Ранна воздух рассекали трассеры, но он не обращал на них внимания. Самый верный способ выжить — сократить дистанцию и вступить в ближний бой. Действуя как-то иначе, ты только дашь противнику больше времени на то, чтобы точнее прицелиться.

— Тепловые выбросы! — крикнул Ордера. Он резко повернулся на восток, потом на запад. Ауспик в его руке непрерывно завывал. — С обоих флангов!

Спереди донеслись громкие возгласы хускарлов, и вокс-сеть с треском ожила, доставляя предупреждения как сержантов отделений, так и офицеров.

Груды щебня задрожали, затем осыпались по скатам разрушенных зданий. Вслед за внезапным всплеском тепловых сигнатур возобновились залпы тяжёлых орудий, вкопанных в землю. Из укрытий с грохотом вырвались ревущие бронемашины размером со сверхтяжёлый танк «Гибельный клинок», раздвигая корпусами искореженные фрагменты стен. Лязгающие гусеницы исполинов дробили камень и плитку, их башни со спаренными орудиями проступали из облаков пыли и цементного крошева.

— Никаких жизненных показателей! — крикнул Ордера. Он не столько предостерегал товарищей, сколько ошеломлённо восклицал. — Внутри никого нет!

— Их ведёт изуверский интеллект, — прорычал Поррток, легионер слева от Ранна. — Чем наша воздушная разведка занималась?

Лейтенант Поллукс отдавал приказания быстрее, чем палили защитники, однако положение роты изменилось за считанные секунды. Вместо атаки бойцы попали в засаду и оказались совершенно уязвимыми перед четырьмя гигантскими боевыми машинами, чьи спаренные орудия уже выпускали бронебойные залпы концентрированного света по плотным рядам штурмовых отделений в арьергарде.

Впереди начал действовать владыка Дорн. Облачённый в золото великан развернулся к одному из танков слева и широкими шагами помчался через проезжую часть. Хускарлы, даже перейдя на бег, отставали от него.

— *Разделиться и контратаковать, используя сами танки как прикрытие,* — распорядился лейтенант.

Ранн мельком заметил, как офицер шагает вправо, воздев силовой меч, будто зная, у которого должны собраться воины.

Но сержант больше не мог наблюдать за этой сценой: он сам находился далеко не в идеальном положении. Одна из машин, управляемых искусственным разумом, располагалась уже менее чем в двухстах метрах от него. Сверхтяжёлый танк с рокотом спускался по краю террасы, направляясь прямо на первую линию прорывников. Его башня сверкнула, испуская лазерные разряды, и два легионера слева от Ранна испарились в алом луче.

Заметив боковым зрением отблеск золота и услышав раскатистый грохот удара титанической силы, Фафнир тут же вспомнил, что Дорн без промедления перешёл в контратаку. Теперь сержант понял почему. Вражеские танки расположились слишком близко, и, хотя изначальный наступательный порыв позволил им повергнуть десятки Имперских Кулаков, бойцы роты разделились и бросились под неприятельский обстрел, чтобы выдержать натиск благодаря своей скорости, а не броне. Так или иначе, за следующую пару секунд погибли ещё несколько братьев Ранна, разорванных лучами рубинового света. Прорывники ринулись вперёд, невзирая на отягощавшие их щиты.

— Яго! — крикнул Фафнир.

Сержант отделения прорыва оказался прямо перед Ранном. Шквал красных лучей одного из танковых орудий отразился от силового поля его щита.

— Идём вперёд, — последовал напряжённый ответ.

— Абордаж с подъёмом! — рявкнул Фафнир. Он уже навёл болтер на ближайшую бронемашину, но не видел подходящих целей. Танком управлял неживой разум, получающий данные с десятков сенсоров. Никаких смотровых щелей для командира или водителя, куда удалось бы послать снаряд. Всё, кроме гусениц, прикрыто плитами толстой брони. Ранн попробовал выстрелить по тракам, но его одиночный болт, взорвавшись при ударе о вертящуюся ленту металла, не причинил ей урона. — Правый фланг.

Искусственные разумы бронемашин медленно реагировали на неожиданную контратаку. Танки по-прежнему ползли вперёд, хотя legionеры уже нарушили строй и мчались на фланги. Вспомогательные оружейные системы тоже извергали лазерный огонь, но чаще всего им не удавалось пробить силовые доспехи. Лучи отлетали от шлемов, нагрудников и наплечников, выбрасывая снопы искр, будто праздничные шутихи.

Мельком взглянув на своего примарха, Ранн немедленно ухмыльнулся. Рогал Дорн балансировал на крыше лязгающего колосса, словно забрался на льдину и плыл на ней по Великой реке. Массивный цепной меч примарха висел на зацепе, пока он старался обеими руками обхватить башенный погон^[6]. Пока Фафнир смотрел, закованные в керамит пальцы Дорна отыскивали удобный участок и он оторвал наклонную установку от шасси. Кругом разлетелись пучки электрических искр и искореженные полосы металла.

— По твоей команде, — сказал Яго, побудив Ранна вернуться к задаче, стоящей перед ним самим.

Прорывники замедлились, добравшись до правого борта громадной боевой машины, развернулись, и двинулись дальше в темпе грохочущего танка. Фафнир же бежал во главе своего отделения.

— Давай, брат! — гаркнул Ранн.

Все прорывники разом упали на одно колено и наклонили щиты, словно пандусы к высокому борту танка. Через долю секунды тактические legionеры достигли позиции своих товарищей. Как

только они запрыгнули на щиты, воины Яго толкнули братьев вверх, на высоту в несколько метров, чтобы они заскочили на крышу бронемашины.

Ранн едва не потерял равновесие, приземлившись дальше к корме, чем ожидал. Он оказался на скосе башни, поскольку танк разогнался, чтобы оторваться от столпившихся вокруг него космодесантников. Вспомогательные орудия размещались так, что не могли успешно отражать подобные атаки, однако сверхтяжёлая машина с левой стороны распознала опасность и направила противопехотные установки в сторону собрата, на которого влезли астартес. Пока из обшивки вокруг Фафнира вылетали искры от лазерных разрядов, он перемещался в направлении кормы — туда, где по его полю зрения расплзлось оранжевое пятно теплового выброса, отрисованное авточувствами. Термальный шлейф указывал на выхлопное отверстие, то есть на уязвимое место.

Полдюжины бойцов отделения, которые тоже совершили прыжок, теперь следовали за своим сержантом к решётке, расположенной сразу позади главной башни.

Замечая, как действует Ранн, всё новые подразделения старались взять на абордаж другие машины. Танки между тем вращали башнями и прокручивали гусеницы, пытаясь стряхнуть нападающих. В дыму и пыли вокруг Фафнира замелькали выстрелы: артиллеристы из вражеской крепости осознали, что их техника под угрозой. Ранее неприятельские командиры проявили терпение, пробудив бронированных гигантов лишь в самый подходящий момент для атаки. Однако они не учли возможностей примарха и его легионеров...

— Ложись! — крикнул Клауз, находившийся чуть позади Ранна.

Сержант и другие бойцы тут же рухнули на бронированную корму танка. Для Гериоса предупреждение запоздало, и от удара стволом главного орудия его изломанное тело повалилось на землю. Пушка, сбившая его с борта, при этом погнулась.

Поднявшись на ноги, два легионера вцепились в решётку пальцами в латных перчатках, напрягли фибросвязки и вырвали её, тем самым обнажив пульсирующий сердечник двигателя. Оттуда, из гнезда скрученных кабелей, исходил слабый голубой свет, что поблёскивал на латунных разъёмах.

Ранн понятия не имел, как работает мотор, а интересовался этим даже меньше того. Ещё два бойца мерялись силой с вращающейся

орудийной турелью, и её механические шестерни с пронзительным металлическим визгом уступали сервоприводам их доспехов.

— Гранаты сюда, все и сразу, — велел Фафнир остальным бойцам, срывая с пояса осколочные заряды.

Всего в люк влетели четырнадцать гранат, после чего сержант и его товарищи спрыгнули с кормы танка и приземлились в колеи, пропаханные его массивными гусеницами.

Через пару секунд из нутра бронемшины вырвались клубы дыма и пламени. Осколки и фрагменты двигателя фонтаном взметнулись вверх и посыпались на крышу танка, а сама машина остановилась под скрежет сломанных механизмов.

— Яго, Ранн, хорошо сработано, — произнёс лейтенант Поллукс, появившись из туманной пелены маслянистого дыма и песчаной взвеси.

Красные лучи и снаряды по-прежнему обрушивались с укрепленных позиций, а один из танков, сумев вырваться на простор, отъезжал на безопасное расстояние и срезал Имперских Кулаков из орудий.

— Теперь шевелитесь, — продолжил лейтенант. — Построиться для штурма этого опорного пункта!

Ранн и Яго подтвердили, что приказ ясен, и вызвали своих бойцов. Пали два воина из тактического отделения, а также один прорывник. Среди развалин лежали почти два десятка тел в охряно-жёлтой броне, что указывало на более высокие потери в подразделениях, не сумевших отреагировать столь же быстро.

Сквозь дым Фафнир разглядел Дорна и обломки танка позади него. Рогал и его хускарлы снова продвигались к вражеской твердыне. Яго со своими бойцами отправился выполнять приказ, и Ранн последовал за ним, вновь сосредоточив внимание на орудийных позициях. Сзади остались лежать десятки воинов в жёлтых доспехах, и ещё несколько — в золотых. Сержант не мог винить врагов за то, что они бьются до последнего, но каждый из его павших братьев сгинул по вине граждан Скати, тщеславно отказавшихся принять неизбежное, и за это он ещё чуть сильнее возненавидел местных.

— Победа была неизбежна, — заметил Дорн и провёл рукой по звёздным картам, разбросанным по широкому деревянному столу, за которым когда-то заседал правящий совет Скати.

Теперь только карты и сам зал собраний напоминали о жителях этого мира. То, что кампания началась с геноцида, не слишком обнадеживало, но на Скатию уже прибывали сотни кораблей переселенцев, чиновников и адептов Механикума, готовых приступить к работе и преобразить систему для служения Империуму. Не прошло и недели после того, как прогремел последний выстрел палача, а все уже размышляли о дальнейших действиях.

— Несложный вопрос в том, — продолжил Дорн, — какова будет цена. Всё человечество готово служить Императору, так что измеряется она не в числе потерь, а лишь во времени. Однако же тут мы столкнулись с ситуацией, когда эта гарантия не кажется столь надёжной.

Рогала внимательно изучал один индивидуум, расположившийся в стороне от совета примархов. Эсуин Ригантис де лоро Навис Фир Зума, представитель дома Зума, обладал самым высоким чином в контингенте Навис Нобилите. Его специально привлекли для участия в данной экспедиции, и он получил власть не только над своими собратьями, что прокладывали путь для «*Фаланги*», но и над всеми остальными навигаторами Имперских Кулаков. Ещё никто прежде не занимал такой позиции, и этот политический манёвр обеспечил дому Зума высокое положение. В дальнейшем семейство Ригантис наверняка получит изрядные барыши на контрактах и правах.

Но престиж и богатство были сопряжены с риском, причём настолько ужасным, что Ригантис едва не отказался от этой вакансии. Впереди ждали такие испытания, что преодолеть их могли только обладатели поистине выдающегося таланта навигатора, а значит, от Эсуина требовалось личное присутствие во флоте. Ему, новатору Зума, потенциальному Прямому наследнику Патерновы, главе своего дома, полагалось лично возглавить контингент собратьев.

Минуло уже более двадцати лет с тех пор, как он в последний раз покидал орбиту над терранскими поместьями Зума. Эсуин заработал известность и должность в Правящих домах ещё за первые десятилетия Великого крестового похода. Теперь же и его будущее, и наследие, которое он оставит после себя, находились в руках Имперских Кулаков. Услышав, что их господин говорит о своей неуверенности ещё до того, как кампания началась по-настоящему, Ригантис совсем не обрадовался.

Похоже, что Льва Эль'Джонсона пессимизм Дорна обескуражил не меньше.

— Мы командуем одним из крупнейших боевых соединений в истории, Рогал. Не переживай слишком сильно из-за того, что мы задержались на этой скале, — Повелитель Первого посмотрел на Фулгрима. Тот наблюдал за Дорном, подняв одну руку к подбородку, а другой поигрывал богато украшенной рукоятью меча на поясе. — Да, изначально мы не собирались браться за полное истребление, но нам нужно учитывать вероятность такого варианта при входе в любую звёздную систему.

— Я понимаю тебя, брат, — произнёс Фулгрим, проводя пальцем по украшению на нагруднике. — Мы все читали рапорты и знаем, как резко они обрываются. За прошедшие десять лет сгинули четыре экспедиции. Эти звёзды не желают раскрывать свои секреты просто так.

— Ни один из тех флотов не имел и половины того количества солдат и кораблей, что есть у нас, — заявил Лев.

Эль'Джонсон подошёл к столу с картами, оставив позади десяток сопровождавших его паладинов, чьи знамёна почти касались потолка бывшего зала совета. Отсюда убрали всё, кроме столов, но на стенах ещё виднелись воронки от болтов, а окна зияли дырами. Рядом с левой ногой Ригантиса на красной ковровой дорожке проступало пятно более тёмного оттенка — скорее всего, засохшая кровь.

— Тысяча ослеплённых воинов не сможет победить одного зрячего, — возразил Фулгрим. — Проблема у нас не с пушками, не так ли, новатор Зума?

Внезапно оказавшись втянутым в дискуссию, Ригантис вышел вперёд. Его свита из стражей Навис не сдвинулась с места. Следом за Эсуином, словно приглашение навигатора к дискуссии касалось и их тоже, из когорт своих советников и бойцов выступили ещё несколько индивидуумов. Эрцгерцог Кхесайя, адмирал Имперской Армии в парадном винно-красном камзоле с белыми прорезными рукавами и в чёрных сапогах до колен поверх светло-голубых брюк. Аутартикс-Цент в красном балахоне марсианского Механикума, сопровождаемый по пятам искусственно выращенным рабом-младенцем с кадиллом в руках. Гераслк Гилът из корпуса Летописцев и старший итератор Хьюгост Вацим, оба в зелёных мантиях с белыми воротниками и манжетами. Сам Ригантис носил свободную чёрную рубашку с парчовым передом и столь же мешковатые

тёмные брюки, а также пару туфель с пряжками и широкими носами. Такая просторная одежда, менее строгая, чем официальное облачение, тем не менее хорошо скрывала и наиболее явные мутации, вызванные геном навигатора, и крепежи и скобы в руках, ногах и позвоночнике Эсуина, благодаря которым он мог жить и работать при силе тяжести, отличной от нулевой. Впрочем, пока новатор подходил к столу с картами звёздного неба, он всё равно шагал скованно и аритмично, скрючив руки.

— Числа как таковые никогда ничего не решают, мои господа, — произнёс Ригантис с кривой улыбкой. Он кивнул Рогалу Дорну, и тот отошёл от стола, махнув рукой в знак того, что уступает место навигатору. — Примарх захочет, да варп захочет. Войско в пятьдесят миллиардов человек не сумеет покорить незащищённую луну без кораблей, способных доставить его к цели. А если у вас есть корабли, нужно добиться того, чтобы они прибыли в нужное время. Там, куда мы направляемся, все эти сложности усиливаются десятикратно, а возможно, и стократно.

— На захваченных нами картах отмечены системы, что лежат дальше, в глубине Окклюды Ноктис, и это наверняка пригодится, — вмешался Лев. — С кораблями скатийцев мы столкнулись за десятки световых лет отсюда.

— В самом деле, карты полезны и хорошо проработаны, — согласился Ригантис. Он нарочито наклонился и внимательно осмотрел схемы ещё раз, хотя тщательно изучал их на протяжении всего предыдущего поворота этого мира вокруг своей оси.

— Обозначения совершенно иные, чем у нас, но их можно расшифровать при наличии контекста. Расстояния, похоже, относительные, а не реальные — вероятно, отмерены в единицах времени, а не пространства. Из исследований захваченных кораблей нам известно, что местные обладали технологиями только для коротких варп-прыжков. А вот у нас с вами проблема иного характера. Благодаря путеводному свету Императора, Астрономикану, флоты Империи далеко продвинулись по Галактике, однако без него мы ничем не лучше какого-нибудь убогого захолустья, где только что изобрели их первый варп-двигатель.

— Вы уверили меня, что сможете решить эту проблему, — с нажимом произнёс Дорн, пристально глядя на Ригантиса. — Сейчас не время отказываться от своих хвастливых слов.

— Никакого хвастовства, владыка примарх, никакого хвастовства.

— Обойдя стол, старший навигатор остановился у подноса с кувшином воды и несколькими стаканами. Наполнив один из них до половины, Эсуин поднял сосуд тонкой рукой с лишним суставом, а другой указал в сторону люмен-лампы без плафона, висевшей над картами. — Свет Астрономикана исходит из единственной точки, что позволяет нам использовать Терру в качестве приблизительного ориентира. Это не совсем точная наука, если учесть непостоянство варпа и то, что луч направлен в одну сторону. Пожалуй, Астрономикан можно сравнить с маяком. Вам видно, где он находится и насколько далёк от вас, но вы не можете точно знать, под каким азимутом смотрите на него. Все мои соратники, как и я сам, способны определить, из какой точки исходит свет Императора, но для точного позиционирования нам необходимо использовать наши расчёты и наблюдения, другие варп-маяки, установленные в ключевых точках перехода и сборных пунктах, а ещё, за неимением лучшего термина, определённые «ориентиры на местности».

— Вот Терра, — продолжил Ригантис, указав на люмен. Его ногти, окрашенные фиолетовым лаком, глянцево блеснули в желтоватом свете. Он приподнял стакан таким образом, чтобы лучи лампы прошли сквозь стекло, и провёл пальцем по радужным отблескам на своём бледном лице. — Вот мы. Окклюда Ноктис, именуемая также Ночной Зоной, лежит в тени грандиозного завихрения, которое мы называем Великим Северным варп-штормом. Его изображает сосуд... Мы отправляемся в системы на дальней стороне от него, можно сказать, в его тени. Но для навигаторов такой термин неверен. Хотя другие пси-одарённые существа — возможно, даже сам Император, да правит Он вечно, — не могут проникнуть взором в глубины варпа за пределами данной помехи, свет Астрономикана блокируется ею не полностью.

— Он рассеивается, как эти лучи? — спросил Лев, склонив голову. — То есть вы всё же можете пользоваться им для межсистемных переходов.

— Еле-еле. — Опустив стакан, Ригантис взболтал воду пальцем и снова поднял сосуд. — Этот эфирный шторм огромен, крупнее всех, с которыми мы сталкивались, причём с большим отрывом. Там бурлит вихрь энергии, разрывающий как реальность, так и варп-пространство. Та малая доля от света Астрономикана, что проходит через него, сильно фрагментирована и искажена.

— Но я полагаю, вы всё же способны им воспользоваться, — повторил Лев. Затем он взглянул на Дорна. — Такие заверения тебе дали?

Рогал кивнул и снова подошёл к столу. Ригантис меж тем начал отвечать, но громадное тело примарха, нависнув над Эсуином, словно бы заглушило его. Навигатор невольно отступил на шаг, освобождая место генетически сотворённому сыну Императора. Само присутствие Дорна и его братьев Ригантис ощущал как нечто весомое, идущее из недр их сути и давящее ему на душу. Мучимый любопытством, он страстно желал снять повязку, закрывавшую его третий глаз — варп-око, способное видеть сквозь реальность и пронзать души. Впрочем, Эсуин осознавал, что в таком случае он умрёт через долю секунды, ведь его поступок расценят как нападение.

— Нам придётся нелегко — тем тяжелее, чем дальше мы станем углубляться в Окклюду Ноктис, — произнёс командир Имперских Кулаков. — Действовать слаженно, как единый экспедиционный корпус, будет невозможно, но я думаю, что именно поэтому Император отправил сюда не кого-то одного из нас. Нравится нам это или нет, но наш отец поручил нам привести эти звёздные системы к Согласию, и промедление здесь точно не поможет. Предыдущие флоты потерялись где-то в недрах Ночной Зоны, так что от нас требуется не избегать данной угрозы, а как можно скорее выступить против неё.

— Ты, конечно же, намекаешь на просьбу нашего брата обойти северо-западный участок Окклюды Ноктис по направлению к его дому на Калибане, — усмехнулся Фулгрим.

— Как я уже говорил, это идеальный плацдарм, — Лев тоже двинулся к картам, оттеснив Ригантиса ещё дальше в сторону. — Речь не о том, чтобы потянуть время и покрепче встать перед замахом, а об осмысленной подготовке.

Поскольку его участие больше не требовалось, новатор тихо вернулся к своим охранникам. Примархи между тем продолжили обсуждать свои планы, подзывая других лиц в тех случаях, когда смертные могли подкрепить их аргументы.

Теперь, когда Ригантис ещё раз проговорил предстоящую ему задачу — первое погружение в галактические тени, уже очень близкое, — перспектива бросить вызов Окклюде Ноктис ощущалась совершенно иначе, нежели теоретические рассуждения на эту тему в его покоях в системе Сола. Пока совет, не принёсший результатов,

натужно подходил к завершению, новатор напомнил себе, что игра стоит свеч. Проведя год-другой среди этих боевых вождей и омрачённых звёзд, он обеспечит дому Зума высочайшее положение на тысячу лет.

Правда, ему неплохо бы ещё и выжить, чтобы самому насладиться успехом.

«...два, один. Успех! Я знал, что эта старая штуковина ещё работает. Захват голоса действует. Вид-захвата пока что нет, но мне нужно составить отчёт об этом событии, пока есть возможность. Я — Ларенций валь де Мир, терранский летописец, закреплённый за Легионес Астартес, Первым легионом. Только теперь кому-то из нашей группы разрешили спуститься на поверхность Скати. Тут всюду огонь и развалины, куда ни посмотри, но сейчас мы стоим в почти целом остове здания какого-то политического учреждения, и три примарха обсуждают ход предстоящей кампании. Дебаты весьма оживлённые, атмосфера в зале накалена, и меня дрожь пробирает уже от осознания того, что я здесь.

Лев предложил разделить силы крестового похода: одни должны направиться на северо-запад, а другие — на юг в обход того варп-шторма, дабы войти в Ночную Зону с галактического востока и привести к Согласию кольцо внешних систем, прежде чем проникнуть внутрь. Он утверждает, что тогда наши войска сумеют лучше понять, что располагается в сердце Окклюды Ноктис, до того, как двинутся в её глубины.

Фулгрим даёт довольно пренебрежительный отзыв и выступает за спиралевидный маршрут, который позволит флотским соединениям постепенно приближаться к центру региона, сравнительно быстро наматывая счётчик, так сказать. Учитывая тот факт, что все три примарха совсем недавно вернулись с операций по зачистке в других районах планеты, Фениксиец кажется чрезвычайно ухоженным. Приношу извинения за то, что создаю картину словами — хотелось бы, чтобы моего вид-записчика вернули из карантина, но все невоенные сервиторы в настоящее время изолированы. Тут опасаются чужеродных или еретеховых механофагов и прочих заражений.

Рогал Дорн яростно возражает, что ни одно из предложений не отвечает требованиям Императора — хотя, конечно, точную формулировку оных знают лишь три этих блистательных командира. О, как бы восхитительно вышло, если бы мне довелось записать

Солнечный конклав! Но увы, я в слишком низких чинах, а заключительный совет Императора и примархов проходил за закрытыми дверями.

Лев ведёт себя очень тихо, и я не думаю, что это добрый знак. Фулгрим остаётся добродушным, несмотря на отчасти бычий напор владыки Дорна. Примарх Седьмого легиона желает прорваться к самому сердцу теневых систем, пока флот не растратил силы на организацию патрулей, гарнизонов, и линий снабжения.

Я не стратег, но все эти планы, похоже, вполне...

Лев уходит! Бросив напоследок фразу о том, что нужно закончить начатое, он присоединяется к своей свите и покидает зал.

Фулгрим призывает его вернуться, но... да, контингент Первого легиона удалился. Владыка Дорн вернулся к изучению карт на столе, но Фениксиец уверяет его, что в этом нет смысла. Им необходимо согласовать стратегию вместе, всем троим.

Меня вызывают. Я ведь с Первым, и, если не уйду с ними, меня здесь бросят.

Как я и говорил, события весьма примечательные. Для этого грандиозного предприятия, Ночного крестового похода, нужно, чтобы его лидеры как можно скорее нашли общий язык».

Гидореас быстрым шагом пересёк стратегиум и встал рядом с остальными капитанами и иными важными лицами на борту «Фаланги». Здесь, как и в том бурном совещании на поверхности Скатии, присутствовали Фулгрим и Лев вместе с их помощниками. Хотя просторный стратегиум мог вместить несколько сотен легионеров, было решено, что каждый примарх возьмёт с собой только тех, кто способен внести ценный вклад в обсуждение, — наиболее опытных и высокопоставленных командиров рот каждого легиона.

Со стороны громадного входа в зал прошагали в ряд четыре воина в белых доспехах с чёрной каймой, и Гидореас узнал их всех, что несколько его не удивило. Мало того, ранее, когда властители легионов заседали на Солнечном конклаве, магистр хускарлов провёл какое-то время с этими Лунными Волками из Морниваля. Вскидывая кулак к груди, он поприветствовал по очереди их всех: Торгаддона, ответившего мимолётной, но искренней улыбкой; Сеянуса, казавшегося неизбывным, как небесные светила; магистра флота Кейшена, большую часть лица и тела которого заменяли марсианские киберпротезы, однако взор пылал подобно звезде, и,

наконец, новичка среди прибывших, Абаддона. Тот лишь мельком взглянул на Гидореаса, ибо не сводил глаз с Рогала Дорна.

А за ними вошёл сам Хорус Луперкаль. Никогда прежде Гидореасу не доводилось видеть примарха Лунных Волков лично. Казалось, что Хорус каким-то образом сосредотачивает внимание на всём сразу. Встретившись с ним взглядами, хускарл на секунду застыл, словно поражённый выстрелом из гравитонного ружья.

— Поспокойнее, капитан, — проговорил Луперкаль, поравнявшись с Гидореасом. Тем самым Хорус напомнил, что нужно объявить о его прибытии. Хускарл так и сделал, и в следующий миг повелитель Лунных Волков поднял руку, салютуя Рогалу и остальным. Изображая, что строго следует протоколу, он произнёс: — Разрешите подняться на борт, командующий Дорн?

— Разрешаю, — прорычал в ответ Рогал, застигнутый врасплох тоном брата, но тут Хорус улыбнулся, и Имперский Кулак немного расслабился. — Конечно. В последние недели твоего присутствия не хватало.

— И я хотел бы находиться здесь, но часть моего флота задержалась ввиду неожиданного сопротивления и нуждалась в пополнении запасов. Когда Император поручил нам четверым покорить Ночную Зону, Он ясно дал понять, что мы должны подготовиться к одной из самых долгих кампаний Великого крестового похода.

— Я выслал предложенные на нашем совете стратегии, но считаю, что неверно выбирать какую-то из них, не выслушав твоего мнения, брат, — сказал Дорн.

— То есть я нужен вам, чтобы выйти из тупика, — заявил Хорус, направляясь к своим братьям. Каждый из них выглядел немного пристыженным: вероятно, их неспособность сплотиться вокруг некой общей стратегии, указывала не только на различия в философии командования, но и на что-то более личное. Не дав никому из них заговорить, Луперкаль продолжил: — Все эти планы хороши, у каждого свои достоинства и недостатки. Чего ещё ожидать от великих сынов Императора? Во время любой иной кампании я бы сказал, что подойдёт какой угодно вариант, но, поскольку ни один из них не обладает преимуществом над другими, я тщательно всё рассмотрел и решил кое-что порекомендовать.

Он остановился рядом со Львом, но продолжал смотреть на Дорна.

— Так что же, брат? — спросил Фулгрим, пожалуй, более резко, чем сам того желал. — Кого из нас ты поддерживаешь?

Гидореас, ощутив на себе чей-то взгляд, повернул голову и увидел, что на него смотрит Сеянус. Гастур почти незаметно кивнул, но этот жест обнадёжил хускарла.

— Возможно, Хорус предложит собственный план, — заметил Дорн. — Он самый опытный среди нас.

— Спасибо, Рогал, ты в чём-то прав, — Луперкаль оглядел братьев, ещё пару секунд наслаждаясь их вниманием. — Я рекомендую последовать... всем вашим планам. Вражеская территория столь громадна, что её сложно охватить даже силами четырёх экспедиционных флотов, и я не вижу причин для того, чтобы отдавливать соратникам ноги в этом танце приведения к Согласию. Если только мы не собираемся держаться за руки и наступать одним громадным скопищем, нас в любом случае будет ограничивать скорость переходов, так что вполне можно придерживаться различных, но дополняющих друг друга стратегий.

— А что насчёт флотов, которые исчезли там до нашего прибытия? — напомнил Дорн. — Пока эта опасность не устранена, любое Согласие находится под угрозой. Если мы не сможем нейтрализовать силы, из-за которых эти экспедиции пропали, то распылим собственные войска, защищая линии снабжения и размещая гарнизоны на покорённых планетах. Четыре легионные группировки — это грандиозная мощь, но не бесконечная.

Хорус несколько секунд взирал на примарха Имперских Кулаков, ошеломлённый пылкостью его аргументов. Когда Луперкаль заговорил, то обратился не напрямую к Дорну, а ко всем троем командирам.

— Рогал прав. В глубинных системах нас ждут одни из самых тяжёлых испытаний, и чтобы справиться с ними, нам потребуется тот или иной легион в полном составе. Вот почему я согласен, чтобы Седьмой прокладывал путь в самый центр Окклюды Ноктис, действуя в качестве наших первопроходцев и застрельщиков. Остальные три легиона захватят внешние системы, чтобы оказаться отрезанными, после чего встретятся с твоими бойцами в сердце тьмы.

— Решить не принимать решение — вот в чём настоящая мудрость, — заметил Фулгрим, чем побудил Хоруса улыбнуться. — Я ведь знал, что Император не просто так держит тебя под рукой, брат.

— Всё потому, что я лучше других травлю байки о войне, — усмехнулся Луперкаль. — Это всем известно.

— Так мы договорились? — уточнил Дорн, и в ответ каждый из братьев кивнул. — Тогда не будем более медлить.

Гидореас почувствовал нечто, чего не ощущал уже давно. Перед воином развернулись перспективы грядущего: само прибытие Хоруса словно бы зажгло фитиль Ночного крестового похода, и теперь он, разгораясь, устремится вперёд. Хускарл почти осязал, как усиливается присутствие Рогала Дорна, как подспудная мощь примарха выступает теперь на первый план, ибо шестерёнки войны снова пришли в движение. Воспринимая это, Гидореас понимал, что готов действовать за пределами своих способностей, чтобы избежать даже самой возможности разочаровать примарха. Он скорее расстался бы с жизнью, чем подвёл господина.

«Два... один... ну же, не подведи меня. О, вот и славно. Запись голоса действует. Благословен будь Машинный бог, как говорят марсиане. С вами Ларенций валь де Мир, летописец, ныне переведённый в авангардную флотилию Триста сорок третьего экспедиционного флота Седьмого легиона. Думаю, что с решительным вторжением Рогала Дорна в глубины Окклюды Ноктис будут связаны одни из ключевых исторических событий текущей фазы Великого крестового похода. Разумеется, среди нас нашлись и те, кто счёл, что среди всех четырёх участвующих в операции легионов нам выпало самое опасное задание, поэтому они решили поменяться местами с более предприимчивыми душами. К сожалению, с этого момента мы вынуждены вернуться к голосовой записи, поскольку мой вид-сервитор стал жертвой гниения плоти, которая началась в визуальном процессоре и переместилась вдоль черепной впадины в лобные доли. Амблекс Д'Вараси, да будет известно всем, что ты мерзавец и жулик. Никогда больше не стану покупать у тебя подержанного сервитора.

Наступил важный этап Ночного крестового похода. Мы официально вышли из зоны непрерывного свечения Астрономикана и вошли в пределы Окклюды Ноктис. Семь из последних десяти систем представляли собой пустынные территории без обитаемых миров. Тем не менее с нами связались жители трёх систем — представители небольшого анклава известного как Феод-на-Распутье. Его обитатели, уцелевшие в пору Старой Ночи, пришли в неистовый восторг при появлении наших кораблей. В каждый из их

миров тут же отправили итераторов и группы по обеспечению Согласия. Местные рассказали о ещё одной империи, к которой мы сейчас движемся.

Она называет себя Дамаринским Консенсусом. Люди из Феодана-Распутье невысокого мнения о дамаринцах. Они утверждают, что в древнейших хрониках их земель соседи обвиняются в предательстве, хотя подробностей тех событий история не сохранила.

Пока большая часть экспедиционных сил остаётся рядом с «*Фалангой*», несколько меньших флотилий прорываются вперёд, чтобы найти обитаемые системы, в которые можно будет направить основные соединения. Мы — глаза армады, ведущие её сквозь тьму. Наша разведывательная флотилия совершила прыжок в район, который капитан Трасс считает одной из дамаринских систем. По заключению астропатов, в варпе определённо есть возмущения, которые указывают на сосредоточение высших форм жизни.

Меня допустили в стратегиум линкора «*Светоч Сола*» под командованием капитана Трасса. Обнаружены признаки активности разумных созданий, в том числе фрагменты сообщений и искусственные спутники. Мы рассылаем стандартные сообщения на всех частотах, применяя широкополосные антенны, а также ведём узконаправленные трансляции на третью и четвёртую планеты, которые кажутся наиболее подходящими для обитания людей.

Возможно, ответа придётся подождать какое-то время».

«... ну хоть теперь заработает? Да! Да! Так, надо выражаться кратко. Вместе с остальным гражданским персоналом меня переводят в каюты поближе к избавительным капсулам. Не стоит говорить, что реакция дамаринцев — если мы встретили именно их — беспрецедентна, но она уж точно необоснованна.

Мы не получили ответа на наши приветствия, однако обнаружили несколько кораблей, взявших курс к нашей позиции. Капитан Трасс заверил меня, что это не редкость. Даже миры, готовые к Согласию, редко радуются тому, что на границе их системы рыскают без присмотра боевые звездолёты, а протоколы установления связи в различных обществах бывают весьма разнообразными. Кроме того, не на всякой планете имеется глобальное правительство, способное ответить нам, поэтому Рогал Дорн отдал предельно ясные приказы. Никаких превентивных военных действий. После шокирующего поворота событий в начале экспедиции, когда миру, потенциально

готовому к Согласию, теперь требуется восстановление и замена населения, примарх жаждет достичь результата мирными средствами в как можно большем числе обнаруженных систем.

Благородный жест, но местные жители его не оценили. Они запустили нечто вроде группы ударных кораблей, объединённых в сеть. Каждой эскадрой из пяти-шести таких подчинённых судов управляет небольшой экипаж на центральном командном звездолёте. Мы предупредили, что им нужно держаться подальше, но в ответ дамарины открыли огонь. Стремительно сблизившись с фрегатом «Геракл», эскадра перегрузила его пустотные щиты и разрушила двигатели сосредоточенным обстрелом. Хотя каждый из вражеских космолётов по тоннажу вряд ли больше «Грозовой птицы», ввиду своей огневой мощи они, если процитировать капитана Трасса, «будто крысук с тяжёлым болтером». Слишком маленькие для артиллерийских батарей и лэнс-установок, эти «поликорабли», по сути, всего лишь скоростные и манёвренные орудийные платформы. Атаковать космолёты управления также затруднительно, поскольку подчинённые им аппараты быстро перекрывают собой линию огня, если командное судно попадает под обстрел.

Надвигаются новые вражеские корабли-носители, и флотилия отступает к точке Мандевилля для варп-перехода, хотя, если вновь обратиться к словам капитана Трасса, «Седьмой может превратить всю эту систему в пепел и пар». Мы исполняем действующие распоряжения примарха. Уже потеряны несколько эскортных звездолётов в арьергарде, но такова цена за избежание эскалации.

Звучит сирена, извещающая о переходе через шестьдесят секунд. К счастью, эскортные корабли, пожертвовав собой, помешали врагу нанести урон более крупным целям, пока те запускали варп-двигатели. Погибших не забудут. Мы вернёмся».

Пока остальные командиры наблюдали за Трассом, продолжавшим докладывать по три-виду, Гидореас перевёл взгляд обратно на своего повелителя и заметил, как тот на мгновение сердито нахмурился. Затем на лице Дорна снова появилось обычное для него выражение сдержанной решимости.

— Прими мою благодарность, капитан, — изрёк примарх.

— *Мой господин?* — Изображение Трасса замерцало, он покосился на своих офицеров на мостике «Светоча Сола». — *Вероятно, моё сообщение прерывалось? Покидая систему, мы*

лишились двух фрегатов и трёх звездолётов с тоннажем эсминца. Да, это корабли Имперской Армии, но всё равно потери.

— Но ты не начал войну. Ты действовал в соответствии с моими приказами, капитан Трасс, хотя я не сомневаюсь, что твой опыт и подготовка, твоё воинское чутьё, благодаря которому тебя избрали в ряды Легионес Астартес, требовали от тебя дать отпор. Полагаю, даже сейчас ты желаешь вернуться туда, чтобы отплатить.

— *Император потерял хороших слуг, владыка примарх.*

Дорн, как и Гидореас, наверняка понял, что Трасс предпочёл не заметить, какой смысл Рогал вложил в свои слова. Капитан знал, что его воззрения расходятся с позицией, за которую повелитель только что похвалил его. Командир хускарлов нечасто испытывал желание вмешаться в подобные разборки, однако на сей раз он заступился за офицера.

— Сейчас любой из нас чувствовал бы себя немного униженным, Трасс, — произнёс Гидореас, вступив в область захвата три-вида. — Нам не по себе, когда мы позволяем врагу нанести удар без ответа.

— *Я... — Трасс посмотрел прямо на проецируемый образ Рогала Дорна. — Я слагаю с себя командование флотилией, мой примарх. Не могу больше оставаться на этом посту с чистой совестью. Владыка Дорн, я бы старался исполнять ваши приказы в точности, но знаю, что мне помешало бы стремление отомстить за раненую гордость и всех тех, кто погиб.*

Теперь ошеломлённым оказался уже сам Дорн. Имперские Кулаки обычно не отказывались от должностей, которыми их наделил сам примарх. Нахмутив брови, повелитель Седьмого покачал головой.

— Капитан Трасс, я отвергаю и твою просьбу об отставке, и принижающие тебя заявления, сколь бы тяжело тебе ни было произносить такие речи. У меня более высокое мнение о тебе и твоей преданности долгу. Ты один из капитанов моего авангарда именно потому, что я доверяю тебе. Знаю, что ты будешь принимать верные решения вдали от «*Фаланги*» и моего присмотра.

Дорн сделал шаг к изображению Трасса, но затем развернулся к Гидореасу и вперил в него взор, подобный двум лазерным бурам.

— Передача всему флоту, капитан моих хускарлов!

Гидореас отдал необходимые команды офицеру связи и получил подтверждение. Дорн, следивший за ними, сразу же заговорил.

— Внемлите моим словам, сыновья Седьмого, мои Имперские Кулаки. Донесите их до ушей всех и каждого, кто не может слушать сейчас. Я обращаюсь к легионерам, работникам, солдатам Имперской Армии, адептам Механикума, летописцам и всем прочим сотрудникам терранского Администратума.

Мы здесь для того, чтобы принести Согласие всей Галактике, распространяя просвещение посредством Имперской Истины. Мы пришли не поработать или уничтожать миры, словно мерзкие ксеносы, но ради того, чтобы вывести их к свету после испытаний Старой Ночи. Эти люди раздроблены, полны страха.

Мы же — едины и сильны. Если они не осмеливаются поверить, что их невзгоды подошли к концу, нам следует простить их, ибо ни один узник, которого слишком долго держали во тьме и одиночестве, уже не надеется, что день освобождения придёт.

Великая сила заключена в тех из нас, кто способен противиться жажде злобного воздаяния и не мстить сразу же после столкновения с чужим невежеством, кто умеет заглушать рёв призывов к расплате, когда на наших глазах братья гибнут из-за непоколебимых страхов и суеверий.

Путь, по которому мы ступаем, будет труден настолько, что ещё ни один из легионов Императора не шёл такой тяжёлой дорогой. Я не прошу от вас ничего, что не прошу у себя самого.

Мне известно, что мои братья и я наверняка кажутся вам такими далёкими, такими непохожими на любых служителей Императора, которых вы встречали прежде, и вы правы. Я бы солгал, если бы стал утверждать, будто знаю всё о самом себе или о той генетической алхимии, что сотворила нас. И всё же мне ведомо, что в каком-то роде я человек.

Я похож на вас и разумом, и духом в большей мере, чем можно предположить, глядя только на физические различия. Точно так же, как и вы, я слышу голоса мёртвых, что вызывают о мести.

Человечество страдает от неуверенности с самых ранних дней существования наших предков, которые впервые посмотрели на древнюю Землю и подняли взгляды к звёздам, после чего задумались: что же перед ними и кто они, взирающие на всё это?

Более тридцати тысяч лет наши прародители бились над этими вопросами, создавая всевозможные философские учения, моральные нормы, религии и общества на фундаменте своего интеллекта, подпитываемого воображением. Они измыслили

пантеоны богов и одухотворили элементы мироздания, чтобы найти себе место во Вселенной, которую они не понимали.

Но все эти сомнения не для нас. Здесь и сейчас мы точно знаем цель и смысл наших жизней. Легионес Астартес и примархи могут обратиться к нашему творцу и узнать Его волю самостоятельно, ибо Он не говорит через оракулов и мистиков, не намекает на свои намерения через записанные речи пророков. Я стоял перед Ним, и Он открыл мне свой замысел. Он лично вложил в меня свои слова, чтобы даровать мне цель, как в древнем мифе о големе^[7]. Мы есть воплощение воли Императора.

Но это не значит, что наша единственная сила — в сдержанности. Даже соизмеряя свою мощь и сохраняя самообладание, мы обязаны помнить, что наша задача — Согласие. Сопротивление нельзя поощрять, как нельзя игнорировать мятежные настроения. Как все мы недавно видели, мы способны нести истребление, если оно послужит Императору. Враги, что ждут нас впереди, возможно, помнят прибытие наших предшественников и считают, что нас тоже поглотит ночь. Нужно показать им, как ошибочны их убеждения.

Мы преуспеем там, где другие потерпели неудачу, и дело не в том, что мы сильнее или многочисленнее. Каждый из нас понимает: все мы есть продолжение Императора. Мы — Имперские Кулаки!

Слова Седьмого примарха начертали на стене Храма. Кроме того, их словно бы выжгло в рассудке всех и каждого, кто допускался внутрь. Для Сигизмунда они служили опорой. Не то чтобы он ощущал глубокую потребность в мести, но речь владыки Дорна повлияла на соображения, что беспокоили легионера всякий раз, когда он возвращался мыслями к той полузабытой ночи на плато Ионус, этому осколку в незажившей ране. Существо, что забрало его тогда, не было человеком — и он, Сигизмунд, стал таким же. Затем он склонился перед мужчиной, которого в менее просвещённые времена сочли бы сыном божеств. Далее, если хотя бы половина легенд об Императоре имела под собой основание, все астартес служили бессмертному созданию, настолько могучему, что оно умело стирать разум и вызывать грандиозные галлюцинации у населения целых городов.

Ну и где же здесь человечность?

Но простые искренние слова Дорна помогли Сигизмунду удалить ту занозу из своей души.

Момент вышел по-настоящему человеческим. Не совсем исповедь, скорее откровенная речь, произнесённая незадолго до того, как ступить на тёмную тропу — возможно, последнюю, по которой пройдёт каждый из них. Рогал Дорн никогда не отличался лёгкостью в общении — его попытки завязать товарищеские отношения вызывали смех, а не готовность идти навстречу. Правда, солидностью он обладал в достатке и обычно вполне обходился ею, однако на сей раз ему удалось поделиться чем-то более глубоким, нежели во время предыдущих обращений к экспедиционному флоту.

Дорн напомнил, что они борются за будущее человечества. Фактически, в основе своей данное предприятие касалось не самого Императора: подобно тому как Его верные слуги продвигались вперёд в кровопролитных кампаниях Великого Крестового похода, так и Он сам безудержно продолжал трудиться во благо большей части потомков Терры.

И теперь, сидя в фиксаторах на скамье внутри «Грозовой птицы», устроившейся в своей люльке в одном из множества лётных отсеков «*Фаланги*», Сигизмунд обдумывал эти слова.

Ранее лидерам дамаринов предоставили единственный шанс загладить вину за ту первую атаку. Им предложили либо выполнить требования Императора, либо столкнуться с последствиями неповиновения Владыке Людей.

— Сам я, конечно, за мирное Соглашение, — сказал Хельдар, сидевший напротив Сигизмунда. Он всё ещё не надел шлем, и иониец видел его лицо, покрытое рубцами ото лба до подбородка. Хельдар вступил в ряды Храмовников незадолго до Сигизмунда, но отнюдь не благодаря мастерству владения мечом, а потому, что просто отказывался сдаться и в итоге выдержал больше ударов, чем те, кто противостоял ему у входа в Храм. — Вместе мы сильнее. Каждая отнятая человеческая жизнь — это жизнь, потраченная впустую. Но ты слышал примарха. Мы созданы для войны, вот в чём наша цель. Дамаринские ублюдки открыли по нам огонь. Такое нельзя оставить безнаказанным.

— Наказание? — тихо произнёс Сигизмунд. — За то, что они защищались? Ты видел, что произошло на Скати. Эскалация конфликта. Война развивается по спирали, как неразрывный цикл нападений и контрударов, атак и воздаяний. Всё заканчивается лишь после того, как одну из сторон сокрушат или уничтожат. Война подобна кругу для поединков. Если ты ступил на арену, то обратно выйдешь только с победой или поражением, никак иначе.

— Примарх даёт им шанс избежать войны. Если...

— Владыка Дорн даёт шанс избежать войны *нам!* — прорычал Сигизмунд. — Дело не в милосердии, а в логистике.

Хельдар на несколько секунд задумался, скрипя зубами. Этот грубый агрессивный воин всё же обладал подспорьем в виде быстроты и силы, но не отличался изощрённостью. Он никогда не думал, что позицию для удара можно создать с помощью верного шага или парирования.

— Только трус избегает битвы, а наш примарх не трус.

— Только глупец лезет в драку без причины, а владыка Дорн не глупец.

Медленно кивнув, Хельдар показал, что принимает аргумент. Он надел шлем, в линзах которого Сигизмунд мельком увидел своё кроваво-красное отражение. Когда брат-Храмовник заговорил вновь, его голос зазвучал уже из внешней вокс-системы шлема и слегка исказился.

— Я всё же надеюсь, что дамарины скажут «нет». Вести войны — вот наше ремесло.

«Нет», — подумал Сигизмунд, но решил держать свои мысли при себе, поскольку Хельдар явно не сумел бы понять их. Он положил руку на кожух цепного меча.

«Мы несём мир. Мы не ведём войны. Мы заканчиваем их».

Освещение внутри «Грозовой птицы» потемнело, включились экстренные красные люмены. Вокс затрещал, передавая уведомление о взлёте через тридцать секунд.

Дамарины всё-таки сказали «нет».

Ни одному из примархов нельзя отвечать «нет», даже если в его послании говорится, что он приглашает тебя, а не вызывает. Другие командиры, под началом которых довелось служить Ригантису, чаще всего предпочитали устраивать совещания в специальных залах или же личных покоях, но Рогал Дорн поступал иначе. Всякий раз, когда новатор дома Зума беседовал с примархом, тот находился на командной площадке стратегиума «*Фаланги*». Иногда там включали акустические и визуальные заслоны от внешнего мира, но обычно, как и сейчас, такие меры предосторожности отсутствовали. При этом Дорну вовсе не требовалось находиться в центре событий лишь потому, что он руководил флотом. Рогал почти не общался с подчинёнными, спокойно предоставляя им выполнять приказы,

полученные ими ранее. Но примарх не упускал из виду ни единой мелочи. Ригантис мог с полной уверенностью заявить, что, даже глядя тебе прямо в глаза, Дорн по-прежнему внимает ритму работы стратегиума, и его нечеловечески развитый слух выискивает любые неверные такты или дисгармонию, которые укажут, что требуется его вмешательство.

Сейчас в огромном зале царило спокойствие. Вражеский флот разбили, рассеяли по внешним орбитам, а корабли Имперских Кулаков продвигались в глубь системы. Ригантис обратил внимание, что «*Фаланга*» не ускоряется, чтобы последовать за ними, и это показалось ему странным. Подойдя к командной площадке, навигатор увидел рядом с примархом Гидореаса и ещё нескольких представителей высшего командного состава «*Фаланги*». Ещё четыре участника присутствовали в виде три-вид проекций. Трое из них носили легионную силовую броню, а четвёртый — мундир commodora^[8] Имперского ВКФ.

Первым заговорил советник Гидореас.

— Три дамариинских линкора направляются к границе варп-перехода. Мы полагаем, что они бегут из системы, — пояснил капитан. — Вероятно, намерены привести подкрепления.

Воин сделал паузу, и Ригантис понял, что от него ждут какого-то знака того, что он все уяснил. Кивнув, навигатор оглядел расплывчатые фигуры на гололитической пластине.

— Врагов преследуют корабли этих командиров, капитан?

— Да, но только лейтенант Архам и его «*Солнечный сын*» находятся достаточно близко, чтобы помешать им.

— Всего лишь ударный крейсер против трёх линкоров, — недоверчиво произнёс Ригантис.

— *Они явно намереваются запустить варп-двигатели, но их сдерживает само наше присутствие,* — возразил Архам по линии связи.

— Достаточно одному из них развернуться, и вам придётся отступить, — продолжил навигатор. Он посмотрел на Дорна, который хранил молчание, затем на Гидореаса. — Впрочем, я не стратег Космофлота. Чем могу служить?

— Если дамариинские корабли нырнут в варп, вы сумеете последовать за ними?

Ригантис фыркнул.

— Безусловно, вы хорошо знаете, что это практически невозможно для...

— *Практически* невозможно, — пророкотал Дорн. Примарх перебил его спокойно, но с такой внутренней силой, что Ригантису показалось, будто ему врезали под дых. Он глубоко задышал, а Рогал между тем продолжил. — При каких условиях вы сможете максимально увеличить способность «*Фаланги*» к преследованию дамариновцев?

— Я никогда серьёзно не размышлял над этим, господин примарх.

Гидореас, подступив к нему, негромко заговорил:

— Если дамариновцы направляются к своей базе или какому-то миру, а мы сумеем последовать за ними, это даст нам явное преимущество. Так?

— Понимаю... — Ригантис несколько секунд обдумывал задачу, кусая губу. — Конечно, в варпе можно наблюдать за другим судном и кое-как поддерживать положение относительно него. Мы регулярно пробуем такое с дружественными кораблями. Но сама идея того, чтобы враждующие суда вошли в варп на достаточно близком расстоянии, — нечто почти неслыханное. Слишком велика опасность, что при таких сдвоенных переходах возникнет разрушительный гравиметрический диссонанс.

— Думай быстрее, новатор, — произнёс Рогал, бросив взгляд на гололитические проекции. — У нас мало времени. Каково твоё решение?

— Конечно, конечно. — Ригантис застучал подушечками пальцев друг о друга, стараясь думать быстрее, чем позволял его разум. — Да! Есть идея! Правда, я ничего не обещаю.

— Ясно, — отрезал Дорн.

— .но если до их перехода вы отправите в варп «*Фалангу*» и ещё три корабля в охватывающем построении — по меркам реального космоса, естественно, ведь в варп-измерении нет никаких пространственных соотношений — с опережением их прыжка где-то на полчаса, чтобы волна от нашего переноса наверняка расчистила окружающий участок, тогда кому-нибудь из наших навигаторов, возможно, удастся заметить вхождение и курс неприятеля.

— Хорошо, — Рогал повернулся к проекциям командиров кораблей. — Семьдесят пять минут. Задержите дамариновцев и помешайте их отбытию.

— Владыка Дорн! — Желая привлечь внимание примарха, Ригантис шагнул к нему, хотя все инстинкты новатора требовали не делать этого. Взгляд Дорна метнулся обратно к Эсуину, будто яркий луч прожектора. — Если корабли не удастся увидеть или они произведут значительную смену курса уже в пути, то мы упустим эту возможность. И, если они отправляются за подкреплениями, не лучше ли вообще помешать их переходу?

— Такова была моя команда по умолчанию, но я хотел посмотреть, жизнеспособен ли другой вариант.

— «Жизнеспособный» кажется неподходящим словом для гамбита, владыка Дорн.

— Но сейчас я готов им воспользоваться. — Отвернувшись от Ригантиса, примарх продолжил изучать гололит. — Пока мы ползём сквозь эту варпову ночь, нам нечасто будет выпадать шанс застать неприятеля врасплох. Сегодня нам представилась такая возможность, и, если мы добьёмся успеха, война может оказаться гораздо короче. Командиры, мне нужно, чтобы вы выиграли для меня семьдесят пять минут, пока мы выводим «*Фалангу*» и другие корабли к границе системы. Я не хочу, чтобы вы потеряли хоть один звездолёт, но всё, кроме этого, приемлемо.

Офицер ВКФ выглядел неуверенным, но трое космодесантников согласно кивнули.

— Коммодор Росси, «*Доблестный обвинитель*» — крупнейший из наших кораблей в зоне боевых действий, — обратился примарх к офицеру, пребывающему в нерешительности. — Если дамарины увидят, что наши корабли покидают систему, то могут принять решение не прыгать, а потому мне нужно, чтобы вы атаковали с полной отдачей и гарантировали, что рядом с ними будет противник, который побудит их уйти, а не возвращаться в бой. Такими действиями вы приблизите установление власти Империи над Окклюдой Ноктис.

— *Клянусь, мы не подведём вас, владыка Дорн,* — произнёс Росси, явно воодушевлённый словами примарха.

— Не подведёте. Новатор Зума, вскоре я предоставлю вам список кораблей, способных принять участие в этом манёвре. Пожалуйста, свяжитесь с вашими коллегами на этих судах и уведомите их о плане действий. Если задержимся, то к нашему прибытию дамарины осмелеют и будут сопротивляться. Каждый корабль обязан прибыть к точке перехода в течение тридцати минут. Если

всё пойдёт так, как я ожидаю, эта война закончится в считанные дни, но у нас только один шанс на успех — вот этот.

Последние три дня — если измерять время по восприятию Ригантиса, — на протяжении которых они выслеживали дамариновцев в варпе, оказались не настолько трудными, как он предполагал, хотя без отдельных напряжённых моментов не обошлось. Всё началось с того, что внучатый племянник самого Эсуина на борту «*Личного возмездия*» уловил возмущение от кораблей врага, когда они вошли в эмпирии, после чего спешно передал данные «*Фаланге*» и её небольшой флотилии. Преследовать дамариновцев было непросто, но, к счастью, их перелёт в эфире получился недолгим. Если бы путешествие затянулось, вероятность упустить беглецов резко возросла бы.

Всё ещё находясь в варпе, Ригантис изучал отголоски перехода дамариновского корабля, который последним выпрыгнул в реальное пространство у места назначения. Эмпирии перед навигатором отображались в его мыслях как постоянно движущаяся многоцветная масса. Она вздымалась, будто растущая волна, а звёздочки, отмечающие переносы других космолётов, танцевали на краю поля восприятия Эсуина, словно блуждающие огоньки. Их серебристый блеск быстро таял, но Ригантису удалось записать в систему пилотирования относительный курс и другие факторы. Эти сведения пригодятся в дальнейшем.

Включив систему прямой связи с Рогом Дорном, навигатор закрыл варп-око и глубоко вздохнул. План примарха отличался смелостью, но вовсе не полагался на слепую удачу, как поначалу рассудил Ригантис. Каждый день он узнавал что-то новое о варпе и собственных умениях: здесь, где не светил Астрономикан, устремления Дорна вынуждали новатора и его сородичей импровизировать и развиваться. Стало ясно, почему Рогол задействовал в экспедиции только самых лучших навигаторов. Другие командиры могли бы подумать, что в Ночной Зоне проводники кораблей станут бесполезными, однако Седьмой примарх поступил совершенно иначе, и Ригантис гордился тем, что до сих пор справлялся с трудностями.

Какие бы блага дом Зума ни обрёл по завершении кампании, они будут заработаны честным трудом.

Почти непрерывно наблюдая за вражеским флотом через варп, Эсуин изматывал себя как умственно, так и психологически. И всё

же эти испытания на выносливость покажутся мелочью по сравнению с тем, что придётся вынести навигаторам, когда армада углубится в Окклюду Ноктис и свет Астрономикана потускнеет ещё заметнее.

— Господин примарх, дамари́нцы совершили переход, — объявил навигатор, услышав сигнал соединения.

— *Превосходно. Я распоряжусь по флоту о подготовке к выходу в реальное пространство.*

— Я бы пока что не стал этого делать, господин примарх. Как я докладывал после первого дня погони, поведение дамари́нцев указывает на то, что они предприняли неуправляемый прыжок. Никаких тонких корректировок курса или же манёвров, которые указывали бы на присутствие либо навигаторов, либо аналогичных созданий или систем. Такая механистичная предсказуемость врага — одна из причин, по которым мы можем преследовать его с хоть какой-то надеждой на успех. Возможно, этот перерыв в полёте задан изначально, поскольку дамари́нцам нужно вынырнуть из варпа, заново рассчитать свою позицию в реальном пространстве, скорректировать траекторию, а затем погрузиться ещё раз. Если мы выйдем из эмпи́реев прямо сейчас, то окажемся не на той стороне пелены, откуда сумели бы отследить их возвращение. Если дамари́нцы заранее прокладывают маршруты прыжков, и если у них есть когитаторы, способные анализировать конфигурации пространства для определения координат, то обработка данных займёт не больше двадцати минут... в их восприятии времени.

— *Всё ясно.* — Хотя Ригантис не видел примарха, эти два коротких слова сказали ему о многом. Помолчав две-три секунды, Рогал Дорн продолжил. — Но если мы слишком задержимся перед тем, как последуем за ними, то, возможно, прыгнем навстречу врагу, ожидающему нас во всеоружии. Я не вижу того, что видите вы, новатор, а потому должен положиться на ваше мнение. Как вы считаете, это одна из дамари́нских систем?

Ригантис открыл третий глаз и, посмотрев наружу из купола пилястры^[9], оценил местное варп-течение. Каждый из навигаторов видел эмпи́реи немного по-своему, и шаблоны восприятия варьировались в зависимости от культурных особенностей того или иного дома. Для Эсуина варп выглядел как масляная лужа, по большей части неподвижная и тёмная. Кое-где струились слабые потоки, подобные радужным отблескам света на поверхности. Звёзды из реального пространства своеобразно отражались здесь,

формируя местность из поднятий и низменностей — глубокие впадины на одних участках, высокие зубчатые стены на других. Именно через этот ландшафт и сквозь него Ригантис водил корабли. Обычно он спускался вниз по склонам, набирая разгон для последующих подъёмов.

Сейчас рядом с ним почти ничего не двигалось, лишь вокруг точки перемещения дамариновцев разрастался небольшой вихрь, который пересекал более широкую спираль. Она соответствовала обитаемой системе, население которой — достаточно многочисленное или пси-активное — оставляло след, хорошо заметный через пелену.

Новатор дома Зума быстро произвёл вычисления с помощью хорорикального астрометра. Это сложное четырёхгранное устройство, похожее на абак, располагалось рядом с его навигационным троном.

— Думаю, так и есть, но точно мы узнаем не позднее чем через час, господин примарх, — наугад произнёс Ригантис в молчащий коммуникатор.

Он снова прикрыл варп-око, давая тому отдохнуть.

— Понимаю. Цель данного задания — отыскать уязвимость дамариновцев, которой можно воспользоваться. Будем держать позицию и совершим переход через шестьдесят минут.

Сеанс связи резко оборвался, но навигатор чувствовал себя всё более уверенно. Напоследок он ещё раз оглядел окрестности, выискивая аномалии. Пока Эсуин изучал открывающиеся ему виды, он поворачивался вместе с троном и описал полный круг. Наконец Ригантис уловил вдали слабейшие возмущения от остальных кораблей флотилии. Рассмотреть сами звездолёты не представлялось возможным: учитывая природу поля Геллера, они фактически находились в материальном пространстве, а не в эфире, пусть и внутри относительно небольших пузырьков реальности. Однако же, когда такие пузыри пересекали потоки варпа и скользили по его волнам, за ними тянулись малозаметные, но при этом безошибочно узнаваемые следы.

Удовлетворившись тем, что всё в порядке, новатор отстегнулся и зашагал по верхнему ярусу пилястры, чтобы размять не вполне человеческие кости и суставы, ноющие от длительного сидения. Проходя мимо своей музыкальной шкатулки, Эсуин включил её.

Слушая струнные и ударные аранжировки не по годам развитого ребёнка-композитора Элинора Херглитакс-Вессом, он кружил по отсеку и растворялся в мелодии. Ригантис то замирал, подняв руки в позе дирижёра, то созерцал варп, совершенно увлечшись нарастающей музыкальной темой, пока мотив отбрасывал колышущиеся тени в имматериуме, а неестественные отражения звёзд танцевали ему в такт.

Спустя пятьдесят три минуты шкатулка издала финальное крещендо виолаты и громовых барабанов Юпитера, после чего умолкла. Ригантис сел, по-прежнему напевая основной рефрен, проверил орудия своего ремесла и пристегнулся к трону. Не прошло и тридцати секунд, как загудел передатчик внутренней связи, и голос Рогала Дорна нарушил тишину.

— *Шестьдесят минут, новатор Зума,* — прохрипел он.

— Никаких признаков варп-перехода дамариновцев, господин примарх. Флоту пора отправиться в путь.

— *Истинно так, новатор Зума. «Фаланга» пойдёт впереди.*

— Разумеется, господин примарх.

Ригантис прервал сеанс связи и припал к рунической клавиатуре, с помощью которой последовательности команд отправлялись в отделения варп-двигателей и главный навигационный блок стратегиума. Ожидаемую задержку, от сорока до шестидесяти секунд, Эсуин уже заложил в инструкции. Совершая манёвры в варпе, корабли гораздо больше напоминали парусники, нежели моторные суда: их навигаторы предсказывали наиболее подходящий момент для смены курса перед порывом ветра или накатом волны.

Как только звездолёты заняли нужные позиции, Ригантис потянулся к основной руне, чтобы передать приказ на отключение варп-двигателей, на падение через пелену обратно в реальное пространство.

— По вашей команде, господин примарх.

— *Действуйте, новатор.*

Ригантис нажал руну кончиком пальца. По всему кораблю тревожные сирены и сервиторы объявили о предстоящем манёвре. Переместив руку к тормозному рычагу слева от трона, Эсуин сомкнул длинные пальцы вокруг тормозного рычага, чтобы разблокировать его. Упиваясь напоследок эфирным пейзажем,

новатор испытал краткий миг безмятежности. Затем он толкнул рычаг вперёд до упора.

Энергия варп-двигателя расширилась с рёвом и вспышкой имматериального пламени, охватившего громадный корпус «*Фаланги*». На всё это открывался отличный вид с высоты пилястры на миделе^[10] звёздного форта. Варп-заслонки, конечно же, были закрыты, но если бы кто-нибудь из людей на палубах внизу рискнул выглянуть в иллюминатор, то, вероятно, не увидел бы ничего, кроме белого света. Для Ригантиса же нефтяное пятно эмпиреев забурлило, словно его раздвигала некая великая сила. У носа космолёта, подобного крепости, закрутились вихри; на смену немыслимому движению в варпе приходили физические законы инерции и гравитации, действующие даже здесь, на самой окраине целевой звёздной системы. Некоторые навигаторы воспринимали переход как подъём, сползание или распад, однако Ригантис всегда ощущал, как его желудок сжимается, словно он сам падает в пропасть. Пока исполинская «*Фаланга*» вываливалась из нереальности, Эсуин несколько секунд страдал от ужасной боли в животе.

Молнии, обвивающие корпус звёздной цитадели, сверкнули в последний раз; она разорвала завесу эмпиреев и появилась в материальном пространстве. Поле Геллера космической крепости расширилось, приняв форму сферы из едва заметных искр, а затем полностью испарилось, и реальный мир, разделённый ею на внутренний и внешний, вновь слился воедино.

Ригантис закрыл третье око в последний момент, чтобы полностью исключить риск «переходной слепоты». Новую систему он осмотрел уже вполне человеческими глазами, хотя их пурпурная радужка служила ещё одним признаком его генетических мутаций.

Бледная звезда, на таком расстоянии кажется всего лишь пятнышком, немногим более крупным, чем другие светила. Орбитальные тела вблизи от «*Фаланги*» отсутствуют, чем объясняется сравнительно плавный переход. На удалении в тысячи километров перемещаются строем несколько десятков искр — выхлопы корабельных двигателей. Что важнее всего, они направляются в глубь системы, по-видимому, даже не подозревая, что их преследуют имперцы.

Ригантис пропел ещё несколько тактов оркестровой пьесы, шевеля пальцами в унисон с ритмом, а затем включил передатчик внутренней связи.

— Мы прибыли. — Оглянувшись через плечо, новатор увидел вспышки, указывающие на то, что за кормой выходят из варпа другие корабли эскадры. — Остальные тоже прибывают без проблем. Я привёл флот. Слово за вами, господин примарх.

Сигизмунд взглянул на противоположную сторону десантной капсулы, где сидел Хельдар с цепным мечом на коленях и портативным сверлом-стилусом в одной руке. Легионер вырезал что-то на коже оружия. Иониец прочитал курсивные буквы, расположенные для него вверх ногами.

« *Справ...* »

— Имя или клятва? — поинтересовался Сигизмунд.

Хельдар не оторвался от работы. В линзах его шлема отражался блеск искр, летящих из-под инструмента.

— Девиз, — буркнул в ответ брат-Храмовник.

— Ты не успеешь закончить, — предупредил сержант Хаук. — До торможения двадцать секунд.

Хельдар проворчал ещё что-то, а затем, помолчав несколько секунд, сунул стилус в подсумок на поясе.

— Эти дамарины не станут особо яро сопротивляться, когда увидят, как им на головы приземляется сотня десантных капсул. Потом доделаю.

Сигизмунд наблюдал за обратным отсчётом на дисплее шлема, ожидая, когда системы их транспорта определят, что капсула на нужном расстоянии от поверхности, и автоматически запустят двигатели.

Когда счётчик перед его глазами показал минус две секунды, иониец почувствовал тормозную тягу, сдавливающую позвоночник. Металл трясся и скрипел, но фиксаторы удерживали воина в положении столь же покойном, как безоблачная ночь. Рёв двигателей терялся в визге воздуха, что проносился мимо падающей десантной капсулы.

Сержант Хаук поднял кулак.

— К победе, братья! — крикнул он, перекрыв нарастающий грохот. — За Императора!

— Победа и Император! — взревели в ответ остальные.

Уже перед самым приземлением сработали последние из тормозных двигателей, и Сигизмунда ещё раз потрянуло из-за резкого замедления. Капсула жёстко ударилась о поверхность: хотя

последовательность операций сбилась по времени совсем ненамного, этого хватило, чтобы они высадились на планету быстрее, чем планировалось.

— Дерьмо! — прорычал Хельдар.

Десантная капсула заваливалась вперёд и налево относительно Сигизмунда. Он чуть не упал, однако внутренние системы, отреагировав на приземление, вышибли крепёжные винты. Пневматические приводы со скрежетом откинули штурмовые рампы. Как только они с размаху ударились о землю, посадочный модуль рывком выровнялся. Впрочем, иониец ощутил, что капсула всё равно наклонена под углом примерно в тридцать градусов.

— Пошли! — скомандовал Хаук. Его фиксаторы быстро поднялись и сдвинулись в сторону.

Снаружи царила ночь. Темноту пронзал вой реактивных двигателей, к которому вскоре добавились характерные рывканье и грохот болтерных выстрелов.

Сигизмунд поднялся с сиденья, но Хельдар, протолкавшись вперёд, раньше него последовал за сержантом по рампе. Прочие бойцы отделения с глухим стуком сбегали по пандусам в других направлениях и охватили капсулу узким кольцом.

Едва иониец спрыгнул с рампы, как его нога вошла в почву почти до щиколотки. Оказалось, что десантная капсула села на травяной холмик посреди заболоченной земли. Пока воин шёл вперёд, на каждом шагу под его саботонами хлюпала мульча, однако трясина не мешала движениям в силовой броне.

— Где мы? — пробурчал Хельдар.

Координаты их цели находились в центре крупнейшего из местных городов, но Сигизмунд видел вокруг лишь луга и рощи. Только когда его авточувства приспособились к окружающей местности, он заметил смутные очертания высоких зданий за деревьями.

— Парковая зона, — пояснил Хаук. — За мной.

Лес впереди горел в некоторых местах посадки десантных капсул. В свете звёзд и мерцающего пламени отряды Храмовников соединились вокруг магистра Эола и его отделения там, где посадки сменялись широкой полосой между деревьями и окружающей их стеной. За кирпичным барьером Сигизмунд заметил большое строение, усеянное множеством тёмных окон. К нему через парк вела широкая подъездная дорога с чёрным покрытием и

позолоченными статуями на обочинах. Здание служило правительственным дворцом, и сейчас к нему с различных направлений приближались остальные силы Имперских Кулаков.

Вокруг не наблюдалось никаких источников света, кроме пламени и звёзд: обнаружив «*Фалангу*» и её эскорт, местные задействовали режим полного затемнения. Но с помощью авточувств брони Сигизмунд различал тепловые сигнатуры внутри строения и на крыше.

Дамаринцы. Ночь не защитит их.

Стоило Храмовникам выйти через ворота на дорогу, как их встретили очередями. По команде Зола бойцы быстро перестроились: покинув прямую чёрную ленту шоссе, они заняли позиции в кустах на левом фланге. Между деревьями и кустами с противоположной стороны продвигались Имперские Кулаки в жёлтых доспехах, другие легионеры наступали к задней части дворца. Штурмовые корабли, промчавшись в вышине, начали облетать здание по кругу. Под грохот их ракет и пушек крыша дворца обратилась в погребальный костёр, а в каменной кладке четырёх этажей главного строения появились проломы.

Дамаринцы устраивали Имперским Кулакам жаркий приём: к ним неслись реактивные снаряды и трассеры. Отделения легионеров, занявших позиции вокруг здания, отвечали огнём на подавление. В битве смешивалось всё: перестук и пороховой смрад пальбы из автопушек, шипение лучей из лазерных орудий, раскатистый треск дамаринских пулевиков и аромат ночных цветов от живой изгороди неподалёку.

— Тут при постройке об обороне не думали, — проворчал Ардрик. — Слишком уж много укрытий для нас. А у защитников обзора никакого.

Сигизмунд обдумывал слова брата, пока воины пробирались через заросли колючего кустарника высотой по пояс. Острые стебли растений тупились о толстый керамит, бойцы отделения втапывали их в землю.

— Значит, они полные идиоты, если всё равно начали войну, — заявил Хельдар.

— Наш трюк с варпом застал их врасплох, — ответил ему сержант Хаук. — Владыка Дорн заметил уязвимое место и без колебаний нанёс удар. Нам нужно действовать с той же скоростью. Врага следует прикончить прежде, чем он заметит взмах клинка.

Едва Храмовники и другие их братья достигли края парковой зоны и вышли на открытую площадку между насаждениями и правительственным дворцом, как с нижних этажей запылали новые залпы.

— Не совсем уж неготовые, — пробормотал Сигизмунд.

— *Помните о ваших приказах!* — Услышав голос Дорна, иониец ощутил, что по его телу пробежала волна энергии. — *Создайте кордон и блокируйте врага. Мы пришли сюда, чтобы принудить их к капитуляции, а не истребить. Если мы перебьём всех местных лидеров, некому будет объявлять о сдаче.*

Тактические легионеры и отделения поддержки заняли огневые точки, тогда как Храмовники держали позиции, готовые выдвигаться для наступления или контратаки. С верхних этажей обрушивался град огня, крупнокалиберные пули отскакивали от брони и раскалывали пластбетонные мостовые.

— Ну и зачем мы просто так торчим здесь? — прорычал Хельдар.

Вскинув болт-пистолет, он выстрелил в ответ, но на таком расстоянии снаряд почти израсходовал топливо, пока летел к цели, и при детонации не нанёс урона.

— *Штурмовые отделения, вперёд и на прорыв!* — распорядился Рогал Дорн, ступавший во главе своих хускарлов, которые направлялись прямо к центральному входу. — *Пришло время приставить клинок к горлу неприятеля и повлиять на его решение.*

Храмовники рванулись вперёд с ревушими цепными мечами в руках, чтобы пройти между прорывниками и тактическими отделениями в авангарде.

Окна на первом этаже — узкие, но расположенные низко, — уже разбились под обстрелом Имперских Кулаков. Их рамы раздробились под ударами болтов, стены вокруг них покрылись воронками. В поле зрения почти ничего не шевелилось.

— Тяжёлое вооружение!

Сигизмунд не совсем понял, кто выкрикнул предупреждение, но уже через мгновение заметил угрозу. Из окна второго этажа вылетела ракета, ринувшаяся прямо к нему.

Что-то тяжёлое толкнуло его в плечо и отбросило с траектории движения снаряда. Боеголовка взорвалась, по броне Храмовника застучали осколки, а авточувства отключились.

Ударившись о землю, Сигизмунд перекатился и одним плавным движением поднялся на ноги. В окно, из которого выпустили ракету, уже устремился десяток болтов, воющих в полёте. Они разорвали стрелка в кровавые клочья, перемешанные с осколками костей.

Сигизмунд заметил, что на земле рядом с ним лежит какая-то тёмная масса. Воин в доспехе. Хельдар. Половину его шлема вместе с черепом снесло ракетой, когда брат оттолкнул Сигизмунда в сторону. Даже легионер не мог выжить после таких повреждений.

Остальные бойцы по-прежнему двигались вперёд, развивая натиск. Сигизмунд развернулся, чтобы последовать за ними, но задержал взгляд на цепном мече Хельдара, всё ещё сжимавшего оружие в руке. Оголённый металл, складывающийся в буквы неоконченного девиза, отражал свет выпускаемых болтов и огня.

«Справедливость для...»

«Для кого?» — спросил себя Сигизмунд.

Всех? Потерянного брата? Императора?

Он решил, что сейчас не время для таких размышлений. Дорн и его хускарлы стояли у входа в здание, устанавливая на дверь вышибные заряды, тогда как Храмовники уже врывались внутрь через окна первого этажа. Сигизмунд услышал рычание цепных мечей и возгласы братьев. Ощувив укол вины из-за своей задержки, он бегом помчался на врага, не желая пропустить ни секунды битвы.

Второй раз за день Гидореас переступил порог Зала Консенсуса вслед за своим господином примархом. Вместе с ним шагали ещё девяносто девять хускарлов Имперских Кулаков. Они пришли без знамён и фанфар. Эскадрилья «Грозовых птиц», из которых высадились Дорн со свитой, немедленно умчалась на патрулирование города, чтобы вовремя заметить возможное вероломство со стороны дамаринцев.

По тем меркам, к которым Гидореас привык за последние десятилетия, здание выглядело аскетично. Унылое тёмно-серое сооружение из какого-то материала, похожего на ферробетон, никаких колонн или крыльца — одни лишь широкие ступени, ведущие к обломкам дверей, что прошлой ночью преграждали путь воинам. Узкие высокие окна с разбитыми стёклами пропускали скудный свет в вестибюль, где ожидала группа из тридцати охранников в алых мундирах. Безоружных, отметил про себя Гидореас. Их командир, державшая под мышкой шлем с плюмажем, щёлкнула каблуками и приложила правый кулак к левому плечу в

знак приветствия. Хотя внешне она выказывала уважение, в её глазах читался гнев. Женщина обвела взглядом ряды Имперских Кулаков, но ни разу не посмотрела в сторону примарха. Проявить непокорность пред Рогалом Дорном не мог никто.

Гидореас отделился от группы хускарлов и подошёл к офицеру. Стараясь говорить настолько мягко, насколько позволял внешний динамик, воин представился.

— Алекса Соверния, полковник Внутренней гвардии, — ответила женщина. — Как и оговорено в условиях капитуляции, внутри Зала Консенсуса не осталось оружия, но мои солдаты всё равно продолжают выполнять свой долг стражей.

— Это достойно восхищения. Уверен, если бы всё сложилось иначе, вы бы пали смертью храбрых, — произнёс Гидореас.

Он заметил, что лицо полковника налилось кровью, а пульс участился. Легионер не мог понять, из-за чего — гнева или же страха.

— Я хвалю вас, а не угрожаю, — добавил он.

— Я... наши корабли доставили записи бойни, учинённой вами при Танаде. — Соверния сжала губы в тонкую линию и буквально выдавливала фразы сквозь стиснутые зубы. Опираясь на ранее собранные сведения, Гидореас предположил, что Танад — та самая система, где они впервые столкнулись с дамари́нцами. Там имперские силы одержали победу не столь точечными ударами, как здесь, на Кодате. — Там жила моя семья.

— Скорее всего, они ещё живы, — сказал Гидореас. — В последних сеансах связи наши люди сообщали оттуда, что до девяноста процентов ваших вооружённых сил сложили оружие, к тому же мы не причиняем бездумный вред гражданскому населению. Так называемую «бойню» мы провели для того, чтобы вынудить призадуматься ваших лидеров, — как здесь, так и на других дамари́нских планетах. Вам не нужно чувствовать себя побеждёнными или опозоренными. Ваш народ принял истину более могучей силы, что принесёт ему огромную пользу.

У командира хускарлов закололо в затылке, и он, даже не оборачиваясь, понял, что примарх наблюдает за ним.

— Пожалуйста, известите ваших лидеров, что мы прибыли для официального принятия Согласия.

Женщина кивнула, и Гидореас вернулся на своё место в рядах хускарлов. Раздался приказ, и дамари́нские солдаты встали

навытяжку. Полковник Соверния, печатая шаг, подошла к простым дверям на противоположной стороне широкого вестибюля. Хотя в зале отсутствовала показная роскошь, сами его размеры создавали ощущение грандиозности, а притолока находилась достаточно высоко, чтобы даже примарху не потребовалось наклоняться, переступая порог.

— Они здесь, — объявила Соверния. — Посланники Императора Терры.

Рогал Дорн и его группа сопровождения зашагали по вестибюлю. Проходя в двери, примарх негромко обратился к полковнику:

— Он Император *Человечества*, — напомнил ей повелитель легиона. — Пожалуйста, запомните это на будущее.

От внимания Гидореаса не ускользнуло, что даже крайне вежливый упрёк примарха заставил офицера задрожать. Воин прошёл мимо неё, за ним последовало отделение из десяти хускарлов в массивных доспехах типа «Катафрактарий». На тот случай, если дамариныцы вынашивали какие-то планы внезапной атаки или захвата заложников, экипаж «*Фаланги*» отслеживал сигнатуры брони примарха и терминаторов, чтобы осуществить мгновенную телепортацию. Владыка Дорн настоял на таких мерах не ради собственной безопасности, но для того чтобы избежать новых жертв среди местных жителей.

Зал собраний представлял собой овальное помещение около семидесяти метров в длину и тридцати в ширину. По его левой и правой стороне располагались полукруглые ряды скамеек, а между ними находилось возвышение с длинным столом, обращённым к дверям. Топот вошедших легионеров в доспехах приглушал толстый ковёр на полу.

Внутри хватило бы места для пяти сотен делегатов, а то и больше, но за столом присутствовала лишь маленькая группа дамариныцев. Все они стояли. К возвышению вели низкие ступени, и Дорн начал подниматься по ним, переступая по четыре за раз, но остановился примерно на полпути, чтобы его лицо оказалось на уровне глаз людей наверху.

В делегацию входили три женщины и двое мужчин в официальном облачении; каждый из них носил перевязь того или иного цвета, протянутую от левого плеча до правого бедра и закреплённую одинаковой для всех брошью, которая напоминала как жука, так и стилизованное солнце. Все пятеро были преклонного

возраста, но выглядели здоровыми. Гидореас заметил, что дамарины чуть ниже среднего роста, если брать показатель по всей Галактике. На столе напротив центра группы располагалась подставка с тонким жезлом. Возле неё стояла женщина, лоб которой охватывала серебряная цепочка с красным камнем, вставленным в уменьшенную версию броши.

— Тидит Кахинна, я — Рогал Дорн, примарх Императора Человечества, командующий Седьмым легионом Астартес.

— И что это за процедура? — спросила Кахинна, взглянув на своих соправителей. — У нас есть кворум советников, которым предоставлено право выступать от имени Распорядителей Консенсуса в целом. Наша капитуляция уже оформлена и принята.

— Грёбанный парад победителей, вот что это такое, — прорычала женщина по левую руку от Кахинны. — Наш новый господин явился показать, кто здесь главный.

— Ваша ошибка объяснима, — произнёс Дорн. — Как вы сами сказали, капитуляция Дамаринского Консенсуса завершена во всех шести мирах под вашей властью. Однако признать поражение — не то же самое, что принять Соглашение. Эта процедура формальна, но весьма важна. Я не ваш господин, никто не отбирает у вас бразды правления. Не по существу. От имени своего народа вы принесёте клятвы верности и служения Повелителю Человечества. Уже сейчас солдаты Имперской Армии развёртываются для содействия вашим вооружённым силам в процессе перехода на имперскую службу. Вместе с ними придут итераторы Владыки Людей. Они проанализируют ваши культурные нормы и при необходимости расскажут вам об Имперской Истине.

— Всё равно звучит как оккупация, — не отступалась женщина.

— Вы сохраните занимаемые вами посты. Ваш административный аппарат будет дополнен сотрудниками с Терры, что позволит совместить вашу бюрократическую систему с имперскими. Ваша внутренняя политика и традиции по большому счёту не изменятся.

— Тогда в чём смысл? — спросила Кахинна. — Зачем вы вообще явились? Зачем напали на нас?

— Мы не нападали, а пришли с предложениями об интеграции и мирном Соглашении. — Дорн заговорил более резко, и советники вздрогнули.

После кровавой бани на Скатии примарх, похоже, остро реагировал на обвинения в разжигании войны. Хускарлу они казались банальными, но кто он такой, чтобы осуждать своего командира? Гидореас вспомнил речь господина после первого столкновения с дамаринцами. Тот подчёркивал, что Имперские Кулаки явились не как потрошители или поработители, но как освободители от тьмы.

— Ваш народ отлично показал себя, выжив во мраке, однако шесть миров — ничто по сравнению с угрозами, нависшими над Галактикой, — продолжил Дорн. — Лишь по воле случая вы уцелели там, где пали куда более могучие и крупные цивилизации, но Император предвидел, что впереди нас всех ждут ещё более суровые испытания. Только объединившись, человечество может надеяться на успех.

— Значит, вы прибыли, чтобы убить нас, потому что хотите нас защитить? — уточнила Кахинна, подняв бровь.

Гидореас, насторожившись, быстро оглядел зал. Хорошо, что терпение владыки Дорна соответствовало его телосложению и интеллекту. Всегда и везде люди символически сопротивлялись напоследок. Они уже смирились с неизбежным, но потворствовали своему самолюбию, пытались одержать моральную победу над крестовым походом Императора.

— Наша задача — способствовать расширению Империума на все миры человечества, включая ваш. Мы защитим тех, кто переймёт воззрения Императора, и устраним каждого, кто отвергнет их. Слишком долго Галактику терзала буря варварства и суеверий. Чужие расы стремятся поработить или уничтожить людей, где бы они ни находились. Только во всеобъемлющем союзе мы сможем выйти из Старой Ночи в новую эру просвещения. — Дорн шагнул к дамаринцам, но при этом наклонился вперёд. Он не совсем отдал поклон, но сделал достаточно, чтобы остаться на одном уровне с теми, к кому обращался, а не воздвигнуться над ними. — Пора перестать бояться и принять будущее.

— У меня есть вопрос, — подал голос седовласый мужчина с левого конца стола. Покрой его одежды под пурпурной перевязью выглядел так же строго, как архитектурный стиль зала. — Если мы вдруг откажемся сейчас, что произойдёт?

— Ничего, если только вы не нападёте на служителей Императора, — ответил примарх.

Гидореас пристально осмотрел советников — возможно, они решили пойти на попятную и устроили западню? Но люди выглядели скорее встревоженными, чем непокорными, и примарх видел то же самое. Дорн вздохнул, впервые выдав своё нетерпение. Продолжив, он снова обратился к Кахинне:

— Согласие всегда осуществляется добровольно, даже если его дают просто во избежание кровопролития. Если вы откажетесь... Тогда я ожидаю, что те, кто выбрал вас своими представителями, заменят вас группой, способной принять наши условия от имени всего народа.

Тидит какое-то время не отвечала, и её рука поползла к церемониальному жезлу перед ней. Затем женщина медленно подняла взгляд на Дорна и кивнула.

Отведя глаза от примарха, она скользнула взором по Гидореасу и его терминаторам-катафрактариям. Магистр хускарлов извлёк копию декларации о Согласии из курьерской сумки, примагниченной к его левому предплечью. Поднявшись по ступеням, он прошёл мимо примарха и развернул свиток на столе перед Кахинной. Представители дамаринцев отшатнулись от воина — не столько отступили, сколько наклонились назад, будто тростник на ветру. Они боялись. Чем скорее примарх и легионеры уйдут, а дамарины начнут общаться с обычными людьми терранского стандарта, тем быстрее они забудут весь ужас этой короткой войны.

— Мы готовы, — произнесла Кахинна, потянувшись за декларацией.

Быстро пробежав глазами по тексту, она слегка кивнула, словно её ожидания подтвердились.

Гидореас спустился вниз, предоставив своему примарху честь лично принять Согласие ещё одного человеческого мира.

«Министр, данное устройство сохранит ваши личные соображения об этих исторических событиях. Да, оно уже записывает то, что слышит. Нет, я просто скажу несколько слов для вступления, и потом мы начнём.

Здесь со мной министр внешних сношений Дариус Гелкор, участник группы представителей Триумvirата Гарла. Вместе с его коллегами мы находимся на борту челнока из Главномира, столицы Триумvirата. Через какое-то время мы пристыкуемся к «Фаланге» для официального подтверждения Согласия.

Министр Гелкор, ваши планеты без промедления решили вступить в состав Империума. Что мотивировало вас на столь быстрый ответ?

— Мы уже довольно давно перехватывали межзвёздные сообщения, извещавшие о появлении новой Империи Человечества под властью некого Терранского Императора. Послания призывали все миры, занятые человеческой расой, по-прежнему стойко бороться с кошмарами Старой Ночи. Помощь близка, говорилось в них. Видите ли, Триумвират изначально создали для взаимной защиты: мы сплотились вокруг нашего маяка, Главномира Гарла. Сама мысль о том, что мы не одиноки, что другие очаги расы людей сумели продержаться столь же долго, как и мы, разожгла в нас надежду.

Но со временем она померкла. Прошёл год. Другой. С того момента, как поступили те первые сообщения, Главномир совершил почти восемнадцать оборотов вокруг Гарла. Шестнадцать лет назад наш маяк обнаружил присутствие в варпе каких-то звездолётов, но затем они исчезли. Изредка он засекал что-то ещё. Мы боялись, что явились налётчики или захватчики, и надеялись увидеть союзников. Но оказывалось, что это ни то ни другое. Всего лишь фантомы, отголоски древних путешествий, до сих пор струящиеся в ином измерении.

Менее полугода назад маяк будто взбесился, уловив, что всего в паре сотен световых лет от нас то скапливаются, то рассредоточиваются флоты. Одни призывали готовиться к войне. Другие утверждали, что мы дождались контакта с тем самым Империумом.

Да, мы подготовились к войне, однако рассчитывали на мир. Когда ваш корабль совершил варп-прыжок к Гарлу, сначала мы приняли вас за чужаков. Но первые же ваши послания о миролюбии и просвещении так отчётливо напомнили нам те самые ранние сообщения из услышанных нами, что стало понятно: это не уловка.

Минуло столько веков, сменились бессчётные поколения с тех пор, как Высочайшая Республика потерпела крах, а следом за ней — и Вторая Республика. Миры и маяки один за другим погружались в безмолвие. Как долго мы думали, что остались одни. Как близко подошли к катастрофе. Возникли культы, уверявшие, что мы мертвы и перешли через завесу в загробную жизнь. Они желали превратить нашу планету в братский погребальный костёр. Гражданская война, болезни, регресс технологий...

Триумвират подарил нам достаточно сил, чтобы пережить последние семьсот лет.

И мы ждали этого часа. Воссоединения со всем остальным человечеством.

— Безусловно, это очень трогательный момент для вас, министр. Через пару секунд я дам вам возможность вытереть слёзы, но, умоляю, ответьте ещё лишь на один вопрос.

— Да, разумеется.

— На что вы сейчас надеетесь больше всего?

— Сейчас? Сейчас я надеюсь, что однажды встречу нашего нового Императора и поблагодарю Его.

— Восхитительный настрой! Спасибо вам, министр Дариус Гелкор.

От себя должен добавить, что присоединение Триумвирата Гарла — окрыляющий восклицательный знак в конце первого года Ночного крестового похода. За прошедшие месяцы мы познали взлёты и падения, военные кампании, лишения и потери, но вместе с тем — успехи и зарождение новой надежды для миллиардов людей. Отбывая с «Орбитус Комменка»^[11], я не осознавал, что всего за один оборот Сола можно обрести столь глубокие и масштабные впечатления. Я наблюдал кровавое истребление, добровольное подчинение и все промежуточные варианты. Однако же полагаю, что не увидел и десятой доли всех аспектов Великого крестового похода.

Буквально два дня назад, продолжая нести надежду и безопасность всё новым системам, мы получили известия, которые ободрили всех и каждого в экспедиции Седьмого легиона. На планете, именуемой Олимпия, обнаружен ещё один из сыновей Императора! Рогал Дорн поделился с нами сообщением, которое он отправил недавно найденному примарху — приветствие и заверение в братской дружбе. Уверен, эта связь между ними будет становиться всё сильнее и крепче по мере того, как растёт Империиум».

Кабина подъёмника стремительно удалялась от нижних доков «Фаланги», и искусственная сила тяжести возрастала. Гидореас с некоторой настороженностью изучал своего спутника. Корагга Таудо из Лунных Волков носил всего лишь лейтенантское звание, однако пользовался всей полнотой власти одного из примархов. Хотя воин

немного уступал Гидореасу в росте — правда, из-за массивной терминаторской брони хускарла видимая разница увеличивалась, — держался он с напыщенностью человека, который воспринимает себя заметно выше всех окружающих. На капитана Имперских Кулаков он взирал, задрав неизящный расплющенный нос. Его правый глаз из металла и керамики безжизненно смотрел на Гидореаса, не моргая. Лоб и щеку выше и ниже искусственного органа пересекал шрам длиной с палец. Имя легионера и общее впечатление от него побудили хускарла предположить, что перед ним терранин. Судя по происхождению и рубцам, ветеран.

— Ты попал в неосвещённые глубины, лейтенант. Сколько ещё вестников отправили на наши поиски? — небрежно поинтересовался Гидореас, пока транспортная платформа с лязгом преодолевала тринадцать палуб по пути к главному стратегиуму «Фаланги».

— Я был одним из шести, — проворчал тот в ответ.

Хотя Таудо проявил невоспитанность, не обратившись к Имперскому Кулаку по званию, тот предпочёл не заострять на этом внимание. Несмотря на очевидную агрессивность лейтенанта, хускарл уважал Лунного Волка.

Он производил впечатление воина, которого очень непросто убить.

— И ты первый, а может, даже единственный, кто сумел добраться до нас. Похвальная целеустремлённость. Как тебе удалось?

Корагга криво ухмыльнулся, и всё его лицо перекошилось.

— Просто шёл на трупную вонь.

— Что ж, вполне рабочий способ.

Громыхая, подъёмник резко остановился, и Гидореас назвал себя, говоря в голосовой замок на панели управления. С грохотом распахнулись двери, за которыми обнаружился вестибюль верхнего стратегиума. Напротив лифта располагался вход, который охраняли пятеро братьев-хускарлов в начищенной терминаторской броне. Кабина с лязгом закрылась за спиной у прибывших воинов, и на секунду в помещении стало очень шумно.

— Владыка Дорн внутри, — объявил Габриан, один из терминаторов, коснувшись панели управления дверью стратегиума.

Гидореас, шагая впереди, спустился по трём лестничным пролётам к смотровой площадке. На первых двух Таудо озирался по

сторонам, безостановочно водя здоровым глазом по палубам и постам. На третьем пролёте всё внимание Корагги приковал к себе единственный объект — облачённый в золото великан, ждущий их внизу.

Рогал Дорн вместе с новатором дома Зума и несколькими младшими навигаторами, а также группой штабных офицеров, рассматривал трёхмерную схему соседних звёздных систем. Продвижение шло неравномерно, однако под власть Империи уже привели почти двадцать миров — в одних случаях это давалось проще, чем в других, — а также две системы, которые кто-то подготовил для колонизации много тысяч лет назад, но так и не заселил.

Гидореас остановился у подножия лестницы. Таудо хотел пройти дальше, но хускарл положил ему руку на предплечье.

— Примарх нас ещё не пригласил.

— Карты Триумvirата не очень точны, устарели по крайней мере на десять веков, но они всё же охватывают зону почти в двести световых лет по направлению к центральным системам Окклюды Ноктис, — пояснил новатор Ригантис примарху и остальным. В движениях старшего навигатора сквозило нечто такое, что раздражало Гидореаса. Из-за скованных, неестественных жестов Эсуин больше напоминал ему ксеноса, нежели человека. — Мы проводим исчисления, чтобы обновить информацию с учётом собранных нами данных.

— Это настоящая сокровищница, — заявила Литэль Одасан, одна из подчинённых Ригантиса. Она потёрла кончики пальцев, будто просеивая сведения между ними. — Делаем один короткий прыжок для ориентировки, а затем, возможно, покрываем по двадцать-тридцать световых лет в каждом переходе.

— Вместе с астрографами Триумvirата мы определили по меньшей мере пару десятков систем, которые раньше принадлежали Высочайшей Республике, — добавил Зума. — Сейчас идёт подготовка исследовательских кораблей; они нанесут на карту прилегающее варп-пространство, и тогда мы сможем подготовить маршруты перехода к этим целям.

— Но так мы пропустим ряд систем, — изрёк Дорн, будто внезапно ожившая статуя. Его длань в латной перчатке взметнулась над гололит-пластиной и поглотила звёзды, словно чума. — Тысяча лет — немалый срок. За такое время могут возвыситься и пасть целые цивилизации, неважно, человеческие или чужие. Будем

действовать по-прежнему: усиленные флотилии первопроходцев обследуют каждую систему, которая соответствует изложенным мною критериям.

Одасан что-то буркнула и покачала головой.

— Выскажи свои возражения, навигатор, — предложил Дорн.

— В среднем только в одной системе из пятидесяти имеется хоть какой-то шанс отыскать разумную жизнь, мой господин. Возможно, показатель даже ниже. — Взявшись за лацканы своего длинного френча, навигатор принялась расхаживать взад и вперед, словно выступая на каком-нибудь симпозиуме на Терре. — Нужно применить все доступные разведданные, чтобы вести поиски более сосредоточенно и рационально. Если мы создадим плацдармы в системах, где успех наиболее вероятен, — и, надеюсь, приведём их к Согласию, — то сможем использовать их как базы для исследования не столь многообещающих областей.

Внезапно Литэль умолкла, осознав, что её поведение граничит с оскорблением.

— Конечно же, я уверена, что мой господин уже рассмотрел подобный вариант, — быстро добавила Одасан, буквально отступив от примарха и склонив голову.

На лице Дорна читалась задумчивость.

— Я обдумал данный подход и отверг его, но в свете ваших трудов, призванных помочь нам лучше сосредоточить усилия, я готов изменить мнение. — Примарх посмотрел в сторону Гидореаса и Таудо, и на его лице промелькнула почти незаметная тень недовольства. — Полагаю, если наш гость принёс те вести, о которых я думаю, нам потребуется провести некоторое время, закрепляясь на позициях.

— Твой выход, — пробормотал хускарл Лунному Волку.

Тот искоса взглянул на хускарла, после чего сделал несколько шагов к примарху.

— Владыка Дорн, я привёз последние данные о кампаниях моего примарха и остальных. Также я прибыл для того, чтобы попросить вас предоставить аналогичные сведения.

— И это всё? Невелика польза, если учесть, как опасно твоё странствие. Я ожидал, что меня пригласят на новый конклав, где мы оценим наши достижения и определим, наилучшим ли образом нынешний курс соответствует нашим задачам.

Таудо явно удивился.

— Я как раз собирался перейти к этой части, — продолжил он. — Хорус предложил подходящую звёздную систему в качестве точки сбора и просит, чтобы вы встретились с ним там. Когда вам будет удобно, разумеется.

— Мне никогда не удобно бросать кампанию неоконченной.

— Хорус хотел, чтобы я...

— Однако же я не могу исключить, что свершились какие-либо события или открытия, способные повлиять на наш подход. Как ты думаешь, сколько времени займёт путь до точки randevu, если учесть все трудности, с которыми мы сталкиваемся при перемещении обратно на периферию?

— Три или четыре недели, владыка Дорн, — Таудо оглядел обширный стратегиум. — Предполагая, что в варпе «*Фаланга*» движется примерно со скоростью линкора.

— Это к делу не относится. «*Фаланга*» останется здесь в качестве основного командного пункта. Я отправлюсь на «*Вестнике рассвета*», чтобы свести к минимуму сбои и задержки в наступлении легиона.

Выступив вперёд, Гидореас ударил кулаком по нагруднику.

— Я начну подготовку к переброске хускарлов на «*Вестник рассвета*». Какие ещё будут приказания, мой господин?

— Пусть Эол возьмёт подразделение Храмовников и присоединится к нам. Мои братья придут со своими поборниками, так что и мне следует взять кого-то из своих.

Действо завершилось после парадного марша легионеров и вступительной речи Хоруса. Воины из свиты примархов разошлись по отдельным гарнизонам, тогда как чемпионы и капитаны сопровождали своих повелителей на совет. Представлялось очевидным, что генный отец Лунных Волков старается воссоздать атмосферу пышности и важности Солнечного Конклава, хотя и в заметно меньших масштабах. Со времени того благородного собрания прошло чуть больше года, и Гидореасу показалось несколько преждевременным подсчитывать победы. Всё это особенно сильно раздражало хускарла, поскольку он осознавал, что на возвращение к остальному легиону, взявшему курс в самое сердце Окклюды Ноктис, у них уйдёт ещё больше времени и усилий, чем на перелёт сюда.

Гидореас несколько не сомневался, что его боевые братья и их союзники смогут продолжить кампанию самостоятельно, но его неизменно терзали мысли о четырёх пропавших экспедициях. Что, если причина тех бедствий явит себя именно в отсутствие примарха?

Очевидно, владыка Дорн чувствовал нечто похожее. Несколько раз его терпение почти истощалось, и он уговаривал братьев как можно скорее покончить с рассказами о прошлых свершениях, чтобы обсудить дальнейшие действия. Уже стало ясно, что Фулгрим, Хорус и Эль'Джонсон каждый привели к Согласию больше звёздных систем, чем Седьмой. Тёмные Ангелы вообще превзошли Кулаков вдвое, получив новобранцев и припасы с Калибана. Потчужа собравшихся подробным отчётом о падении системы, переименованной затем в Либерату-Майорис, Лев расхваливал добродетели избранного им подхода.

— Поскольку ты, Рогал, непрерывно прерываешь нас и требуешь, чтобы мы приступили к разработке стратегии, возможно, теперь ты готов признать, что твои предыдущие аргументы основывались на неверных предпосылках? — Встав, Эль'Джонсон навис над широким столом, разделявшим повелителей легионов. Его поверхность покрывала огромная карта Окклюды Ноктис. Лев обвёл рукой обширные участки звёзд на внешних границах, а затем указал на толстый, но короткий клин систем, покорённых Дорном. — Все присутствующие видят доказательство своими глазами.

Окинув взором других участников совещания, Гидореас встретился с некоторыми из них взглядами. Сеянус слегка хмурился, услышав заявления Льва, тогда как Кейшен шевелил пальцами латной перчатки, пока его мысли витали где-то вдалеке. Эйдолон едва заметил хускарла: он неотрывно смотрел на Льва, задумчиво поджав полные губы. Гидореас почувствовал, что несколько его товарищей по Седьмому заволновались, и в груди у них зарокотали первые звуки отповеди.

— Кажется, у вас на Калибане имеются замки? — спокойно спросил Дорн, опередив любые возражения своих генных сыновей.

— Их немало, включая цитадель Альдурук, нашу крепость, — я бы сказал, одну из величайших твердынь Империи.

— И ты, несомненно, осаждал и захватывал сколько-то из них?

Лев помедлил: он решил, что вопрос с подвохом, но не определил, с каким именно.

— Я сражался во множестве осад, по обе стороны стен. И ещё больше вражеских оплотов пали предо мной с тех пор, как Император обнаружил меня на Калибане.

— И во всех этих кампаниях ты считал себя победителем после того, как твоё войско окружало замок, занимало окрестности или разоряло их. Я прав?

— Конечно нет! — Эль'Джонсон тряхнул головой, и его волосы подобно гриве рассыпались по плечам. — Крепость считается взятой лишь после того, как атакующая сторона попадёт внутрь, и ни секундой раньше.

— Значит, мы едины во мнении.

Откинувшись в кресле, Дорн скрестил руки на груди.

Лев покосился на Хоруса, и тот ответил бесстрастным взглядом. Когда Эль'Джонсон повернулся за поддержкой к Фулгриму, тот лишь поднял бровь.

— Выскажи свои претензии прямо, Рогал, — потребовал Эль'Джонсон и упёрся кулаками в стол. При этом калибанец снова посмотрел на карту, и Гидореас почти что увидел, как его глаза озарились светом понимания. Лев ткнул пальцем в пустой центр карты. — По-твоему, это замок?

— Думаю, аналогия подходит, — ровным тоном ответил Дорн. — Не хотелось бы заниматься буквоедством по этому поводу.

Не сводя глаз с брата, Эль'Джонсон почесал небритый подбородок, после чего ещё раз изучил схему.

— К воротам не бросаются сломя голову, Рогал, — заметил он, подняв взгляд от звёздной карты. — Обычно проводят разведку. Считают защитников, оценивают оборону, а потом составляют план.

— А если получится атаковать настолько быстро, что защитники будут застигнуты врасплох, и появится шанс напасть, когда ворота крепости открыты и не охраняются? Можно ведь днями напролёт ездить вокруг стен на расстоянии больше полёта стрелы и ни на шаг не приблизиться к победе. Независимо от того, насколько хорошо разведчики изучат куртину, она никуда не денется, и кому-то всё же придётся сокрушить её или же взобраться по ней. Чтобы разобраться с проблемой быстро и решительно, требуются мужество и сила духа.

— По-твоему, это мужество? — прорычал Лев, снова ткнув пальцем в клин систем, занятых Седьмым легионом. — Ковылять от одного врага к другому, бить по всему тому, что попадётся на пути?

— Возможно, нам стоит проголосовать... — начал Фулгрим, покосившись на Хоруса.

Луперкаль покачал головой, попеременно изучая то Льва, то Дорна.

— Нет, дурные слова подобны мясу на огне. Оставлять их без присмотра вредно: они либо станут жарче и проглотить их будет труднее, либо вовсе рассыплются горьким пеплом.

— Владыка Дорн, — тихо произнёс Гидореас. — Ваш брат, похоже, идёт на конфликт.

Повернувшись к командиру своих хускарлов, примарх с явным недоумением посмотрел на него.

— Ты предлагаешь нам рискнуть будущим кампании просто потому, что один из моих братьев не способен принять иное мнение?

Гидореас подразумевал серьёзный конфликт. Схватку. Он видел схожие настроения на лицах братьев, которых отправлял в дуэльные клетки, дабы они уладили свои разногласия. Когда задета честь, такую рану не исцелит ничто, кроме капитуляции оппонента. Его господин, почти свободный от гордыни такого рода, не замечал, когда ей поддавались другие. Но хускарл не успел предупредить Дорна: поднявшись, его генный отец заговорил, обращаясь к Фулгриму и Хорусу в той же степени, что и ко Льву.

— Минул уже год с тех пор, как Император отправил нас покорить эти звёзды. — Ведя речь, Дорн оглядывал звёздную карту от края до края. — Седьмой проделал менее долгий путь, чем любая из ваших экспедиций. Мы не участвовали в стольких же битвах. Мы привели к Согласию заметно меньше миров. Но, как и во время предыдущего нашего разговора, я возвращаюсь к тому, что повелел Император. Нести Его свет тем системам, что лишены возможности видеть оный. Служить факелом просвещения во тьме, сохранившейся после Старой Ночи. И, что самое главное, искоренить ту силу, что уничтожила предыдущие экспедиции.

Теперь Дорн устремлял взор на Льва, в привычной для себе манере обхватив кулак ладонью другой руки.

— Идти вперёд — таков наш приказ. Добиться успеха там, где потерпели неудачу другие экспедиционные флоты. Ты ступаешь по их следам и называешь это успехом. Взгляни на эту карту, мой калибанский брат, и скажи, кто из нас на самом деле отважился шагнуть в истинную тьму Окклюды Ноктис?

— Отважился? — прорычал Лев, сжав кулак. — Намекаешь, что я выбираю более лёгкий путь?

— Стены замка не пробить одной разведкой. Или ты оправдаешь своё нежелание иной причиной?

— Достаточно, Рогал! — рявкнул Хорус, хлопнув ладонью по столу.

— Нет, не достаточно, — процедил Лев. — Напротив, уже перебор! Получается, я не просто трус, а ещё и лентяй. Но ты не произносишь истинное обвинение, Рогал, — то, что в своей небрежности я не подчиняюсь приказу Императора.

— Уверен, это не... — начал Фулгрим.

— Мой брат всё видит правильно, — произнёс Рогал Дорн. Пристально посмотрев на каждого из троих родичей-примархов, он задержал взор на Льве. — Каждый из вас решил истолковать слова Императора так, чтобы они подошли под ваши планы, а не разработать стратегии, внимая Императору.

На лице Гидореаса не отразилось ни единой эмоции, однако капитаны других легионов не обладали его сдержанностью, и некоторые из них уставились на Дорна, изумлённые размахом брошенного им обвинения.

— Вот дерьмо, — пробормотал Фулгрим.

— Какое высокомерие... — Лев отошёл от стола, но тут же метнулся обратно. — Нет! Я этого так не оставлю. Есть лишь один способ определить, кто из нас прав.

Сигизмунд отступил назад, избегая серии решительных выпадов Оденцы, и его ноги взметнули облачка золы из круга, ограничивающего зону схватки. Ему не требовалось парировать: само расстояние защищало легионера от ищущего острия гладия в руке оппонента. Внезапно иониец развернулся, чтобы импульс, полученный им при отходе, придал мощи его атаке. Именно так Сигизмунд и задумывал с первого шага своего притворного отступления. Его клинок, более длинный и тяжёлый, чем у противника, секущим движением устремился к бедру Оденцы, вынудив того уклониться вбок. Его гладий ринулся наискосок для парирования, однако иониец метил вовсе не в ногу. Незначительно изменив направление и баланс веса, Сигизмунд опустил лезвие меча на предплечье оппонента. Клинок глубоко вошел в кожаный наруч, и Оденца, невольно разжав хватку, выронил гладий.

Затем рыскающее остриё меча понеслось к его незащищённому животу.

— Уступаю! — быстро воскликнул Оденца, отпрыгнув назад.

Сигизмунд замер, будто автоматон, внезапно отключённый от питания. Миг спустя он уже стоял навывтяжку и салютовал противнику, поднеся клинок ко лбу.

На краю гаревого круга появился Аппий. Он один раз хлопнул в ладоши, давая тем самым знак, что поединок окончен, и восхваляя победу ионийца.

— Тебе бы уже следовало знать, Оденца, что Сигизмунд всегда движется в одном направлении — только вперёд. Если он отступает, то лишь потому, что уже начал контратаку.

— Тебе обязательно надо раскрывать мои секреты всем моим противникам? — скрипуче произнёс Сигизмунд, хотя его губы искривились в легчайшем намёке на улыбку.

— Я не твой личный тренер, а все Храмовники обязаны стремиться к самосовершенствованию.

— Сигизмунд!

Братья обернулись на призыв Эола, который неожиданно появился в дверях тренировочного зала. Силуэт магистра Храмовников очерчивал более яркий свет из коридора.

— Приведи себя в порядок. Мой клинок должен поддерживать честь нашего господина, и ты будешь моим секундантом.

— Для меня это почётно, магистр Эол.

Сигизмунд ответил машинально, и по его голосу не удалось бы понять, что сам легионер удивлён таким выбором. Он ведь занимал одну из низших позиций в братстве Храмовников, и обычно секундантами на дуэлях магистра служили более старшие воины. Сигизмунд воспринял такое решение как награду.

— Аппий, — продолжил Эол, — подготовь мой двуручный меч. Встречаемся у кормовых пусковых отсеков.

Магистр снова исчез, оставив трёх Храмовников глазеть друг на друга.

Не тратя времени на домыслы, Сигизмунд вернулся в свою опочивальню и как можно поспешнее совершил омовение. Сервы принесли ему чистый жёлтый комбинезон и чёрное сюрко с гербом легиона — кулаком на левой стороне груди, вышитым белой нитью.

Прибыв на место встречи, воин обнаружил там Аппия и Эола в компании Эйдолона из Детей Императора. Сигизмунд знал помощника Фениксийца в лицо и по рассказам о нём, но официально Храмовника и капитана Детей Императора представили друг другу лишь после того, как все они вошли в ангар для десантных кораблей.

— Я доставлю вас на борт *«Гордости Императора»*, — сказал Эйдолон, приглашая Храмовников на изящный штурмовой катер в пурпурно-золотой расцветке Третьего легиона. Приближённый Фениксийца увидел замешательство на лице Сигизмунда прежде, чем тот успел бы озвучить свои мысли, и пояснил: — Видите ли, Фулгрим предложил свой флагман в качестве нейтральной площадки для дуэли. Раз уж тут меня слышат только вы трое и эта палуба, я признаюсь, что он, по-моему, поступил так лишь для того, чтобы Хорус не смог!

Внутри катер оказался более изысканным, чем привык Сигизмунд — с позолотой на рёбрах жёсткости корпуса и шкафчиками с тёмными панелями вдоль центральной переборки. Пол представлял собой простой сетчатый настил, зато потолок украшали узоры из плитки, сделанной «под мрамор», а дверь в кабину пилота обрамляли резные декоративные колонны с перемычкой.

— Один из личных транспортников вашего примарха? — поинтересовался Храмовник.

— Этот? — расхохотался Эйдолон. — Нет, конечно. Для Фениксийца здесь тесновато.

После того как они стартовали, офицер Детей Императора встал со своего места возле кабины и подсел к Эолу.

— Ты сражаешься с Барзареоном из Первого, — сообщил Эйдолон, наклонившись к магистру. — Он капитан-паладин. Я слышал, как один из Тёмных Ангелов называл его Погибелью Стражей.

Командир Храмовников что-то хмыкнул, но больше ничего не сказал.

— Я о нём слыхал. Обучен самим Львом как оруженосец их Ордена и поборник легиона, — сообщил Аппий. — Суровая проверка для тебя.

Эол снова хмыкнул.

— Мне говорили, будто даже самый неопытный легионер Первого владеет клинком не хуже ветерана штурмового кадра, — добавил

Сигизмунд, чувствуя, что и ему стоит озвучить какое-то мнение по этому поводу.

— Хватит! — прорычал Эол.

Оставшаяся часть полёта прошла в молчании.

Сигизмунда не впечатлили размеры «*Гордости Императора*»: даже линкор типа «Глориана» не мог сравниться с «*Фалангой*». Тем не менее воин родился в трущобном городе на Терре, а возмужал в относительно спартанских условиях VII легиона, а потому счёл, что флагманский корабль Фениксийца не менее грандиозен и роскошен, чем дворец самого Императора. Пока воины шли по исполинскому звездолёту, Эйдолон постоянно называл окружающие места и красноречиво описывал их. Космодесантники двигались по Триумфальному Пути, что пересекал большую часть корабля в длину, от кормовых пусковых отсеков до командных палуб у носа, где и наметили провести дуэль. На широком проспекте легионерам почти никто не встретился: похоже, его заранее расчистили для примархов, которые прибыли раньше своих поборников с их гораздо более скромными свитами. Отзвуки шагов астартес разносились среди позолоченных колонн и огромных арок, сияние тысяч люменов отражалось от полированных ворот, которые перекрыли бы Путь в случае вторжения. По оценке Сигизмунда, здешние помещения уступали в масштабах разве что стратегиуму «*Фаланги*»: хотя звёздная крепость заметно превосходила в тоннаже любой линейный корабль, её внутренние отсеки в основном спроектировали для использования людьми, а не примархами. «*Гордость Императора*», напротив, казалась подогнанной специально под Фулгрима. Каждый дверной проём и сводчатый потолок на ней уходили ввысь намного дальше, чем требовалось даже с учётом роста легионеров.

Наконец они поднялись к месту проведения поединка, и Сигизмунд понял, что приглашённые группы высадили на корме исключительно ради этой грандиозной экскурсии. Затем он мысленно поправил себя — показ устроили не для участников дуэли, а для владыки Дорна, Льва и, прежде всего, Хоруса.

Седьмой примарх и пятьдесят его хускарлов занимали одну из сторон внушительного, напоминающего театр зала для совещаний, тогда как Лев и столько же его отборных воинов разместились на скамьях напротив. Между двумя группами, разделяя их, сидели Дети Императора и Лунные Волки со своими прародителями. В центре,

где прежде стояли гололит и всевозможная аппаратура для военных советов, теперь находился открытый участок около двадцати метров в поперечнике, окружённый металлическими кабелями и засыпанный песком по щиколотку.

Большая арена, пространства для манёвра в изобилии, но из-за такого покрытия будет тяжелее работать ногами и сохранять равновесие. Сигизмунд слышал, что Третий делает всё с умыслом, а Фулгрим педантично уделяет внимание мельчайшим деталям. Вполне стоило предположить, что Фениксиец приказал обустроить арену именно так: на ней можно перемещаться и стремительно атаковать, но с постоянным риском допустить катастрофическую оплошность.

Вскинув кулак, Сигизмунд отсалютовал своему командиру, после чего сразу же перевёл взгляд на Барзареона, поборника Тёмных Ангелов. На вид он мало чем отличался от любого из легионеров Первого. Чёрные волосы подстрижены на уровне плеч и стянуты посеребрённой лентой на лбу, подбородок и щёки широкие, глаза тёмные. Казалось, что воин постоянно пребывает в движении — чуть покачивается, слегка переносит вес с одной ноги на другую, поигрывает плечами, крутит запястьями, шевелит пальцами. Полностью он не замирал ни на мгновение. Чемпион носил тёмно-зелёное сюрко с белым гербом Тёмных Ангелов, заметно более длинное и широкое, чем табарды VII легиона. Ниже эмблемы располагался какой-то символ в виде языков пламени, менее крупный и вышитый красной нитью. О его значении Имперский Кулак не догадывался.

На левом бедре Барзареона висели ножны с длинным тонким клинком. Навершие меча из бронзы и изумрудов возвышалось над позолоченной крестовиной в форме расправленных крыльев, как на гербе легиона. На полу, прислонённый к ноге паладина, стоял его щит, украшенный точно так же, как сюрко.

Эол, смотревший туда же, вскинул брови. Щиты обычно не применяли на дуэлях, хотя никакими правилами это не запрещалось. Доводом здесь служило то, что, хотя такое снаряжение давало более надёжную защиту, оно ограничивало наступательные возможности руки, держащей его. Если воинам разрешалось биться двумя мечами, то и выкладка с клинком и щитом не вызывала возражений.

— Он будет продвигаться со стороны меча, держа щит направленным к тебе, — шепнул Сигизмунд.

— Не учи рыбаков сети вязать, — укоризненно буркнул чемпион Дорна.

— Прости, магистр Эол, слова слетели с моих уст без вмешательства разума.

Проводив поборника VII легиона к краю арены напротив Барзареона и его секунданта, Сигизмунд мельком взглянул на владыку Дорна. Примарх беседовал с Гидореасом, главой своих хускарлов, однако не сводил глаз со Льва. Капитан кивал так, словно получал какие-то указания — судя по всему, они обсуждали стратегию предстоящего этапа кампании.

Затем, когда Фулгрим встал и поднял руку, Дорн замолчал, перевёл взгляд на своего чемпиона и удостоил его лишь одного одобрительного кивка.

— Братья мои, — заговорил Фениксиец, — я не стану утомлять всех нас вопросами, не желает ли кто-либо из вас отступить и принести извинения другой стороне, ибо всем ясно, что только испытание поборников уладит ваши разногласия.

Барзареон взял щит и плавным движением обнажил клинок. Тёмный Ангел держался расслабленно: ноги расставлены на ширину плеч, колени не напряжены, плечи опущены. Эол, в свою очередь, стоял, сжимая рукоять огромного меча двуручным хватом. Остриё клинка пока что немного наклонялось к земле. Готовый как обороняться, так и нападать, магистр неотрывно следил за противником.

— Чемпионы готовы?

Оба негромко, но решительно подтвердили, что да.

— Эол понимает, что к чему, — прошептал Аппий, стоявший за спиной Сигизмунда и чуть слева от него.

— Начинайте!

Едва магистр Храмовников бросился на противника, как остриё меча высекло искры из поднятого щита Тёмного Ангела. Эол рубил, вращал клинком и снова рубил. На каждом шаге в сторону он по дуге перемещался влево, к руке Барзареона с клинком, всякий раз вынуждая паладина поворачиваться, чтобы отразить атаку. Сын Льва, похоже, пока довольствовался тем, что выдерживал начальный шквал ударов, хотя никак не мог надеяться на то, что Имперский Кулак в ближайшее время снизит темп: если смертные бойцы порой изнемогали в ходе поединка, то легионеры без устали

обменивались выпадами на протяжении многих часов, даже если бились такими массивными мечами, как у Эола.

Барзареон тоже пустил в ход клинок, иногда парируя им атаки, возможно, он замышлял раззадорить оппонента своей пассивностью. Сигизмунд понимал, что его самого раздосадовал бы бой, где его удары постоянно отражают, а противник не пытается нападать сам, однако Эол возвысился до нынешнего положения не потому, что действовал опрометчиво или с лёгкостью поддавался на провокации. Пока чемпионы кружили по песку, магистр немного ослабил натиск, рассчитывая свои выпады с точностью до волоска и долей секунд, но ему по-прежнему не удавалось преодолеть защиту поборника Льва. Соперники описывали круги по арене, минуты утекали одна за другой, и вот Барзареон перешёл к пробным ударам. Мечи воинов лязгали, сталкиваясь, Тёмный Ангел изображал, что будет блокировать щитом, после чего изворачивался и отбивал выпад клинком.

По прошествии одиннадцати минут Сигизмунд понял суть происходящего. Он рассмотрел схему поединка в следах на песке. Барзареон подступал к Эолу — круг за кругом, шаг за шагом. Несомненно, магистр Храмовников смутно осознавал, что противник подобрался ближе, но не мог взглянуть себе под ноги и заметить на покрытии узор, проясняющий тактику оппонента.

— Мастерски, — прошептал Сигизмунд, после чего позволил себе покоситься на двух соперничающих примархов.

Дорн наблюдал за схваткой с бесстрастным интересом. Зелёные глаза Льва горели, зрачки постоянно перемещались, пока он следил за своим поборником на арене. На губах Эль'Джонсона словно бы играла незаметная улыбка.

«Вполне возможно, — подумал Сигизмунд, — твой человек близок к победе».

Прежде чем Барзареон сделал ход, прошло ещё семь минут. Теперь он находился к чемпиону Имперских Кулаков на метр ближе, чем в тот момент, когда они начинали. Эол — возможно, почуяв неладное, — начал атаковать с вновь обретённым неистовством, стараясь оттеснить противника. Иных вариантов у него не было: если бы Храмовник отступил, Барзареон тут же напал бы сам, выставляя вперёд щит, чтобы отразить любой контрвыпад и занося меч для решающего удара. А если бы Эол действовал как раньше, то Тёмный Ангел вскоре свёл бы на нет преимущество соперника в весе и длине клинка, вынудив его сражаться в ближнем бою, а не на

расстоянии вытянутой руки. Хотя из щита вылетали искры и осколки металла, а рука под ним наверняка онемела от принятых на него выпадов, Барзареон не отступал ни на йоту.

А затем он выиграл.

Действуя так быстро, что Сигизмунд едва уследил за ним, Тёмный Ангел ринулся навстречу Эолу во время его следующего натиска. Взмахнув щитом, Барзареон не только отразил удар, но и отбил клинок противника влево от себя, вдоль тела Храмовника. Тут же сын Льва разжал руку, и щит полетел в лицо маистру. Низко пригнувшись, Барзареон крутнулся на месте. Ударом пятки он сбил Имперского Кулака с ног, и тот рухнул навзничь, а Тёмный Ангел выпрямился меньше чем за полсекунды и приставил остриё меча к горлу Эола.

— Уступаешь, магистр Храмовников? — чётко и отрывисто спросил Барзареон.

— Уступаю.

Шагнув назад, Тёмный Ангел вложил меч в ножны и поднял изрядно помятый щит, не удостоив поверженного соперника кивком и не протянув ему руку. Он выказал пренебрежение, почти что оскорбил Эола. Лишь ощутив, что Аппий схватил его за запястье, Сигизмунд осознал, что выступил вперёд, готовясь призвать Тёмного Ангела к ответу.

— Он и тебе надерёт задницу, — предупредил наставник фехтования. Сигизмунд выдернул руку. — Но продолжай тренироваться, и однажды ты превзойдёшь его.

Эол между тем отсалютовал примархам и покинул арену.

— Он победил благодаря простому трюку, — сказал ему Сигизмунд.

Магистр посмотрел на него, сузив глаза.

— Думаешь, мне от этого легче, Храмовник? — прошипел он.

— Виноват, господин, — Сигизмунд склонил голову.

Потом три Имперских Кулака повернулись к своему примарху, как поступили все прочие зрители в момент победы Барзареона.

Рогал Дорн встал.

— Мой чемпион побеждён, так что обоснованность недовольства моего брата подтвердилась. — Примарх протянул обе руки ладонями вверх. — Я приношу извинения за несправедливые речи. Я выдвинул необоснованные обвинения и очернил его образ. Я

забираю обратно любые негативные утверждения о Льве с Калибана. Принимает ли это мой брат?

Эль'Джонсон не выглядел довольным, хотя его поборник взял верх, доказав тем самым превосходство его доводов.

— Очень жаль, что мы пришли к разногласию по столь пустяковым вопросам, Рогал, — медленно произнёс он. Хотя Лев прежде всего обращал взор на Дорна, порой он мельком посматривал на Фулгрима и, чуть дольше, на Хоруса. — Я понимаю, что сравнительно недавно примкнул к Великому крестовому походу, а потому обо мне известно немного. Но я примарх не в меньшей степени, чем любой иной. Надеюсь, то, что случилось сегодня, послужит назиданием для всех, кто пожелает усомниться в отваге, решимости и верности как меня самого, так и моего легиона.

Дорн отсалютовал, прижав кулак к груди, и покинул зал в сопровождении своих хускарлов.

Он ни разу не взглянул на Эола или его товарищей после того, как магистр Храмовников потерпел поражение.

Когда они возвращались обратно по Триумфальному Пути, примарх Седьмого услышал, что его зовёт Фениксиец, и замедлил шаг. Гидореас приказал воинам остановиться, чтобы Фениксиец догнал их, после чего вместе с товарищами-хускарлами зашагал позади двух командиров на почтительном расстоянии, хотя и не так далеко, чтобы не слышать, о чём они разговаривают. Ранее Рогал недвусмысленно дал понять, что во всём доверяет главному из своих капитанов, а также не считает себя бессмертным. Дорн хотел, чтобы на случай его гибели у Гидореаса имелось не просто наследие в виде приказов, которые нужно выполнять, а полная и объективная картина образа мыслей его примарха.

Телохранители Фулгрима, напротив, ушли вперёд.

— Твой чемпион бился достойно, — сказал Фениксиец.

— Воин Льва справился лучше.

Гидореас отметил, что Фулгрим шагает уже не так широко, из-за чего вся группа медленнее движется по Триумфальному Пути. Возможно, он желал подольше побыть рядом с владыкой Дорном. Сам примарх Имперских Кулаков либо ничего не заметил, либо просто не отреагировал: он ступал в том же проворном и уверенном темпе, который выбрал сразу после того, как они покинули дуэльный зал.

— Речь о том, что, хоть победа и досталась Тёмным Ангелам, в поражении нет бесчестья, — продолжил Фениксиец.

— Я и не ощущаю его, — отрезал Рогал. — Хотя Эол, возможно, думает иначе.

— О чём ты, брат?

— В том зале стояли три лучших клинка Храмовников, и теперь все они будут считать, что им нужно улучшить навыки. Эол станет больше усердствовать на тренировках.

— Похвальная реакция, — отметил Фулгрим. — Все мы должны стремиться к высшей точке нашей сути, не правда ли? Я знал, что из всех моих братьев именно ты поймёшь это.

— Именно я? — Дорн не сбился с шага, но в его голосе прозвучала неуверенность.

— Ты жаждешь всё время рваться вперёд. Наше величие есть постоянное странствие, а не какая-то цель или достигнутое состояние. Наше наследие заключается не в последней победе, но в следующей.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, хотя мы создаём наследие Императора, а не наше собственное.

— Разумеется, брат. Ты верно поправил меня. Обидно, что твой боец проиграл поединок, однако спор не обязан заканчиваться на этом, — мягко произнёс Фулгрим, подавшись ближе к Дорну.

Выглядело это скорее фамильярно, чем заговорщицки, хотя Гидореас не мог избавиться от мысли, что разговор, завязанный Фениксийцем, — часть каких-то политических интриг при участии Льва или Хоруса. Возможно, командир Лунных Волков, самый старший и уважаемый среди четверых примархов, поручил Фулгриму узнать настрой Рогала Дорна или, пожалуй, выяснить его намерения.

— Насколько я могу судить, мы только отвлеклись, ничего не приобрели и не потеряли! — прорычал повелитель Имперских Кулаков. — Я никогда не желал оскорбить честь Льва.

Фулгрим посмотрел на него, но ничего не сказал. Сделав ещё несколько широких шагов, Дорн заговорил снова.

— Ну, может, самую малость, — признался Рогал. — Я плохо подобрал слова и выступал скорее против его намерений, а не реальных действий.

— Уверен, дело в нашем родстве, — сказал Фениксиец. — Все мы жаждем произвести впечатление на Императора, причём Лев —

сильнее, чем большинство из нас. Он совсем недавно воссоединился с нами и не хочет показаться в чём-то ниже нас.

— Вот где я допустил ошибку. Полагаю, я имел в виду, что план Льва не соответствует идеалам служения и верности, которые декларировал он сам, но не потому, что он неискренен, а из-за того, что он не смотрел на ситуацию так, как я. Его критерии успеха, хода выполнения задачи, небезупречны.

— Понятно, — Фулгрим несколько секунд размышлял над речами брата, то ли составляя ответ, то ли просто ещё раз проверяя, не удастся ли с помощью молчания выудить из Рогала чуть больше сведений. Осознав, что продолжения не будет, Фениксиец негромко вздохнул. — Чтобы мы не тратили большую часть нашего времени на хождение с одной дуэли на другую, тебе, брат, стоит более тщательно обдумывать свои слова. Есть и другие точки зрения, так что...

— Нет. Никаких, — прервал его Дорн, скорее решительно, чем грубо. — Император ясно дал понять, чего Он от нас хочет. «Избавьтесь от этого скрытого врага и приведите Окклюду Ноктис к Согласию». Вот что Он приказал. Нам не подобает затевать свары из-за толкования Его слов: мы не инеистые стервятники, что выбирают самые лакомые кусочки из туши шилокита.

— Я лишь хочу сказать, чтобы ты выражал своё мнение аккуратно.

Примархи уже почти дошли до конца Триумфального Пути, где ожидали транспортные корабли. Фулгрим придержал Дорна за плечо, после чего оба командира легионов остановились и повернулись друг к другу.

— Знай, я поддерживаю твой план, — произнёс Фениксиец, — и заявлю об этом на совещании, но тебе не мешает научиться деликатности в таких вопросах.

— Фулгрим, брат мой, мне кажется, что я, напротив, обязан говорить ещё более прямо. — Пристально посмотрев на другого примарха, Дорн изрёк следующие фразы с размеренностью ударов молотом. — Это не моя забота. Я возвращаюсь к моему флоту. Сюда я прибыл за советом, а не за одобрением. Когда мы закончим и вернёмся к Императору, чтобы рассказать Ему о наших успехах, тогда я не стану роптать и повинюсь Его решению, но не чьему-то ещё.

В воздухе на несколько секунд повисло напряжение, а затем тишину нарушил смех Фулгрима, подобный звону разбитого хрустала. Он заговорил беспечно, однако с искренностью:

— Тогда могу только пожелать тебе доброй удачи в твоих начинаниях. Не знаю, когда мы встретимся снова, но надеюсь, что разлука окажется недолгой, брат. Важно то, что при всех наших различиях мы едины под властью Повелителя Человечества. Жду, что однажды мы с тобой встанем рядом на поле боя.

Рогал улыбнулся, что на памяти Гидореаса случалось нечасто.

— Было бы славно, брат мой.

Фулгрим отдал короткий учтивый поклон, на что Дорн ответил резким кивком. Повинуясь жесту своего примарха, ветераны Детей Императора удалились, шагая в ногу. Рогал, слегка нахмутив брови, сохранял непроницаемое выражение лица и с полминуты наблюдал, как они уходят.

— Отправь сообщение моему магистру Храмовников, — неожиданно сказал он Гидореасу. — Пусть он и его спутники возвращаются со мной на *«Вестник рассвета»*. Я желаю обсудить с ним поединок и выразить благодарность за то, как он представлял меня.

«Следить за развитием общей ситуации в Ночном крестовом походе стало намного труднее с тех пор, как Рогал Дорн разделил свою армаду на оперативные группы.

Я путешествовал с авангардным флотом «Пронзающий ночь», который движется примерно в сторону галактического востока, по краю правого фланга наступления во внутреннюю часть Окклюды Ноктис. Между тем «Ночной страж» держит курс на северо-восток, как и «Прорыв ночи». Намеченный маршрут флотилий «Ночной клинок» и «Уход ночи» пролегает севернее всех.

Мне сказали, что окклюзия^[12] варпа напрямую не влияет на астропатическую связь, — за последние пару лет я уже выяснил об эмпиреях и их принципах больше, чем многим звездоплавателям требуется знать на протяжении всей жизни! — но львиная доля контактов, как входящих, так и исходящих, осуществляется с командным резервом *«Фаланги»*, а не между флотами первопроходцев. Правда, уже дважды примарх и штаб его легиона присоединялись к какой-либо из авангардных эскадр, когда та встречала ожесточённое сопротивление. Так или иначе, бои на всех

фронтах завершились в похвально короткие сроки, и в список побед вошли ещё тридцать систем.

Пока я излагаю всё это для записи, мы находимся в варпе, поэтому я не могу точно определить, как давно мы покинули «*Фалангу*» и её силы сопровождения, но мне кажется, что прошло около восьмидесяти суток по терранскому стандарту. По моим прикидкам, сегодня третья годовщина перехода в эмпирии из системы Сола — или, точнее сказать, одна тысяча девяносто пятый прожитый день с тех пор, как я в последний раз видел свет нашей звезды. Примириться с мыслью о том, что я стал на три года старше с тех пор, как отправился в путь, практически невозможно, но в следующий раз, когда нам удастся вычислить время в реальном пространстве, получится, что мой брат, родившийся на одиннадцать месяцев раньше, теперь *моложе* меня. Прежде я никогда не задумывался о том, какой несусветный беспорядок возникает в личной и социальной жизни из-за длительных варп-путешествий.

В дополнение к значительным трудностям с навигацией, из-за которых серьёзно удлинился срок нашего пребывания здесь, неотступно усиливается чувство изолированности. Мы продвигаемся между системами в регионе звёзд, буквально не нанесённых на карту, пробираясь вперёд чуть ли не вслепую, на ощупь. Хотя большинство цивилизаций, встреченных нами до сих пор, не выходили за пределы одной системы — даже крупнейшее из владений охватывало лишь пару десятков световых лет и горстку миров, — мы могли в любой момент столкнуться с чем-то гораздо более мощным, единым и, вполне вероятно, исключительно враждебным к представителям Империиума. Невольно вспоминаю, что наши предшественники, пытавшиеся разведать эти дикие места, не просто потерпели неудачу, а не сумели вернуться назад. Им не удалось даже отправить предупреждение о своей грядущей гибели.

В настоящий момент я занимаю небольшую каюту на «*Вестнике рассвета*», во флоте сопровождения которого насчитываются десятки тысяч легионеров и, пожалуй, в десять раз больше бойцов Имперской Армии, однако всё равно ощущается, что авангард пронизывает чувство уязвимости. Теперь, когда необоримая мощь легиона разделена, кажется, что каждая из его частей непропорционально ослабла. Мне следует довериться владыке Дорну, и я не вправе обсуждать качество его грандиозной стратегии, однако моё состояние улучшилось бы, узнай я, что мы находимся достаточно близко к другим флотилиям Седьмого, и, если нас

поглотит ночь, они смогут сделать нечто большее, чем просто отомстить за нас...

Но никого иного нет в самом сердце тьмы — там, где меж звёздами пролегают особенно глубокие тени, а системы, через которые мы проходим, никогда прежде не видели ни люди, ни ксеносы. Я хотел бы сказать, что всё ещё испытываю восхищение, воодушевлявшее меня три года назад, что по-прежнему думаю, будто участвую в сотворении истории. Но на самом деле я ничто. Просто наблюдатель за событиями, которые продолжались бы независимо от того, вижу их я или нет. Как вы наверняка предположили, моё чувство собственной значимости не выдержало колоссальной тяжести того, что мы претерпеваем здесь.

Я ощущаю себя совершенно одиноким в темноте».

Пребывая в полном одиночестве в навигаторском пилестре, Ригантис проклинал имя Рогала Дорна, проклинал себя и собственную гордыню, проклинал своего двоюродного деда за то, что тот довёл дом Зума до такого жалкого состояния, что его нынешнему новатору пришлось ввязаться в подобную авантюру ради восстановления надлежащего величия семейства.

Впрочем, даже изливая свою досаду в бурчании под нос, Эсуин исследовал окружающее пространство имматериума третьим глазом, обзор которого соотносился с обычным зрением так же, как комплексы наблюдательных сенсоров «*Фаланги*» — с переносным ауспиком легионера. Ригантис ничего не «видел». В варпе не существовало физического света, способного попасть на фоторецепторы. Строго говоря, там не имелось даже направленного хода времени, без которого никакие лучи не сумели бы целенаправленно переместиться от своего источника к зрительному нерву. Эфир представлял собой мысленную конструкцию из воображения, предубеждений и мифов. Каждый, кто заглядывал туда, только представлял, будто видит что-то. Вернее, так продолжалось около минуты, после чего незащищённый зритель сходил с ума и чаще всего выцарапывал себе глаза, хотя даже тогда ему не удавалось забыть абстрактную мешанину воспринятого им кошмара.

В общем, и к лучшему, что Ригантис не видел варп.

Орган у него во лбу — результат не только управляемых мутаций, которые тысячи лет передавались от одного поколения к другому в Тёмную эпоху технологий, но и тщательного, избирательного

скрещивания между домами навигаторов в годы Старой Ночи — продолжал собой префронтальную кору головного мозга. Он походил на зеркала в перископе, посредством которых наблюдатель созерцал объекты под другим углом. «Око» Эсуина усиливало в уме взаимодействие между рациональным центром рассуждений и той бессознательной связью с варпом, которой обладали все люди. Благодаря этому его мозг осмысливал бессмыслицу, во всяком случае, распознавал некие закономерности, пригодные для использования.

По крайней мере, так всё обычно работало.

Сейчас он не видел ничего. Ни малейшей искорки света Астрономикана, преломлённого касательной волной. Ни проблеска приливного вала, чей гребень можно оседлать. Ни единого кильватерного следа звездолётов. Не появлялось даже характерное мерцание миллиарда душ, которое тускло озарило бы варп, словно множество маленьких свечей в каком-нибудь огромном зале.

Ничего.

Эсуин крайне смутно осознавал, что они всё же перемещаются, но, если бы владыка Дорн вызвал своего старшего навигатора по внутренней связи и принялся его расспрашивать, Ригантис не сумел бы и с малой долей уверенности заявить, что они хотя бы движутся в направлении, которое соответствует курсу, проложенному на основе последнего перехода.

Он терпеть не мог перепроверки позиции, однако лишь осторожные отпрыски домов выживали достаточно долго, чтобы стать новаторами. Ригантис вызвал посредника навигаторов в стратегиуме.

— Управление двигателями, приготовьтесь к варп-прыжку. Две минуты, стандартное перемещение.

— *Наконец-то вы нас куда-то вывели, а, новатор?* — В голосе офицера звучало как сомнение, так и надежда. — *Есть предварительный доклад для примарха?*

— Мне нужно ещё раз сопоставить данные с реальным пространством. Если вам хочется что-то доложить господину примарху, пожалуйста, передайте ему следующее. Лететь он может либо быстро, либо туда, куда ему нужно. Мне не важно, какой выбор он сделает, но обеспечить и то, и другое невозможно.

— *Я... я подготавливаю команду машинного отделения к прыжку. В настоящий момент владыку Дорна лучше не беспокоить.*

Мудрое решение, но Ригантис не стал его комментировать. Внимание новатора привлекло нечто, вроде бы замеченное им ещё раньше в великой бездне неосвещённого варпа. Тогда объект напомнил ему корабль. Не слишком вещественный, больше похожий на фантом. Эсуин сомневался, что действительно видел то пятно, скользнувшее поперёк носа «*Фаланги*» на краю зоны поражения лэнсов.

Теперь же новатор различил его снова. Оно не реагировало и, казалось, вовсе не замечало массивный звездолёт. Возможно, там вообще ничего не было — или элементарное преломление на куполе света, исходящего откуда-то из главного корпуса, или просто иллюзия, игра разума. Ригантис и его семья, как и все навигаторы, несли непрерывную вахту, чтобы провести гигантскую звёздную крепость через эфир, поэтому усталость уже давно влияла на них, и в ближайшее время улучшений ждать не приходилось.

— Отмена последней директивы, начальник двигателистов, — произнёс он по внутреннему воксу. — Уведомите господина Дорна, что, по моему мнению, нам следует отвести пару часов на перегруппировку. Мои сородичи на других кораблях также попадут в штиль — пусть «*Фаланга*» транслирует хоровые астропатические сообщения, как маяк ближнего действия. Если нам суждено сбиться с пути, то лучше заблудиться всем вместе.

Суммарно Ночной крестовый поход привёл к Согласию тысячу звёздных систем. Такая новость содержалась в астротелепатическом послании от Лунных Волков. Всё это время Хорус Луперкаль вёл подсчёты по нерегулярным рапортам своих братьев и теперь пожелал, чтобы они узнали об этом достижении. Впрочем, на «*Фаланге*» оно не вызвало особой радости. Ближе к центру Окклюды Ноктис варп-прыжки стали во много раз короче переходов в пограничной зоне, и по этой причине обнаружение любой планеты, столкновение с каждым врагом, и всякая война превращались в мучительно кропотливый процесс. Оказалось, что на долю Имперских Кулаков приходится лишь около десятой части актов Согласия, и Гидореас чувствовал, что после подобных известий настроение в стратегиуме ухудшилось.

Сквозь эти невесёлые мысли воин услышал, что его спокойно зовёт по имени Рогал Дорн, который только что отпустил главу астропатов, госпожу Эвиду Килнестрискию. Стремительно

поднявшись по ступеням, командир хускарлов встал вместо неё рядом со своим примархом, изучавшим карту Окклюды Ноктис.

— Вся периферия под контролем Имперiums, — тихо произнёс Дорн.

На трёхмерной карте мерцали символы легионов, за которыми скрывалось падение миров, поглощение или завоевание пятисот или более цивилизаций, каждая из которых теперь стала очередной гранью восхитительного самоцвета — великого творения Императора Человечества. Схема выглядела как круг с наложенными на него спиралевидными ветвями, которые начинали двигаться внутрь. Перемещения флотов обретали слаженность, хотя временные метки рядом с каждой системой рассказывали гораздо менее элегантную историю о затруднениях с кампаниями и ненадёжности варп-переходов даже на окраине региона.

— Впечатляет, — произнёс Гидореас, оглядев карту, висящую над гололит-столом. Он бегло посмотрел на своего командира, который наблюдал за медленно вращающимся изображением, задумчиво подпирая рукой подбородок. — Даже если эти миры лишь в полутьме.

Тогда владыка Дорн улыбнулся и бросил взгляд на Гидореаса.

— Да, пожалуй, мои братья шли не столь тернистыми дорогами, как мы, однако все они проделали долгий путь.

Также на гололите бросалась в глаза чернота, заполнявшая примерно каплевидный контур Окклюды Ноктис. Если не считать полосы, что медленно расширялась вслед за Имперскими Кулаками, как «*Фаланга*», так и авангардные группы на севере и востоке располагались в нескольких тысячах световых лет от ближайших систем, находящихся под контролем союзных легионов.

— Чересчур медленно, — чуть ли не шёпотом произнес Рогал Дорн и снова повернулся к схеме. Взгляд его посуровел. — Слишком много кораблей покрывают недостаточно обширную территорию. После девяноста девяти целых и восьми десятых процента прыжков мы попадаем в ненаселённые системы.

— Пока мы ограничены варп-переходами длиной в пару световых лет, в случае более широкого рассредоточения сил мы полностью утратим согласованность между нашим левым и правым флангами, — заметил Гидореас. — Мы уже растянулись, поддерживая периферийные флотилии из центра. Если разделить группы ещё хоть раз, они буквально будут предоставлены сами себе.

— Ты думаешь о потерянных флотах?

— Ничто из того, с чем мы сталкивались до сих пор, не обладало даже толикой мощи, которая потребовалась бы для их уничтожения. Если мы столкнёмся с этим скрытым врагом, когда флот рассеян...

— Мысли об этом не отпускают и меня, мой хускарл. Правда в том, что мы уже уязвимы. То, что расправилось с предыдущими экспедициями, достаточно могущественно, чтобы сокрушить любой авангардный флот. — Говоря, примарх сжал кулак и опустил его на край гололит-стола, отчего в проекции замерцали трещины. — Пятьдесят кораблей или пять, разницы никакой. Более того, если мы встретим этого противника, лучше потерять пять, чем пятьдесят. И, чтобы обрушить на врага всю нашу мощь, его нужно найти.

В конечном счёте все имперские силы и средства рассматривались как расходный материал, и, хотя Гидореас не относил своего примарха к той же категории, он знал, что Рогал Дорн не считает себя незаменимым. Тем не менее хускарл удивился, услышав, как его лорд-командующий даёт понять, что готов пожертвовать жизнями сыновей просто ради того, чтобы вынудить неприятеля проявить себя.

— Наши корабли станут приманкой, мой господин?

— Нет, это в мои намерения не входит, — быстро ответил Рогал Дорн. — Новый постоянный приказ будет таким: отступать при обнаружении любых признаков высокоразвитого общества. Продвигаясь к центру, мы станем внимательно наблюдать за флангами, и, когда разглядим что-то стоящее, перегруппируем силы.

— Из-за разведывательных флотилий любой возможный враг узнает о нашем приближении, — возразил Гидореас. — У него будет больше времени на подготовку обороны.

— Или приветствия...

На мгновение лицо примарха вновь озарилось улыбкой, и магистр хускарлов понял, что его повелителю по-настоящему нравится жонглировать этими немислимыми стратегическими возможностями, выявляя наилучший образ действий среди сотен неудачных вариантов разного рода. Это вынуждало примарха напрягать все умственные силы, и он наслаждался подобными трудностями.

Гидореас вспомнил, что сказал Дорн на параде в честь воссоединения примарха с VII легионом.

«Чем тяжелее состязание, тем значительнее победа».

Рогала не интересовали похвалы, которыми осыпали его братьев, однако Гидореас понимал, что его повелитель судит себя куда строже, чем любого из родичей, поскольку считает достойным лишь одного критика — самого Императора.

Работая на своём посту у одного из первичных сенсорных блоков, Нитталья Кирасова подсчитывала остовы, обнаруженные датчиками.

— ...четыре... пять... шесть кораблей сопровождения. Три звездолёта первого ранга и шесть эскортов, владыка примарх.

Все, кто находились в стратегиуме, встретили эту весть мрачным молчанием. Гидореас, стоявший рядом с Кирасовой, склонил голову в память о павших. Через пару секунд он поднял глаза и взглянул на своего командира, не зная, что откроется его взору.

Рогал Дорн, сжав кулаки и стиснув челюсти, неотрывно смотрел на пятно из обломков и следов энергетических выбросов, отображаемое на основном гололите. Всё, что осталось от оперативной группы Гамма-Шестнадцать, ранее входившей в состав авангардного флота «Пронзающий ночь». Никаких признаков присутствия врага. На кого гневался примарх — на неведомого противника или на самого себя? Возможно ли, что именно решение Дорна разделить разведывательные флотилии на ещё менее крупные оперативные группы погубило Гамму-Шестнадцать? И вследствие того же распоряжения «*Фаланга*» вошла в данную систему в одиночестве. Она, сама себе флотилия, прибыла сюда, чтобы выяснить причины отсутствия связи с потерянными звездолётами.

— Плазменный след!

Крик донёсся со стороны вторичных наблюдательных пунктов чуть ниже Гидореаса. На гололите замерцали красные значки, возникшие позади «*Фаланги*», которая держала курс к внутренним областям системы. Взревели тревожные сирены, хотя весь экипаж звёздной базы Имперских Кулаков уже занял боевые посты.

Между станциями управления огнём понеслись доклады о подаче мощности на орудия и загрузке торпед. Из вокс-динамиков зазвучали дребезжащие голоса послушников Механикума, которые управляли генераторами пустотных щитов, главными двигателями и плазменными реакторами.

Дорн продолжал изучать гололит. Он не шевельнул и пальцем, полностью уверенный в том, что его команда натренирована до

совершенства. Впрочем, как только прозвучал сигнал, что все процедуры выполнены, Гидореас пересёк стратегиум, чтобы лично отрапортовать примарху.

— Всё в полной боеготовности, владыка Дорн.

— Спасибо, капитан. — Удостоив хускарла благодарного взгляда, Рогал вновь сосредоточился на изображении. Он слегка кивнул, увидев, что после очередного обновления схемы по данным с сенсоров на ней возникли траектории обнаруженных плазменных шлейфов, предположительно, от двигателей вражеских кораблей. — Они нас не ждали. Вот, погляди, как отклонились от прежнего курса. Изначально они шли в поперечном направлении к нашей позиции.

Гидореас увидел то, что описал примарх. Первый из тройки значков двигался почти перпендикулярно курсу «*Фаланги*», но два следующих теперь летели к ней.

— Значит, это не засада на нас, мой господин. — Воин поскрёб небритый подбородок костяшкой пальца латной перчатки. — Они вообще не направлялись к месту битвы.

— Как и от него. Возможно, это патруль, а может, нечто совершенно иное, — произнёс примарх. — Здесь нет ни обитаемого мира, ни следов присутствия каких-либо технологий, а значит, капитан Форштерн наверняка заметил что-то иное, побудившее его выдвинуть оперативную группу в глубь системы. Например, он мог обнаружить след от двигателей регулярного патруля.

— Сложно поверить, что корабли, прибывшие в этот район всего через несколько дней после сражения, никак не связаны с теми, кто уничтожил наши эскадры, и оказались здесь случайно.

— Согласен. Воспринимайте любые контакты как враждебные. — Затем Дорн повысил голос. — Полная остановка, разверните нас по направлению к другим кораблям! Всем орудиям приготовиться, расчётам канониров составить огневые решения, но не захватывать цели без распоряжения. Никому не стрелять без прямого приказа. Командам сенсориума вести наблюдение на узком участке. Выявлять неприятельские захваты целей, сканирование или запуск пустотных аппаратов.

По всему стратегиуму донеслись подтверждения, что приказы ясны. Ожили вторичные гололиты, обширное пространство заполнилось экранами из света. Задействовав панель управления на краю командной площадки, Дорн продублировал несколько из них и наложил на главный дисплей.

— Да, крупный патруль, — объявил он, отступив на шаг.

Гидореас поначалу не заметил того, что увидел примарх. Рогал спроецировал курс неизвестных кораблей за пределы зоны обнаружения сенсоров, а по расположению обломков имперских звездолётов определил их построение и вероятный вектор атаки на них. Через несколько секунд капитан хускарлов понял, что противник, атаковавший «Гамму-Шестнадцать», по всем признакам вошёл в звёздную систему тем же курсом, что и эскадра на дисплее.

— Враг не ожидал другого корабля или флота, поэтому возобновил стандартный маршрут патрулирования, — подытожил Дорн. — Разумно предположить, что капитан Форштерн либо не передавал сообщений об имперской экспедиции, либо противник их не засёк.

— Вы полагаете, Форштерн атаковал их, не пытаясь установить мирный контакт?

— Невозможно определить, ведь никто не выжил, чтобы рассказать нам, — ответил Дорн. — Учитывая соотношение позиций, вероятно, что «Гамма-Шестнадцать» старалась прорваться мимо вражеских кораблей, чтобы достичь точки Мандевиля и совершить прыжок, как того требует мой постоянный приказ.

— Форштерна не так давно произвели в офицеры, и он счёл бы шанс принести вам доказательства контакта с новой цивилизацией немалой удачей для себя.

— Безусловно.

Вернувшись к пульту управления, Рогал отключил наложенные экраны, и на гололите остались только мигающие руны — символы приближающихся кораблей. Всего фиксировались три сигнатуры, однако при их нынешнем положении плазменный шлейф более крупного корабля теоретически мог перекрыть отклики ведомых или менее крупных звездолётов.

— Двигателисты, запустить только главные ускорители, половинная мощность, — распорядился примарх. — Отключить кормовые батареи с первой по четвёртую.

Легионеры откликнулись, подтверждая получение приказов, и в течение минуты схемы звёздной крепости на вспомогательном дисплее изменились, отражая новое состояние двигателей и энергосистемы.

— Мой господин, я знаю, что вы полностью осведомлены о том, как ограничены возможности «*Фаланги*» на скоростях ниже боевой,

а потому чувствую, что обязан спросить, каковы ваши намерения.

Дорн, погрузившись в раздумья, несколько секунд не отвечал и взирал только на один из гололитов в глубине огромного стратегиума. Наконец он моргнул и перевёл взгляд на хускарла.

— Я желаю хорошо рассмотреть вражеские корабли. Если они установят размеры и мощь «*Фаланги*», то, возможно, откажутся от сближения, поэтому сейчас мы маскируемся под менее крупный звездолёт.

Гидореас кивнул. Легионес Астартес, и особенно Имперские Кулаки, редко применяли обманные манёвры. В целом это обосновывалось тем, что такие ходы чрезмерно полагаются на огрехи противника — надежду на то, что он не обнаружит уловку. Впрочем, в нынешних обстоятельствах хускарл понимал, почему от них требуется скрыть свою силу и спровоцировать неприятеля на атаку, хотя в большинстве ситуаций такие действия стали бы нелогичными.

Корабли противника, откровенно показывая свои намерения, в последующие минуты набирали ход, приближаясь к «*Фаланге*». Оказалось, что в одном из плазменных шлейфов скрывались два звездолёта меньших размеров, и, как только противник вошёл в зону боевого сканирования, Нитталья Кирасова уверенно объявила:

— Два капитальных корабля и два эскорта, мой господин. Идут прямо на нас. Мощные всплески энергии указывают, что их оружие заряжено.

Из другого сенсорного блока поступил сигнал о попытке сканирования для наведения на цель.

— Отлично, враждебность неприятеля подтверждена, — заключил Дорн.

— По протоколу нам следует передать сообщения с требованием мирных переговоров и Согласия, — негромко произнёс Гидореас. Слова давались ему с трудом, ведь хускарл уведомлял примарха о том, что Рогал наверняка знал и сам, однако офицер ясно понимал свои обязанности как заместителя командира. — Мне отдать приказ?

— Не в этот раз, мой хускарл, — медленно произнёс Дорн, нахмутив брови. — Я не думаю, что к нам прислушаются, и предпочёл бы не уведомлять о наших намерениях, пока враги ещё могут отвернуть и уклониться от боя. Мне бы хотелось как следует рассмотреть их.

Корабли противника, мчавшиеся в атаку, уже находились в пределах досягаемости лэнс-излучателей, однако Дорн не отдавал приказа лазерным турелям захватить цель и открыть огонь. Примерно через минуту кто-то из бригады слежения выкрикнул предупреждение о том, что на «Фалангу» наводят несколько орудий.

— Реакторы на сто десять процентов, двигатели — полный вперёд! — рявкнул примарх. Повернувшись спиной к стратегиуму, он направился к воротам в задней части площадки. — Всем ремонтным бригадам сосредоточиться на пустотных щитах. Запитать основной телепортариум. Магистр хускарлов, собери ударную группу из пятидесяти легионеров. Провост-лейтенант Вендраал, на тебе командование стратегиумом.

— Вы хотите взять врага на абордаж, господин? — уточнил Гидореас, шагая за примархом, пока по залу разносились очередные подтверждения того, что приказы ясны.

— Мне надо хорошенько поглядеть на них вблизи, а им, полагаю, нужно то же самое, — сказал примарх, и его руки внутри массивных латных перчаток сжались в кулаки. — Потеря целой оперативной группы заслуживает моего *личного* внимания.

Пока они спускались по палубам к главному залу переносов, Рогал Дорн непрерывно отдавал краткие распоряжения орудийным расчётам, навигационным командам и персоналу телепортариума. Гидореас созвал пять отделений хускарлов и повелел им присоединиться к примарху на основной телепортационной площадке. Между тем по воксу поступил рапорт о том, что противник ведёт обстрел из лазерных орудий, но первые лучи поглотил многослойный заслон из пустотных щитов «Фаланги».

— Ответный огонь не открывать, — наказал Дорн. — Ждать моего приказа. Станции слежения, есть ли признаки наличия пустотных щитов на вражеских кораблях?

Ответ прозвучал через несколько секунд.

— *Никак нет, владыка примарх,* — ответила Кирасова. — *Энергетическая схема иная, однако же их щиты напоминают стандартные силовые поля. Телепортация должна пройти успешно.*

— «Должна»? — рявкнул Гидореас. — Лейтенант, мы не отправим примарха через телепорт с гарантией вроде «должно сработать».

— *Разумеется, нет, заместитель командующего. Я посоветуюсь с адептами Механикума в телепортариуме.*

— Время до переноса? — спросил Дорн, когда их траволатор резко замедлился и остановился.

— *Три минуты и четыре секунды при текущих скоростях, владыка примарх,* — доложил штурман.

Рогал с хускарлом двинулись к главному залу телепортариума, а в противоположном конце коридора показались отделения бойцов Гидореаса. Облачённые в терминаторские доспехи, они колонной по пятеро прошагали к широким воротам отсека для переноса и встали там. Со стороны легионеры больше походили на стену из металла и керамики, чем на полуроту воинов.

Двери с грохотом раздвинулись, открывая проход в просторный зал с низким потолком, залитый электрическим светом. Из оголённых реле вырывались разряды энергии, и платформу телепорта обвивали дуги актиничных молний. Техножрецы Механикума, чьи лица скрывались под капюшонами красных балахонов, возились с панелями управления и кабелями.

— *Магос Ортсиакс заверяет меня, что вражеские силовые поля не повлияют на луч наведения телепорта, мой господин,* — сообщила Кирасова.

— Позвольте мне сначала отправить одно отделение, просто для уверенности, — предложил Гидореас.

Примарх не ответил и зашагал между послушниками Механикума, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону — он явно кого-то искал. Наконец Дорн обнаружил старшего из техножрецов, магоса Ортсиакса. Тот отвернулся от наполненной искрами стеклянной трубки, и сочленённые щупальца, вздымающиеся у него над спиной, на секунду опустились, изображая поклон.

— Насколько надёжна ваша оценка в отношении луча телепортации, магос? — требовательно спросил Дорн.

В тени под капюшоном Ортсиакса блеснули искусственные глаза. Когда он заговорил, его голос звучал шипяще и влажно от мокроты.

— Надёжна на сто процентов, Рогал Дорн. Я произвёл расчёты лично, и их по отдельности проверили три эксперта.

— Отлично, продолжайте приготовления.

— Главный телепортариум уже выведен на полную мощность, Рогал Дорн, — уведомил магос.

— Понял вас.

Как только примарх отошёл от магоса, к Ортсиаксу приблизился Гидореас.

— Я хочу, чтобы вы постоянно отслеживали все сигналы телепортации. Если возникнут какие-либо отклонения или помехи, вы в тот же миг, буквально в тот же миг, запустите процедуру возвращения.

Гидореас взглянул на своего повелителя, чтобы понять, нет ли у того иных указаний на этот счёт. Примарх явно услышал распоряжение хускарла, однако ничего не предпринял, чтобы отменить его.

— Будет исполнено, заместитель командующего Гидореас, — сказал магос, снова опустив искусственные конечности.

— Построение «Главий», — приказал Дорн хускарлам, подходя к платформе.

Золотая броня Рогала сверкала от вспышек энергетических разрядов на механизмах вокруг него. Рядом с примархом выстроились отделения астартес — Гидореас чуть слева от него, бойцы в пять рядов позади.

— *Господин, вражеский обстрел перегружает первый блок генераторов пустотного щита,* — доложил Вендраал.

Дорн молча снял шлем с пояса, надел и закрепил, прокрутив его обеими руками. Затем примарх повернул голову к Ортсиаксу.

— Есть наведение на какой-либо корабль, магос?

— Капитального типа, Рогал Дорн. Я определил и зафиксировал цель. Вы бы предпочли атаковать источники мощности или центр управления?

— Командную палубу, — без колебаний ответил примарх.

— Вы приказываете — мы повинемся, Рогал Дорн.

— Провост-лейтенант... — Примарх отвернулся и снова смотрел прямо перед собой. — В момент телепортации всем орудиям открыть огонь по второму капитальному кораблю.

— *Так точно, владыка примарх.*

То, что на «Фалангу» обрушиваются залпы противника, совершенно не ощущалось здесь, в недрах звёздной базы. Грозные энергии, порождённые генераторами пустотного щита, прикрывали корпус, отводя яростные атаки вовне. Гидореас прослушивал вокс-рапорты — непрерывную литанию об отказах и починке этих устройств. Из состояния сосредоточенности его вывел магос Ортсиакс, объявивший, что они вошли в пределы досягаемости телепорта.

— Запускайте, как только захватите цель, магос, — распорядился Дорн. — Хускарлы, истребить или подавить всех врагов поблизости от места прибытия. Бить в полную силу, никаких послаблений.

— За Императора! — взревел Гидореас, выхватив силовой меч и подняв комбиболтер.

— За Императора! — эхом отозвались хускарлы, и в ту же секунду начался процесс телепортации.

Вспыхнули и неистово заметались разветвлённые потоки энергии; они хлестали платформу, танцевали на позолоченных доспехах.

Рывок смещения Гидореас отчётливее всего ощутил глазами. На мгновение он превратился в концепцию самого себя, которая летела через бесконечно малый участок варп-пространства к целевому кораблю. Его диссоциация^[13] внезапно завершилась, когда тело сформировалось заново в выбранной точке, и краткое оцепенение сменилось всплеском ощущений, что хлынули в материальную сущность воина, как только она восстановилась.

Имперцы оказались в ярко освещённом сооружении, похожем на купол. Наверху располагалось кристаллическое обзорное окно, в котором Гидореас разглядел звёзды и лазурную вспышку лазерного разряда из дорсальной^[14] оружейной установки. На панелях вокруг поблёскивали электронные дисплеи. Они, как и светящиеся элементы управления, подобные самоцветам, отбрасывали янтарные и красные лужицы света на белую поверхность консолей и бесшовный настил палубы.

Гидореас увидел человека — вернее, гуманоида, — женщину с короткими волосами, одетую в свободный длинный китель серого цвета поверх бледно-голубых брюк. На щеке у неё виднелась татуировка с символом, незнакомым хускарлу. Отвернувшись от своего пульта, она с беспредельным изумлением уставилась на legionera. Вскинув комбиболтер, Гидореас выстрелил, и грудная клетка женщины превратилась в рваную красную дыру, внутренности шлёпнулись на панель управления, а осколки костей разбили один из экранов. Хускарлы вокруг магистра развернулись, сломали строй, и их оружие взревело.

Ринувшись вперёд, Дорн первым же взмахом громадного цепного меча в одной руке разрубил двоих противников. Зубья клинка с визгом прогрызли край пульта управления.

Атака продлилась всего несколько секунд, после чего воцарилась тишина. Оглядевшись по сторонам, Гидореас насчитал двадцать

одного мертвеца. Приборные панели испещряли воронки от болтов, и воин отметил, что материал, из которого сделаны пульта, скорее напоминает камень, нежели металл или пластик.

— Охранять! — гаркнул он, указывая на двойные двери в стене купола.

Отделение Вортагира прошагало туда с комбиболтерами наготове.

— Мы на борту, — объявил Дорн по воксу.

— *Лорд-командующий, неприятель выходит из боя,* — поспешно доложил Вендраал. — *Но не ваш корабль! Он берёт курс на столкновение с «Фалангой».*

Словно в подтверждение сказанного, из скрытых систем оповещения раздались пронзительные вопли. Сердца Гидореаса забились быстрее: он понял значение визгливых звуков, ведь такой язык не нуждался в словах.

— Огонь по нему всеми батареями! — рявкнул Дорн, отступая к хускарлам. — Магос, немедленная эвакуация. Сейчас же!

Даже обладая генетически улучшенным организмом, Гидореас ощутил приступ тошноты, когда телепортационные устройства, снова вцепившись в него и остальных воинов, выдернули их обратно через варп и поставили на сверкающую площадку. После полной материализации его тело до мозга костей охватила ноющая боль. Судя по стонам и кашлю других хускарлов, такие неприятные ощущения испытывал не он один.

Дорн уже сошёл с платформы, и бронированные двери зала раздвинулись перед ним. Гидореас убрал меч в ножны и, как мог, побрёл за примархом.

Повернувшись, Рогал двинулся по коридору к смотровой галерее, расположенной по направлению к корме от телепортариума. Подойдя к огромным бронированным окнам, он задрал голову, чтобы разглядеть приближающийся корабль неприятеля.

Гидореас добрался туда как раз в тот момент, когда «*Фаланга*» открыла огонь из главного калибра, обрушив на энергетические поля вражеского звездолёта высокомошные снаряды и сгустки плазмы. Сопrotивляясь натиску, защитная оболочка сияла белыми звёздами, которые почти ослепляли хускарла, невзирая на авточувства боевой брони. В хор обстрела вливались голоса всё новых орудий, и корабль противника уже больше походил на

стремительную комету, окружённую дрожащей пеленой взрывов и разрядов энергии, чем на космолёт.

Наконец лэнс-излучатели на турелях выбрали энергию из общей сети, после чего пять алых лучей полоснули по незваному гостю, пока тот стремительно мчался вперёд, идя на таран. Два из них бессильно отразились от щитов, но три других поразили корпус и, рассекая палубы одну за другой, практически разрезали корабль напополам. В недрах вражеского звездолёта что-то детонировало — вероятнее всего, реактор, — и забрало Гидореаса на миг перешло в режим затемнения, оберегая его глаза от вспышки. Как только обзор вернулся к хускарлу, он увидел, что среди звёзд беспорядочно кружат лишь несколько зазубренных, обвитых плазмой обломков. Их свечение быстро угасало в пустоте.

— *Остальные космолёты неприятеля резко ускоряются и движутся к границе действия наших сенсоров, владыка Дорн,* — доложил Вендраал из стратегиума. — *Запустить двигатели и преследовать?*

— Следуйте за ними так быстро, как только можете, но вряд ли мы их догоним, — ответил примарх. Фрагменты корабля догорали, и единичные всполохи пламени за бронестеклом отражались на золотых доспехах Рогала. — Полагаю, этот враг желает оставаться неизвестным как можно дольше.

По коридорам разнёсся отрывистый грохот болтеров, совсем непохожий на пронзительный визг лазерных карабинов неизвестного врага. Фафнир Ранн выстрелил снова; для устойчивости он опирал ствол на овальный вырез с краю абордажного щита, а сам выглядывал над верхней кромкой, чтобы навести оружие с помощью авточувств, заполнявших его поле зрения данными о целях.

Ранее неприятель применил некое ЭМИ-устройство, которое вырубilo всю электрику и другие системы на данном участке. Бортовые датчики слежения отключились, и верхняя палуба крейсера «*Каролинг*» погрузилась в морозную тьму. Мрак не должен был серьёзно помочь противнику, ведь генетически улучшенные глаза легионеров и модули визуального усиления его доспехов без труда пронизывали тени. Однако темнота оказалась не единственным средством в арсенале нападавших: они полагались на неё в сочетании с полями, которые искажали свет, смещая зримый облик своего владельца в видимом диапазоне таким

образом, что искусственные органы чувств Ранна воспринимали врагов как изменчивую дымку, распадавшуюся на фрагменты по всему спектру, от ультрафиолета до инфракрасного излучения. Мелькали какие-то движения, но чётко засечь не удавалось ни одного противника. Лишь игра света и цвета, как солнечный блик на прицеле или лучи, преломленные осколками призмы, что висят в воздухе, но ты замечаешь их только уголком глаза.

Надежду сразить неприятелей Фафниру давал лишь один метод — достаточно быстро среагировать на их выстрелы и определить их исходную точку. Шансов на это он почти не имел, учитывая, что враги палили из лазерного оружия и постоянно перемещались с включённой маскировкой.

— Так ничего не выйдет, — прорычал сержант скорее самому себе, чем окружающим. Отделение прорывников самого Ранна сейчас поддерживали два подразделения тактических легионеров.

— Отставить самостоятельный огонь, — объявил Фафнир своему небольшому отряду. — По моей команде стреляем залпами, чередуем шеренги. Цельтесь в стены и потолок, чтобы поражать цели осколками. Подготовьте гранаты для броска перед атакой.

Имперские Кулаки прекратили огонь, и в неожиданно наступившей тишине по передней части щита Ранна загрохотали лазерные разряды. Фафнир достал осколочный заряд и взвёл его, держа в руке. На охряной броне прорывников, удерживающих коридор, сверкали красные всполохи.

За те секунды, что прошли до следующего приказа сержанта, он успел мысленно проследить цепочку событий, приведшую его сюда. Всё началось с того, что четыре неопознанных корабля внезапно и необъяснимо появились в системе вдали от предела Мандевилля, ограничивающего возможную зону выхода из варпа. Проворные космолёты с мощными лазерами за считанные минуты выбрали своей целью ударный крейсер «*Каролинг*» и обстреляли его двигатели, пока он пытался развернуться и выпустить торпеды.

«*Каролинг*» оказался удобной мишенью, поскольку два других корабля флотилии находились в нескольких часах пути и не могли вмешаться. Однако же враги сблизились с ним и пошли на абордаж вместо того, чтобы разрушить его генераторы щита с той же точностью, с какой они поразили двигатели ударного крейсера, не задев при этом реакторы.

Поначалу действия противника, который осмелился на столь рискованную операцию, казались бессмысленными, но затем

отряды быстрого реагирования доложили, что около полутора десятков легионных сервов пропали без вести. Их взяли в плен. Потом возникло впечатление, что неприятели отступают, однако, стоило первым легионерам нагнать их, как группы вторжения прервали отход и твёрдо вознамерились захватить добычу иного рода.

Они обнаружили, что Имперских Кулаков такие попытки не слишком обрадовали.

— Давай!

Ранн бросил гранату вместе с остальными воинами. Маленький диск, описав дугу, взорвался в воздухе примерно в сорока метрах от него. Заряд исторгнул огонь и тонкие керамитовые нити, способные нашинковать всё, кроме панцирной брони.

Пока коридор окутывали дым и пламя, Фафнир приказал начать стрельбу. Его болтер застучал в унисон с оружием других прорывников, и разрывные боеголовки снарядов ударили по ферробетонным переборкам, разбрасывая секущие осколки по всему проходу.

— Вперёд на двадцать! — рявкнул сержант.

Между тем тактические легионеры во второй шеренге открыли огонь поверх братьев-прорывников, целясь высоко, чтобы коридор заполнили смертоносные фрагменты металла и искусственного камня.

Продвинувшись на двадцать шагов, отделение Ранна поставило щиты и вновь начало стрелять. Всё пространство между стенами накрыл шквал болтов и детонаций. Выглянув из-за переносного заслона, Фафнир впервые увидел врагов по-настоящему.

Сначала о них пошли слухи среди навигаторов — якобы что-то нарушало затишье в окружающем варпе. Корабли перемещались там, где просто не могли. Призраки, отголоски или даже видения будущего? В эмпиреях было возможно поистине всё.

Слухи распространялись всё дальше — просачивались от вооружённой стражи навигаторов к экипажу, пока одни группы крепостных охранников делились своими тревогами с другими. Тогда же враг и получил имя.

Незримые.

Довольно скоро вести дошли и до легионеров, однако общие домыслы и нервозность навигаторов не сочли поводом для беспокойства.

Судя по тому, что слышал Ранн, «Прорыв ночи» впервые потерял корабли около трёх недель назад. Корветы, эсминцы и одно транспортное судно, исследовавшие вроде бы безжизненную систему, перестали выходить на связь. Когда для расследования причин туда прибыла усиленная флотилия, они обнаружили обломки и плазму, но ни единого следа врага. Кое-кто утверждал, что нападению подверглась даже сама «Фаланга», однако Яго уведомил отделения, что данная информация не подтверждена.

Эта жертва стала первой, но не последней. С тех пор один только «Прорыв ночи» лишился ещё пяти звездолётов. Пока что гибли только корабли Имперской Армии; возможно, удача наконец отвернулась от Незримых, когда они решили заняться «Каролингом».

— Теперь я вас вижу, — проворчал Ранн, глядя на месиво в форме человека, лежащее на полу примерно в двадцати метрах впереди.

Женщина, красная кровь, две руки, две ноги, всё тело обтянуто серебристой сеткой, которую сложно разглядеть даже сейчас, когда убитая перестала двигаться.

Когда прорывники Имперских Кулаков двинулись дальше, их накрыл короткий град лазерных лучей: Незримые отступили и перестроились за секунды между двумя залпами легионеров. Впрочем, они действовали недостаточно проворно, чтобы увернуться от очередей второй шеренги астартес, и с полдюжины врагов пали под ревущими выстрелами тактических отделений.

— По-моему, они хотели забрать тела, сержант, — предположил Ордера, указывая стволом болтера.

На перекрёстке впереди исчезло за углом бесформенное ало-серебристое пятно, словно бы унесённое двумя разноцветными ветрами.

— Не в этот раз, — отозвался Ранн. — Догнать их, приготовиться к контрабордажу!

В той же мере, в какой Незримые хотели узнать, кто составляет экипаж кораблей, на которые они напали, командование легиона желало выяснить, кто атакует их. Хотя важнее было защитить звездолёт, чем взять живых пленных, если бы легионерам удалось захватить вражеское судно, это значительно помогло бы воинам Империиума в самом начале кампании.

— Беглый огонь, наступать на полной скорости, вдавить их в палубу!

Фафнир не сомневался: если дать противнику время отступить на его условиях, то Незримые сбегут. Но не сегодня. Не после того, как они явились за его кораблём и его людьми.

Разумеется, всё так и задумывалось. Отправь достаточно кораблей — и некоторые из них найдут, с кем повоевать. Любой другой командующий мог бы выбрать для таких разведывательных рейдов войска, которыми не жалко пожертвовать ради крупной стратегической выгоды. Но владыка Дорн не таков. Каждая из так называемых «флотилий острия меча» — оперативных групп, дальше всех опередивших основные силы армады, — включала как минимум один звездолёт легиона, причём укомплектованный бойцами из лучших подразделений. К 22-му, 45-му и 51-му штурмовым кадрам, а также Третьему Терранскому гарнизону, чьё безыскусное имя скрывало вековую историю сражений на переднем крае самых опасных войн VII легиона, примкнули Храмовники, почти в полном составе покинувшие «*Фалангу*». Если не считать небольшой церемониальной стражи, теперь они действовали в авангарде наступления, совершая, по мнению некоторых, акт покаяния за то, что их магистр потерпел неудачу в поединке с Тёмным Ангелом.

Разведчиков не приносили в жертву. Что бы ни столкнулось с ними, они послужили бы предостережением о том, что мощь Империума не знает себе равных.

Из третьих рук Ранн получал сведения о встречах с Незримыми, которые отмечались даже в отдалённой группировке «Уход ночи». Если слухи не лгали, то экспедиция нарвалась на врага, способного вести операции на фронте протяжённостью более двух тысяч световых лет. Сама идея того, что не этот неприятель, а кто-то другой виновен в исчезновении предыдущих экспедиций, теперь казалась крайне маловероятной.

А если так, то настал час расплаты.

Перейдя на равномерный бег, отделение прорыва за несколько секунд добралось до перекрёстка. Там одни бойцы свернули налево, а другие направо, предоставив тактическим легионерам занять позиции посередине. Огонь из лазкарабинов вели только слева, по пути к вражеской точке проникновения: быстро отступая туда, стрелки выпускали краткие сосредоточенные залпы.

— Они пытаются удрать! Бегом марш! — взревел Ранн.

Вновь набирая скорость, он поднял щит, не переставая палить из болтера куда-то в сторону отходящих Незримых.

— К нам с тыла никто не идёт на подмогу? — спросил Фафнир.

— *Никак нет, сержант,* — отозвался Яго, теперь уже лейтенант и исполняющий обязанности командира корабля. Поллуксу ранее дали под начало боевую баржу в другой флотилии. — *Все основные силы купируют прорыв в носовой части правого борта.*

— Нам прервать погоню и помочь им, лейтенант? — машинально предложил Ранн, хотя на самом деле ему очень не хотелось отпускать Незримых. — Мы почти у абордажной бреши.

— *Продолжайте, сержант,* — без промедления ответил Яго, и Фафнир ощутил прилив энергии.

Однако же стоило legionерам преодолеть ещё пятьдесят метров — меньше половины оставшегося расстояния до вырезанного мелтой кольца, где вражеский корабль пробурил корпус насквозь, — как вокс затрещал снова. Пока Ранн прослушивал сообщение, из темноты впереди с визгом неслись новые шквалы лазерных разрядов.

— *Они драпают,* — передал Яго. — *Все три корабля вышли из боя, уходят на полной тяге.*

— Они же бросили своих! Бесчестные трусы! — воскликнул Поррток.

— Нет, они решили уйти, пока в выигрыше, — возразил Ранн, вспомнив о пропавших сервах. — Они получили пленников, за которыми пришли. Ну, не все из них. Жёсткие ребята, чтоб их, — вот так кинули товарищей.

— *Всем отделениям, протоколы очищения,* — объявил Яго. Приказ имел вполне ясный смысл: «Пленных не брать». — *Побыстрее разделаемся со всем этим. Нужно взять под контроль орудийные палубы и снова запустить двигатели на случай, если врагу захочется довести начатое до конца.*

Из арочного прохода впереди к Фафниру понеслись очередные пучки красных лучей, и он ответил огнём. Во всполохах детонирующих болтов он увидел, как на пол валится обезглавленное существо в серебристом облачении. За годы, проведённые в рядах легиона, Ранн не встречал ничего даже близко похожего на Незримых. Они действовали скоординировано, занимали обширную территорию. Хотя их вооружение и доспехи не могли сравниться с оснащением legionеров, то, как проворно они

пересекали звёздные системы, казалось почти волшебством. Очевидно, они не собирались задерживаться на одном месте для открытого боя. Их потребуется принудить к этому.

Ранн не сомневался, что Имперские Кулаки наконец отыскали убийц, таившихся в самом сердце ночи.

Оба сердца Храмовника стучали, будто боевые барабаны. Сигизмунд бросился вперёд через порог разрушенного храма, сжимая меч, скользкий от крови Незримых. Легионер понятия не имел, почему они так ценят эту неровную грудку заросших камней: имело значение лишь то, что враги бежали сюда, но не найдут здесь спасительного укрытия, на которое так надеялись.

Основное сооружение выглядело относительно неповреждённым. Овальное строение с колоннадой имело около восьмидесяти метров в ширину и ста двадцати в длину, и в одном из его концов росли три тонких вечнозелёных дерева, каждое высотой с линейного титана. В тусклом сероватом свете всё вокруг серебристо переливалось, и это мерцание напоминало Храмовникам спектрально-искажающие костюмы, применяемые врагом. То, что Незримые полагались на отвлекающие манёвры и уклонение от боя, их и погубит.

Меч Сигизмунда обрушивался на мелькавшие перед ним радужные фантомы, и Храмовника не особенно заботило, куда ударит его проворное остриё. Из разноцветных вспышек вылетали брызги крови, а порой наземь падали тела, либо лишившиеся руки, ноги или головы, либо с рассечённой до самых внутренностей грудью. Первые пару раз, когда из игры света вываливались трупы — изувеченные, осязаемые, совершенно чуждые эфемерности Незримых, — такое противоречие резало глаз воину.

Другие Храмовники ринулись вперёд через разрушенные стены и опрокинутые колонны, направляясь вверх по лестнице к трём окружающим башням. Удары клинков и болтерные снаряды настигали Незримых повсюду, куда бы те ни пытались сбежать.

— Ищите повсюду, — поступил приказ от Менольда, командира группы. — Они пришли сюда не просто так — здесь есть портал, корабль или ещё что-то. Найдите это!

Почти по чистой случайности «*Темперус Инициатор*» ранее обнаружил всплеск энергии из искусственного источника под поверхностью этого давно заброшенного мира. Вплоть до рёва посадочных двигателей и загремевшего следом оглушительного грохота битвы вокруг царила тишина — ни птиц, ни зверей на

планете так и не обнаружили. Жизнь здесь имелаась: океаны кишели ею, на суше росли бескрайние леса, ауспики улавливали наличие бесчисленных микроорганизмов, однако не засекали ни единого более крупного существа ни на земле, ни в атмосфере, словно мир являл собой неоконченную имитацию. Воздух, свежий и чистый, почти идеально подходил людям. Напрашивалась мысль, что планету частично заселили, но процесс прервался из-за некоего бедствия в годы Старой Ночи.

Храм располагался на вершине одинокой горы, что устремлялась ввысь из леса размером с континент. Растительность напозала на территорию комплекса, разрушая общежития, что занимали квадратные километры, и поглощая клуатры^[15]. Что бы ни включили там Незримые, оно находилось не на поверхности, и сигнал исчез почти сразу же после того, как его заметили. Впрочем, этого хватило, чтобы на мир обрушился гнев Имперских Кулаков.

Атакуя клинком ветерки и тени, Сигизмунд вспомнил, что сказал примарх, когда пригласил его на совет вместе с Эолом и Аппием. Воины собрались в покоях Рогала, а не в стратегиуме, что случалось редко, и поэтому казалось, что будут обсуждаться личные дела, а не вопросы кампании. Дорн, сняв доспехи, восседал в широком кресле с кубком вина в руке и выглядел весьма расслабленным. Сыновья присоединились к нему за трапезой, и примарх заговорил с ними. Он общался в непринуждённой манере и касался многих тем, но часто возвращался к одной из них: тому, что всякое сражение, неважно, между дуэлянтами или целыми империями, зиждется лишь на горстке принципов. Тот, кто освоит такие основы, преуспеет во всех формах боя.

«Когда ты ведёшь противоборство, есть лишь одна истина, что превыше всех, — соображение, которое должно служить ядром всех твоих мыслей и действий. *Исполняй волю твою*».

Пойманные в ловушку теми, от кого они рассчитывали ускользнуть, Незримые теперь уступали воле Храмовников, которые размеренно шагали в атаку по камням, что растрескались из-за проросших корней. Враг понял, что дальше отступать некуда, и развалины осветились всполохами лазерных разрядов.

«Стратегия всегда должна оставаться гибкой, открытой для анализа и пересмотра, но к цели это не относится. Можно перевернуть с ног на голову весь план кампании, отказаться от каких-то задач и начать заново, если ты по-прежнему понимаешь, к чему стремишься. Незаметные изменения цели — вот ваш злейший

враг. Адаптируясь, ты рискуешь зайти слишком далеко, не осознавая, что уже подчиняешься воле противника, а не своей. Твоя задача — согнуть врагов, сломать, заманить в такое положение, чтобы ты мог достичь своей цели, а они — нет, вне зависимости от того, насколько хорошо и упорно они сражаются».

Менольд поставил перед Храмовниками ясную цель в тот момент, когда спустил их на аванпост Незримых, когда небеса озарились пламенем спускающихся десантных капсул и штурмовых кораблей. Страх перед Империумом настолько глубоко врежется в мысли недругов, что они удерут в свои логова и запросят мира. Чем больше Сигизмунд перемещался среди текущих полускрытых силуэтов, обрисованных лучами бледного света, тем плавнее двигался он сам: тело и разум учились предсказывать и приспосабливаться, узнавая что-то новое из каждого предшествующего удара. Легионер начал подсознательно считывать колебания в спектральной проекции, которые указывали на шаг вправо или влево, улавливать моменты слияния фрагментов цели, когда она замедлялась, или их разделения, обозначающего, что она ускоряется. Если раньше, когда воин только ступил на развалины монастыря, вражескую плоть находил лишь один выпад из десяти, то теперь удачу приносил каждый третий.

«Мы ставим цель до того, как начинаем действовать. Мой магистр Храмовников, сегодня ты проиграл не потому, что оппонент превзошёл тебя в мастерстве, предусмотрительности или даже хитроумии. Барзареон не сделал ничего сверх того, что задумал в тот момент, когда облачился в боевой доспех. Он решил, что ему нужно подойти достаточно близко, чтобы побить тебя. Вот и все его намерения — всё, что ему требовалось закрепить в своих мыслях. Он понял, в чём состоит его воля, и потом оставалось только исполнить её.

А ты определил себе цель, когда увидел, что у соперника есть щит, — именно тогда, не раньше. Ты исходил из того, что при таком выборе снаряжения противник будет обороняться, а потому поставил себе задачу преодолеть его защиту. Значит, твою цель определил не ты, а Барзареон. Тебе не стоило учитывать его оснащение. Да, в зависимости от него ты поменял бы свою стратегию, но твою волю надлежало сохранить неизменной, как всегда случалось прежде. Ты увидел оппонента с оборонительной выкладкой и счёл, что он будет отбиваться, а потому даже не подумал, что он, возможно, собирается наступать. Однако тебе

следовало бы понять, что Барзареон не выиграет поединок, если будет только защищаться. Ты не помыслил о его сокрытой цели, потому что не уделил должного внимания своей».

Проскрежетав саботонами по неровным камням, Сигизмунд остановился, держа цепной меч по правую сторону от себя. Разноцветные фантомы Незримых уплывали от него и от братьев, что следовали за ним, но казалось, что враги не направляются в какую-то определённую точку. Вспышки впереди и по обеим флангам указывали, что одни противники стремятся отойти назад, тогда как другие пытались преодолеть строй Храмовников, рискуя попасть под их клинки.

«Если ты не знаешь, в чём состоит воля врага, как же определить, что он уже не способен исполнить её? Чтобы заявить о триумфе, нужно знать, что неприятель повержен. Полная победа достигается лишь в том случае, если ты воплотил твою волю в жизнь и не позволил противнику реализовать его собственную. Ни военные хитрости, ни стихийность и неопределённость битвы не в силах скрыть эту простую истину».

Слова примарха, будто гири, рухнули на свои места в мыслях Сигизмунда, и яркое воспоминание на миг ошеломило его. Однако воину ничто не угрожало. Ничего не предвещало даже контрудара Незримых, хотя они имели численное и позиционное превосходство.

— Магистр Менольд! — Сигизмунд повернулся, взглядом ища своего командира среди заросших руин. — Какую цель враг преследует здесь?

— *О чём ты?*

— Какие планы врага мы стараемся сорвать? Зачем мы здесь?

Несколько секунд в воксе царила тишина. Воздух дрожал от лязга клинков и рёва болтеров, несущихся со всех сторон. Сигизмунд не знал, почему молчит Менольд — то ли он слишком занят, чтобы ответить, то ли подбирает слова, то ли просто не желает отвлекаться в такой момент. Впрочем, если на дуэли Храмовник не имел права предупредить Эола о том, что заметил, то здесь дела обстояли иначе.

— Тут что-то не так, магистр, — снова сообщил он по воксу, оставаясь на личном канале, чтобы больше никто не услышал о его опасениях. Сигизмунд двинулся вперёд в более устойчивом темпе, но, пока он наступал, Незримые уплывали от него, словно туман, и наконец воин оказался почти в самом центре основного

пространства храма. Никто не вёл перекрёстный огонь, не контратаковал. — Здесь ничего нет, господин. Ничего, кроме врага... и нас.

— *По-твоему, их цель — мы? Нас изначально заманили в ловушку? Так почему же она всё ещё не захлопнулась?*

— Всё логично, если объяснить замыслом неприятеля то, что мы считали случайностью, — произнёс Сигизмунд. — Нас привёл сюда их сигнал. Тут у нас нет никакой иной задачи, кроме как атаковать Незримых. Почему же тогда они здесь?

— *Клянусь водой жизни, Сигизмунд, ты прав. Из-за того что мы высадились сюда, у них появилась возможность.*

Незримые верны своему названию — если они когда-нибудь и раскрывают себя, то лишь для того, чтобы спрятать ещё более масштабный замысел. Дело не в том, что мы здесь, а в том, что мы не на борту «Темперус Инициатор». Они хотят захватить корабль!

Прогудели сигналы из командного канала, и Менольд отдал приказ о немедленном отступлении, вызвав штурмовые корабли, что кружили в вышине, патрулируя окрестности. Как только Храмовники начали отходить к выжженной поляне, где ранее совершили высадку, Незримые бросились за ними с внезапно пробудившимся неистовством. В странном полумраке замигали жгучие лазерные лучи: противник сосредоточил огонь на арьергардных отделениях. Сигизмунд ясно осознавал, что враг намерен любой ценой преградить Храмовникам путь к транспортникам.

Иониец обнаружил, что вместе с Менольдом располагается на острие клина, который прорывался к посадочной площадке, в бурю пылкого сопротивления Незримых. Впереди спускались на плазменных струях штурмовые катера, палящие из орудий, а в воксе потрескивало сообщение с корабля на орбите: там заметили два вражеских звездолёта, приближающихся на высокой скорости. Незримые были готовы пожертвовать жизнями своих солдат на поверхности, чтобы провести абордаж при минимальном сопротивлении. Теперь неприятели имели равные шансы на успех. Храмовники не могли терять ни секунды, если хотели вернуться на борт к началу битвы в пустоте.

Незримые сделают всё возможное, чтобы уйти от Имперской Истины, запутать её поборников, направить их по ложному следу. Сигизмунд бросился в атаку, не обращая внимания на то, что от его

брони, сверкая, отражаются лазерные разряды. Он твёрдо верил, что его цель — или принести врагу просвещение Императора, или погибнуть, выполняя эту задачу.

— Они уходят от ответов, лукавят или прямо отказываются говорить, — доложил Гидореас своему примарху, когда они подошли к двери в помещение, где содержались пленные Незримые.

— Маудули уверена, что они её понимают? Её переводы достаточно вняты?

Командир хускарлов поднёс руку к панели управления замком и остановился.

— Определённо.

— Очень хорошо, — отозвался Дорн и кивком указал на блок управления. — Возможно, мне удастся их убедить.

Когда Рогал вошёл через двойные двери в отсек, отведённый под содержание пленных, Незримые совершенно типично отреагировали на него. Сначала они просто изумились. Любой примарх словно бы занимал пространство, не ограниченное пределами его тела, и источаемая им мощь поначалу казалась немыслимой, как энергия звезды, запертая внутри люменосферы. Следом они испытали трепет. Незримые, вчетвером сидевшие на скамье, неотрывно смотрели на Дорна, будучи не в силах ни отвести глаза, ни даже моргнуть. Мозг каждого из них получал несовместимые сигналы от органов чувств и из первобытных глубин подсознания. Наконец пришло отвращение. Почти одновременно все они сместили фокус внимания: двое уставились в пол, третий ахнул и закрыл глаза руками, а четвёртая уткнулась лицом в сгиб руки, едва не повалившись набок.

Дорн терпеливо ждал. Быстро оглядев отсек, он снова задержал взор на пленных. Когда-то это помещение служило каютой астропата, поэтому стены давно обшили пластинами, экранирующими пси-эманации. Теперь же все предметы, которые подошли бы в качестве орудия самоубийства, предусмотрительно убрали вместе со всей мебелью. Её заменили на тонкие спальные мешки и скамью с толстой подкладкой. В углу возвышался лейтенант Патавия, который охранял Незримых с тех пор, как их привезли на борт, а у его ног стояли тарелки с нетронутой пищей.

Легиону достался редкий трофей: Незримых впервые удалось взять живьём. Без своих призрачных костюмов и шлемов они выглядели непримечательно. Внешность вполне человеческая.

Подтянутые, чисто выбритые, с короткими волосами, возраст в среднем не больше тридцати терранских лет. Их одежду и оружие конфисковали для изучения, поэтому все четверо носили жёлтое облачение легионных сервов, только без поясов.

Через несколько минут двое из них начали поглядывать на примарха, отводя глаза через пару секунд, тогда как остальные смотрели на него искоса, отслеживая его положение только уголком глаза.

Именно тогда Рогал Дорн заговорил:

— Нам нужно побеседовать.

Он не повышал голоса, но все четверо Незримых задрожали, оскалившись, как от боли. На табурете сбоку от них сидела последняя из присутствующих в комнате — итератор Маудули Пунтха, специалист по лингвистической ассимиляции. Адепты Механикума аугментировали её, и с одной стороны её черепа выступали угловатые имплантаты и устройства хранения данных, что позволяло ей точно воспроизводить звуки, обычно недоступные человеку. Из её челюсти и горла вытягивались кабели, а на противоположной скуле размещался дыхательный клапан.

Маудули издала звуки, схожие с тем, что произнёс Дорн, хотя слова тянулись медленнее и, по-видимому, она напирала на другие слоги.

Одна из Незримых, женщина с коротко остриженными волосами, в которых крашенные рыжие пряди сочетались с натуральными светлыми, воззрилась сначала на переводчицу, затем на Дорна. Злобно буркнув какую-то краткую фразу в сторону Маудули, она подняла руку в направлении примарха, будто отгоняя его.

— Говорит, что они общаются с захватчиками, — сообщила итератор. Вздохнув, она добавила: — Уже не в первый раз.

— Откуда вы? — спросил примарх, скрестив громадные руки на груди.

Маудули перевела и стала ждать ответа. Тот прозвучал раздражённо, словно это и так знали все.

— Вы объявили войну Континууму Капыкулу^[16]. Эти звёзды наши. Покиньте их, или пострадаете, — как те, другие.

Когда итератор попыталась выяснить что-то ещё, все четверо угрюмо воззрились на неё и вообще не пожелали отвечать.

— Что ж, неважно, — изрёк Дорн, немного поразмыслив. — Чтобы узнать их секреты, не нужно развязывать им языки, — есть и

другие способы пролить свет во тьму.

Хуртен Торл, легионер-псионик, поднял руку, омытую слабым золотым светом. Сидевший перед ним мужчина из Капыкулу слегка отёрнулся, сдвинувшись по скамье ближе к соседу. Незримый не выказывал никаких признаков боли или страдания, однако затем его глаза закатились, а сам он рухнул набок. Библиарий поймал пленного до того, как тот ударился бы головой о пол, но Гидореас услышал, что сердце человека, перед тем буквально колотившееся в груди, остановилось.

Трое других завопили и бросились бежать. Они метнулись в одну из боковых комнат бывших покоев астропата, и Патавия скорым шагом последовал за Незримыми, чтобы не позволить им причинить вред самим себе.

— Поразительно... — сказал Торл. Склонив голову набок, старший библиарий положил мертвеца на пол. — Я к нему едва прикоснулся.

Апотекарий Воннис опустил на колено рядом с жертвой, держа в руке шприц. Он ввёл иглу в кровеносный сосуд, выпирающий на шее мужчины, и медленно надавил на поршень. Ничего не произошло. Отложив шприц, Воннис начал удивительно ловко прощупывать толстыми пальцами лицо, шею и другие участки тела Незримого.

— Обширное кровоизлияние в мозг в сочетании с масштабной сердечной дисфункцией. Я бы сказал, они произошли одновременно. Мозг передал сигнал сердцу, что вызвало фатальный скачок кровяного давления, от которого ткани и погибли.

— Мне казалось, твой генетический анализ показал, что Незримые — люди, но это не назовёшь естественной реакцией, — произнёс Гидореас.

Он посмотрел на окулярум, который установили рядом с дверью для того, чтобы примарх наблюдал за происходящим, не тревожа пленных подавляющей силой своего присутствия. Хускарл чувствовал себя виновным в смерти мужчины, осознавая, что это произошло, когда он напрямую руководил процессом. Гидореасу казалось, что такая задача ему совершенно не по плечу, — он ведь воин, а не дознаватель, — однако всех итераторов, за исключением Маудули, решили держать подальше от заключённых, пока не будет доказано, что они не представляют физической или психической угрозы.

— Множество взятых образцов и проведённых тестов подтверждают, что они люди, — ответил Воннис, поднимаясь с колена. Нагнувшись, он извлёк шприц, после чего повернулся к хускарлу. — Отсюда не следует, что они не мутировали, не эволюционировали или не подверглись каким-либо изменениям.

— Что ты сделал? — требовательно спросил Гидореас у старшего библиария, избрав его мишенью для своей досады. — Ты говорил, что не воспринимаешь ничего, вообще никаких поверхностных мыслей.

— Похоже, мы имеем дело с каким-то защитным механизмом, — ответил Торл.

Двери открылись, и в помещение вошли двое помощников Вонниса с каталкой для перевозки раненых.

— Чем раньше я смогу осмотреть их внутренние органы, тем лучше, — пояснил Воннис. — В аптекарионе у меня уже приготовлена зона, изолированная от пунктов выполнения стандартных процедур. Мне приступать?

Задавая вопрос, Воннис бросил взгляд в сторону линз окулярума. В ухе хускарла зашипела вокс-бусина, и он услышал голос примарха.

— *Приступай, аптекарий. И на случай, если в дальнейшем понадобится медицинская помощь, направь к Гидореасу кого-нибудь вместо себя.*

— Есть, владыка Дорн. Парварион готов сменить меня.

Пока служащие аптекариона поднимали тело на каталку и привязывали ремнями, Гидореас подошёл к Хуртену. Поверх выбритого черепа псайкер носил сеточку из кристаллических нитей, которая усиливала и фокусировала его умения. Кожа головы под проволокой имела синеватый оттенок, а само сплетение будто бы мерцало, как лёд. Хускарл ощутил, что воздух рядом с Торлом пронизан холодом, причём неприятным, хотя объективно температура снизилась всего на пару градусов. Гидореас сильно недолюбливал псайкеров, но знал, что им отведена особая роль.

Из боковой комнаты раздался истерический мужской вопль. Маудули, которая сидела через всю комнату от того места, где библиарий проводил зондирование, посмотрела на командира хускарлов.

— Я поговорю с ними, объясню, что это всё неумышленно.

— Да, займись, — распорядился Гидореас, после чего вернулся к разговору с Торлом. — Разъясни мне ещё раз, как можно точнее, что ты сделал и что обнаружил?

— При пассивном восприятии я не уловил ничего, даже намёка на мысли, — неторопливо произнёс Хуртен низким голосом. — Я ощутил тепло их жизней, очень нечётко, ничего похожего на эманации слуги или легионера. Даже у сервиторов оно сильнее. Тогда я выпустил свой разум из телесных оков, как сделал бы для ментального общения с тобой или кем-то другим, и слегка надавил на рассудок того Незримого. Обнаружить не удалось вообще ничего — ни поверхностных эмоций, ни праздных мыслей. Всё неосвязаемо, как взгляд птицы, упавший на тебя с расстояния в километр.

— И ты двинулся глубже? — спросил Гидореас. — Сказал ведь, что «едва прикоснулся».

— Не грубее, чем напор воздуха, исходящего из моих лёгких.

Для наглядности библиарий поднял руку идохнул на неё. Вокруг пальцев образовалось эфемерное облачко тумана, затем осевшее конденсатом.

— Так готов ли ты утверждать, что он умер из-за твоего вторжения?

— Не знаю, каким образом, но да. Реакция началась через миллисекунды после того, как я высвободил свой разум. Его тело отреагировало так быстро, что к тому моменту даже ты ещё не почувствовал бы моего присутствия.

— Защитный механизм, — повторил хускарл. — Но какой защитный механизм убивает то, что стремится уберечь?

— *Ты исходишь из неверной предпосылки, Гидореас.* — Хускарл и библиарий повернулись к окуляруму, услышав, что владыка Дорн обращается к ним. — *Этот механизм не защищает индивидуума, а гарантирует, что он не предаст своих товарищей. Иными словами, оберегает их общество.*

— Он не испытал резкого приступа страха, а остальных подобный исход ошеломил, — заметил Гидореас. — Не думаю, что они ожидали столь драматичной развязки — может, им тоже неизвестно о таком механизме?

— Интересная версия. Пусть сервы побудут с другими пленными, пока те не успокоятся. Потом возобновим допрос.

— Возможно, дознание окажется более плодотворным, если провести его, пока они напуганы, — сказал Гидореас. — Может, они

будут послушнее.

— У меня сложилось впечатление, что люди из цивилизации, где солдатам вживляют смертоносные антипсайкерские устройства, не станут добровольно предавать сородичей. Нам не удаётся вытащить из них то, что необходимо узнать об этом народе. Более того, похоже, что нам не под силу даже вырвать ответы из их мыслей. Поэтому пока что рассматривайте их как упорствующих будущих граждан Империи. Торл иди к аптекарям и прими участие во вскрытии. Наверняка есть какая-то осязаемая причина того, что ты не способен обнаружить мысли Незримых.

Пока библиарий уходил, Гидореас смотрел ему вслед. Ожидая прибытия дежурных сервов, вызванных Дорном, он беспокойно постукивал пальцами.

— Ты раздражён, Гидореас, поскольку нам ставят препоны.

— Мы знаем, что Незримые забрали сколько-то людей из наших экипажей, и, хотя им ещё не удалось захватить легионеров живьём, вполне вероятно, что они унесли хотя бы одно тело для анализа. Наверняка они уже выяснили об Империи и наших возможностях гораздо больше, чем мы — об их. Значит, у них стратегическое преимущество.

— И всё же мы продолжаем учиться. Каждая битва, любое столкновение, всякое препятствие, которое мы должны преодолеть, даруют нам больше сведений о враге. Например, мой хускарл, сейчас мы узнали, что происходит, когда их подвергают психосканированию. По-моему, для них это не защита, а уязвимость. Мы найдём других Незримых и, если потребуется, воспользуемся ими всеми, чтобы выполнить наше задание.

Пока Воннис, аптекарь Имперских Кулаков, вставлял несколько пластековых слайдов в проекционную машину, Ригантис заглядывал в высокобленный череп Незримого и полагал, что вся эта ситуация довольно неприятна. Запах стерилизующей жидкости не полностью перекрывал смрад затхлой крови покойника, а лишь добавлял к ней едкий привкус. Мозг скончавшегося врага и ряд других важнейших органов разложили на металлических подносах рядом с секционным столом. Каждый образец покрывали надрезы, и у всех недоставало кусочков. Эсуину стало интересно, какие удивительные открытия совершил бы аптекарь, если бы ему позволили препарировать какого-нибудь новатора в самом расцвете сил.

Он отвёл взгляд от препаратов и посмотрел в лицо слепой женщины-астропата, госпожи Эвиды Килнестрискии. Ригантис и его «третий глаз» — итог искусственной эволюции. Её потеря зрения — итог ритуала, благодаря которому она обрела связь с пси-мощью самого Императора.

Ещё очень давно, в темнейшем прошлом человеческой расы с глазами и способностью видеть ассоциировалось множество загадочных сил. Неужели те, кто изначально сотворил гены, сформировавшие облик Эсуина, осознанно избрали третье око в качестве зримого напоминания о способностях навигатора? Или же оно — неизбежный, необходимый элемент анатомии?

Дверь с шипением открылась, и вошёл примарх, за которым следовал Гидореас. Помещение тут же показалось крошечным: внутренняя энергия Рогала Дорна давила на изменённое восприятие навигатора, словно физическое воздействие. Госпожа Эвида ушла с дороги повелителя Кулаков, но Ригантис заставил себя стоять неподвижно. Он говорил себе, что новаторов так просто не запугать.

Воннис включил проектор, и на белой стене в дальнем конце изолированного блока апотекариона возникли четыре изображения, размещённые квадратом. Каждый из этих снимков поперечного среза мозговой ткани немного отличался от других, но поначалу Эсуин видел только размытые бледные пятна.

— Что там за белое сплетение? — спросил Рогал Дорн ещё до того, как новатор Зума сумел внимательно рассмотреть все изображения.

Через несколько секунд навигатор разглядел то, о чём говорил примарх. На верхнем левом снимке в структуре мозга виднелся более тусклый узор вроде паутины, который тянулся рядом с кровеносными сосудами и обвивал их. На изображении справа рисунок выглядел менее отчётливым, едва заметным, а на обоих нижних он полностью отсутствовал.

— Это, мой господин, и есть наш подозреваемый в убийстве, извините за выражение, — ответил Воннис. — Данное устройство... Имплантат? Вырост? В общем, оно и стало причиной кровоизлияния.

— Ты уверен? — нахмурился Дорн, изучая презентацию.

— Вероятность высока, — сказал апотекарий, поворачиваясь к снимкам. — Незримый пребывал в добром здравии по меркам

людей, и я не обнаружил существенных отличий в его организме. Мне не удалось получить отдельный образец более бледной области, так что я не могу сказать, органического происхождения данный объект или нет.

— Почему он именно в этих участках мозга, а не в других? — спросил затем примарх, указав на верхние изображения.

— Мой господин, на всех пиктах здесь один и тот же образец мозгового вещества, но сняты они в разные моменты времени. С интервалом в пятнадцать минут, если быть точным.

— Паутина постепенно исчезла, — пояснил Торл. — Слово... испарилась. Но, перед тем как она распалась, я ощутил, что от неё исходит слабый пси-резонанс. Не хочу торопиться с выводами, но тут, возможно, есть сходство с моим психическим капюшоном.

Примарх молча обдумал услышанное и просто кивнул, показывая, что понял, о чём речь. Внезапно, словно бы вспомнив, что в помещении находится кто-то ещё, Дорн подозвал к себе навигатора и госпожу астропата.

Сначала он обратил взгляд на Ригантиса.

— Я не жду, что вы раскроете мне какую-либо информацию, к которой, по вашему мнению, у меня нет права доступа, но я обязан спросить, знает ли о чём-то таком Навис Нобилите? Очевидно, что Незримые, или Континуум Капыкулу, способны перемещаться на громадные расстояния, причём быстро и без использования Астрономикана. Возможно ли, что причина в этой модификации?

— Я никогда не видел подобного, мой господин, и не думаю, что тут есть связь, — без колебаний ответил Ригантис. Он неловко пожал плечами. — Или же, возможно, ни мне, ни моим собратьям её не понять. Мой личный поразительный опыт наблюдения за одним из кораблей Незримых — если, конечно, я видел именно его — указывает, что их варп-технология совершенно иная, чем у нас. Что-то за пределами знаний Механикума. Что-то сохранившееся с апогея Тёмной эпохи.

— Вынуждена ответить так же, — добавила Эвида Килнестриския, как только примарх повернулся к ней. — В моём ордене не обнаружили никаких подтверждений того, что Незримые применяют астротелепатию в каком-либо знакомом для нас виде. Они действуют на огромных расстояниях с невероятной согласованностью, но без помощи авгуров и сообщений, перебрасываемых через варп.

— И всё же это нечто псионическое, — вмешался Торл. — Оно заблокировало мой телепатический контакт и убило носителя, едва я попытался копнуть глубже.

— Нет никаких доказательств того, что Незримые проявляли индивидуальные или даже коллективные пси-способности, — сказала Эвида Килнестриския. — В Великом крестовом походе мы лицезрели культуры, методики и аппараты, резко отличающиеся от наших. Тёмная эпоха технологий и Старая Ночь породили множество диковин, объяснить которые нам пока не под силу.

Дорн хмыкнул так, что металлические поверхности медблока отразили этот звук.

— Есть одно неизменное правило, с которым мы встречаемся постоянно, и оно также верно для нашей истории. «Цивилизация не разрабатывает защиту от оружия, которым не владеет сама». Когда ты создаёшь наступательные тактики и технологии или сталкиваешься с ними, то развиваешь контрмеры и контрприёмы для борьбы с оными. Либо Незримые обладают пси-возможностями, ещё неизвестными нам, либо они оборонялись от пси-одарённого врага в прошлом, либо механизм псионической защиты — побочный эффект самой их мозговой сети.

— Господин, а что, если нам осмотреть одного из Незримых живьём? — предложил Воннис. — Полагаю, исчезновение того материала связано с гибелью окружающих его тканей. Возможно, мы установим нечто важное, если понаблюдаем за сетью, пока носитель жив, пусть даже недолгое время. Может, нам следует изучить её в действии?

— Предлагаешь мне зондировать разум одного из пленников, пока ты будешь распиливать его череп?

Похоже, Торла потрясла эта идея, что показалось навигатору слегка несуразным, ведь, как отлично знал Ригантис, библиарий сам умел вскрывать чужие разумы, — пусть и без применения физической силы, — а также владел многими иными способностями. Странно, что он с безгливостью отнёсся к такому предложению.

Примарх покачал головой, однако он возражал по другой причине.

— У меня иные планы в отношении пленных, — объявил он. — Даже попытки заключить мир невозможны, пока между нашими культурами нет диалога. Незримые — Капыкулу — считают нас

агрессорами, но всё же, возможно, мы сумеем показать, что у нас добрые намерения, если проявим милосердие и вернём им сородичей. Итераторы снабдят их посланиями и документами, с которых начнётся процесс.

— Они истребили четыре экспедиционных флота, владыка примарх, — быстро напомнил Ригантис, чувствуя себя вынужденным указать на очевидный факт. На борту «Фаланги» он ощущал себя в относительной безопасности, но великое множество отпрысков дома Зума рассредоточили по другим эскадрам. Учитывая как собственные эмоции, так и политические соображения, Эсуин хотел бы избежать их гибели. — Отчего вы так надеетесь, что они не намерены поступить с нами тем же образом?

Дорн вперил в новатора Зума царственный взор. Ригантис посмотрел в его глаза цвета камня менее охотно, чем когда-либо заглядывал в варп.

— Я не говорил, что «надеюсь», но мы всегда должны сохранять веру в успех дипломатии. Буду честен, новатор — начальный период этой войны мы проиграли.

Сделав такое признание, Рогал выдержал паузу и посмотрел на Гидореаса, затем на других легионеров. Похоже, слова повелителя ошеломили их.

— Да, со временем Империум одержит победу, но, возможно, переломить ситуацию не удастся без больших потерь в войсках и кораблях. У врага уже есть ряд преимуществ перед нами — в манёвренности, знаниях и логистике. Примарх перевёл взгляд на слайды, потом на труп Незримого. Дальше он говорил более мягким тоном. — Я не думаю, что мы отыщем искомые ответы, копаясь в потрохах, будто авгуры древних времён^[17].

— В рядах экспедиции нет ни одного смертного солдата или легионера, который не пожертвовал бы жизнью ради блага Империума, — заверил Гидореас своего командира. — Пока есть враг, мы будем сражаться.

— Я уже знаю это, мой хускарл. Но наша цель — Согласие, а оно не всегда требует военного превосходства. Я бы подвёл Императора и всё человечество, если бы не рассматривал любые доступные мне варианты. Мы никак не общались с Континуумом Капыкулу, все наши контакты сводились к битвам. Возможно, в итоге выжившие пленники смогут лучше послужить нашему делу как возвращённые заложники, а не источники разведданных. — Дорн

возложил массивную длань на плечо Гидореасу. — Можешь не сомневаться, протянув одну руку с предложением союза, другую мы сожмём в кулак, готовый нанести удар.

Воинственное заявление Дорна отозвалось в мыслях Ригантиса вспышкой новой звезды, и он вынужденно отвернулся, ибо больше не выдерживал накатывающих на него волн энергии примарха. Взгляд навигатора упал на безжизненное лицо Незримого на столе. Такое человеческое, и всё же пустое. Говорили, что глаза — зеркало истины, но во взоре мертвеца Эсуин ничего не увидел.

Перешагнув через павшего соратника, Сигизмунд укрылся за каменным выступом, торчащим из утёса. Другие воины в жёлто-чёрной броне, освещённые лазерным огнём из турельных установок наверху, продвигались сквозь резкие тени и яркие блики по открытому участку белоснежного песка длиной в полкилометра. Справа от них могучие ветра гнали приливные волны, способные смыть танки, однако на полосе земли между бушующими водами и устремлённым ввысь оборонительным барьером сражались legionеры Дорна и Незримые.

В километре впереди врытая в скалу противоорбитальная батарея держала имперские корабли на расстоянии от луны. Трёхствольные оборонительные лазеры чётко вырисовывались там на фоне безоблачного звёздного неба.

Имперские Кулаки прочёсывали одну систему за другой, выслеживая врага, но Сигизмунду казалось, что у них куда больше шансов запереть в клетку тень, чем навязать Незримым решающую битву. Они были повсюду и нигде одновременно.

Порой, как и сейчас, legionеры Седьмого и вспомогательные подразделения Армии обнаруживали присутствие неприятеля на какой-нибудь луне или астероиде, но никогда на планете, к тому же им попадались всего лишь станции снабжения. На большинстве из них уже не имелось полезных ресурсов, но кое-где удалось найти топливо, схожее с прометием, смазочные материалы и другие припасы, необходимые кораблям Незримых. Их эскадры неизменно располагались в глубине систем, в нескольких днях пути от предела Мандевилля, где могли появляться и уходить имперские звездолёты. Однако же Незримые возникали и исчезали вновь в течение, казалось, считанных часов. Иногда они ускользали буквально через минуты после того, как их засекали устройства слежения боевых кораблей Императора.

Постоянно опасаясь ловушки вроде той, что враг расставил в древнем храме, войска Рогала Дорна исследовали системы-хранилища только в тех случаях, когда собирали достаточно сил для защиты от возможной засады. Сигизмунду казалось, будто он ковыляет по дуэльному кругу с завязанными глазами и увешанный веригами, а его противник может свободно перемещаться и атаковать, когда пожелает.

И всё же бывали случаи, когда неприятелю приходилось сражаться, причём возникали они благодаря как планированию, так и везению. В последнее время Незримые сменили тактику, которую применяли в таких стычках и абордажах: они отчасти пожертвовали боевой подвижностью ради более тяжёлого вооружения, способного повергнуть легионеров. Рогал Дорн, отвечая на такие изменения, направил в несколько систем, где бушевали самые жестокие битвы, больше подразделений Имперской Армии, делая ставку на их численность, а не на броню. Впрочем, ни одно подразделение обычных солдат не могло пойти на приступ крепости, пробиться на корабль или совершить штурмовую высадку с той же эффективностью, что и легионеры, а потому объединённые боевые роты Имперских Кулаков ожидали в резерве, чтобы нанести удар там, где терпели неудачу стандартные люди.

Благодаря анализу вражеских атак, когитаторной экстраполяции и стратегическому таланту Рогала Дорна удалось определить область диаметром около полутора тысяч световых лет, соответствующую основной зоне операций врага. Мишень, в которую следовало прицелиться. Возможно, Незримые будут вынуждены или защищать подобный приз, или просить мира, чтобы уберечь его, если ему будет угрожать опасность.

Однако в очерченных границах всё ещё оставались более трёх сотен звёздных систем с потенциально пригодной для жизни биосферой.

Как и здесь, в наступлении вдоль побережья, имперцы методично и кропотливо зачищали каждую из них, патрулировали в тылу своих флотов, размещали гарнизоны на обитаемых планетах и возводили астропатические станции-маяки, чтобы облегчить связь и навигацию. Данную систему выбрали для последней задачи, поскольку она располагалась поблизости от нескольких точек засад Незримых, однако, прибыв туда, воины обнаружили, что враг уже здесь — хотя оставалось неясным, что именно защищают его могучие противокорабельные батареи лазеров.

— Где поддержка с воздуха? — требовательно прокричал Сигизмунд в вокс.

Располагавшиеся впереди башенки и земляные валы выглядели так, словно их выдавили из толщи скалы, вырастили из бледного камня, а не построили или вырезали в нём. Снаряды из ракетных установок и автопушек с рёвом и всполохами проносились в небе, устремляясь к оборонительным позициям неприятеля, и Сигизмунд взмахом руки велел своему отделению продвигаться вперёд под прикрытием этого обстрела.

— *Заграждению района препятствует воздушное прикрытие Незримых,* — поступил ответ офицера-посредника на борту транспорта Имперской Армии, ожидающего за пределами досягаемости оборонительных лазеров луны. Сигизмунд никогда не встречался с ним, но человек общался в спокойной, учтивой манере, чем производил приятное впечатление надёжности. — *«Пика Терры» слишком далеко для запуска истребителей сопровождения нашей штурмовой авиации.*

Боевое десантирование с орбиты или воздуха исключалось с самого начала из-за грозных оружейных установок, защищавших вершину утёса, а значит, крепость предстояло брать снизу. С каждой прошедшей минутой прилив сужал поле боя, оттесняя Храмовников и отделения поддержки всё ближе к крутому утёсу. Сигизмунд, назначенный командиром небольшого отряда из пятидесяти легионеров, стоял перед выбором — дожидаться прикрытия с воздуха, которого почти наверняка не будет, или совершить финальный рывок прямо на неповреждённые пушки Незримых.

Он вновь устремился вперёд, его боевая броня компенсировала дополнительный вес прыжкового ранца на спине. Имперские Кулаки с тяжёлым вооружением вновь начали стрелять. Фасадную грань бункерного комплекса пересекли дымные следы ракет и трассеры. Повсюду на стенах и оружейных башнях полыхнуло пламя и разлетелись осколки.

Даже при таком огне на подавление ответные лазерные очереди косили легионеров по всей береговой линии. Если они не хотели наступать под перекрёстным обстрелом, следовало вывести из строя соседние пушки.

— Штурм на прыжковых ранцах, полная скорость, цель — ближайшие оружейные ниши! — рявкнул Сигизмунд, ускоряя шаг.

Вокруг него хлестали красные и синие лучи, которые спекали песок в стекло и прочерчивали пузырящиеся полосы на

керамитовых доспехах атакующих легионеров.

Скакнув вперёд, на вершине дуги Храмовник запустил ускорители прыжкового ранца, умчавшие его почти на пятьдесят метров вверх и на сотню — вперёд. Едва не случился недолёт: Сигизмунд с размаху ударился саботонами об узкий бруствер, который избрал своей целью. Справа, совсем рядом от воина, выступал тонкий ствол лазпушки с открытой задней платформой, где находился расчёт из двух Незримых в подбитой броне. Этих бойцов не окружали ни причудливые огни, ни игра теней. Оттолкнувшись от стены углубления, легионер сразил обоих одним взмахом цепного меча.

Раздался грохот тяжёлых саботонов. Позади Сигизмунда приземлился Боделард, вооружённый цепным клинком и плазменным пистолетом. Ему хватило одного выстрела, чтобы превратить блок управления орудием в шлак и пар.

— Внутрь или наверх, сержант? — спросил Храмовник, повернув голову в шлеме к дверному проёму за пушкой, а затем укреплению примерно в тридцати метрах выше, похожему на балкон.

— Самым быстрым путём, разумеется, — ответил Сигизмунд.

Прыгнув на стену амбразуры, он оттолкнулся от неё, запустил ранец и ракетой устремился ввысь. Воин заскочил на край следующей артиллерийской позиции, но обслуга уже бросила орудие. Внизу другие отделения Имперских Кулаков продвигались к главным воротам, обстреливая из тяжёлого вооружения оборонительные установки на дальней стороне.

— *Сержант Сигизмунд.* — Офицер-посредник вызвал его в тот момент, когда легионер размещал мелта-заряд на запечатанных дверях, ведущих к проходу за пушкой. — *Наши астропаты только что истолковали новый сигнал с «Фаланги». Приоритетные приказы.*

Установив таймер на три секунды, Сигизмунд отступил за бронецит лазпушки на поворотной платформе.

— Насколько приоритетные? Мы тут вообще-то сражаемся.

— *Виноват, но астропаты говорят, что сообщение передали с максимально возможной срочностью. Для незамедлительного исполнения. От нас больше не требуется возводить астропатический ретранслятор. Вам надлежит вернуться на «Вестник рассвета», назначенный флагманом заново сформированного флота первопроходцев. Примарх отзывает все*

разведывательные эскадры для наступления иного вида. Новый приказ требует покинуть данную систему, сохранив наши силы.

Мелта-заряд между тем испепелил дверной замок вместе с большей частью правой створки. Ударная волна распахнула остатки упрочнённого барьера, и за ним обнаружился неосвещённый туннель с круглыми стенами, которые слегка поблёскивали в свете, идущем снаружи. Сигизмунд заметил признаки недавнего бурения лазером. Весь этот объект построили не раньше нескольких дней назад. Возможно, его создали ради того, чтобы просто привлечь внимание, а не для защиты стратегически важной системы.

Судя по вокс-передачам, все воины Сигизмунда уже готовились прорваться в главную цитадель.

В чём тут смысл? Какова его цель?

Задание ведь уже отменено.

Сигизмунд обернулся на рёв двигателей прыжковых ранцев. Ещё два Храмовника, Йаксон и Хеос, опустились на оружейную платформу. Они держали наготове болт-пистолеты, их цепные мечи жужжали.

Выследить всех Незримых до последнего, даже если придётся обыскать каждый мир на просторах трёхсот звёздных систем, даже если на это уйдёт век или больше — вот цель Сигизмунда.

— За мной, — бросил он соратникам, нырнул в проход и включил командный вокс-канал.

В новом приказе говорилось, что нужно «сохранить наши силы». Для Сигизмунда это означало «не оставлять в живых врага, способного ударить в спину».

— Всем отделениям, сосредоточиться на оборонительных лазерах. Прикончить всех внутри.

«С тех пор как я перешёл к Седьмому легиону, Вселенная далеко не впервые близка к тому, чтобы прикончить меня, но мне кажется, что вот эта запись точно последняя. Зубы Джезата, я даже не думал, что дотяну до нынешней минуты! Понятия не имею, услышит ли кто-нибудь то, что я диктую. Может, ты один из Незримых, а? Понимаешь меня? Надеюсь, вы все сдохнете! Мне плевать, если каждый из вас, коварных сволочей, хоть в центр звезды провалится!

Так, ладно, это ни к чему.

Давайте начнём сначала.

Я — Ларенций валь де Мир, член Корпуса Летописцев, в настоящий момент нахожусь на борту корабля Седьмого легиона «Забвение надежды». Мы пытаемся вернуться к основным силам экспедиционного флота, но получили серьёзные повреждения в двух боестолкновениях с Незримыми. У нас на борту трое пленных, но, похоже, врага это совсем не смущает.

Император Терры, да они последовали за нами в варп-прыжок! Когда Незримые начали атаковать наши корабли во время перехода, я подумал, что дело в везении, что им попалась случайная цель. Одни и те же космолёты атаковали нас в двух звёздных системах, разделённых тридцатью световыми годами. Тем не менее наш навигатор, Беньямус Хид Алин из дома Алоса, сказал, что нас не преследовали. Он вёл наблюдение, ожидая увидеть пузырь переноса, но ничего не возникло.

Если Незримые уцепились за нас, когда мы направлялись к окраинам Окклюды Ноктис, что помешает им двинуться за нами обратно вглубь?

Рогал Дорн отправил нас, дюжину кораблей, чтобы установить контакт с другими экспедиционными флотами. Отыскать одного из его братьев. Возможно, какой-то другой группе удалось пробиться, но поверить сложно. Оттуда точно никого не появлялось. Если Хорус, Лев или Фулгрим посылали кого-нибудь из своих, чтобы узнать о нашем продвижении, до Седьмого никто не добрался. Возможно, это побудит их к действию. Может, они даже преуспеют. Не удивлюсь, если они пробиваются в Затмение, пока я сохраняю эти слова. Затмение — так навигаторы стали называть данный регион. Хотя они уже какое-то время не видели Астрономикан, это место, похоже, самая глубинная часть области, затенённой Великим Северным варп-штормом.

Должен отметить, что Рогал Дорн отправил к братьям по-настоящему быстрые корабли не с просьбой о помощи, а с предостережением.

Мы вернёмся в реальное пространство через несколько минут. Пытаясь оторваться от погони, навигатор Беньямус, очевидно, менял потоки, бросал нас в стремнины и вихри. Теперь он понятия не имеет, где мы находимся, и выяснится это лишь после выхода из варпа. Но идея в том, чтобы Незримые тоже не представляли, где нас искать. Может, и сработает, но я не питаю надежд.

Я...

Я трус.

Ведь я думал, что этот перелёт даст мне шанс выбраться из ночи, подальше от тьмы. Троном клянусь, я же находился в авангарде с самого начала и видел, что там творится. Не раз бывал на волоске от гибели, скажу я вам. Однако этот волосок тоньше прочих. На десять минут на корабле отключились контроль среды и гравитация. Я едва не задохнулся, паря над собственной койкой. Коридор снаружи перекрыли взрывозащитные двери.

Впрочем, мне всё равно не выбраться, так? Возможно, никто из нас не спасётся. Не могу выбросить из головы те первые флоты. Они пропали в ночи. Сгинули. Ничего не осталось. Проклятье, ведь их следов мы тоже не нашли. Ни погибших кораблей, ни пленников — ни малейшего подтверждения того, что в этой пучине сгинули десятки тысяч мужчин и женщин.

Теперь единственный способ выжить — полагаться на нашу численность и прикрывать друг другу спину.

Корабли Незримых действуют так же, как и солдаты — наносят удар и бегут. Их броня сминается, стоит метко накрыть их бортовым залпом. В общем, они неохотно нападают на группы из полудюжины и более звездолётов, хотя явно могли бы превзойти нас количеством, если бы пожелали.

Можно взять пистолет и быстро разделаться со всем этим, но мне мешает кое-что. Осознание того, что нас ведёт Рогал Дорн. На каждом этапе операции он придумывал какой-то план, ухищрение. Его блестящий ум собирал воедино каждый клочок информации, любую крупницу разведданных.

Если только кто-нибудь из других примархов не придёт нам на помощь, то из этой тьмы не будет иного пути, кроме как через Незримых. Мы выйдем, если победим их.

Я полагаюсь на Рогала Дорна. По-прежнему верю, что у него получится».

Конечно же, Гидореас не думал, будто у Рогала Дорна закончились идеи, однако примарх определённо не торопился с перегруппировкой флота и развитием своей стратегии. Незримые словно бы находились повсюду, хотя ни один из их миров так и не удалось найти. Если учесть, что они почти свободно атаковали в местах, удалённых друг от друга на сотни световых лет, командир хускарлов казался невероятным, что имперская экспедиция до сих пор не наткнулась на какое-нибудь более крупное поселение, чем лунная станция или орбитальная база. Однажды Гидореас

предложил теорию, согласно которой Незримые вообще не имели своих планет, а все без исключения кочевали между системами. Дорн, хотя и признал, что вероятны любые варианты, указал, что даже в таком случае для снабжения кораблей и экипажей в количествах, встреченных легионом, всё равно потребовались бы припасы и поддержка в объёмах, намного превышающих те, что Седьмой обнаружил на данный момент.

Опасаясь, что он упустил какие-то важные разведданные или обрывок сведений, примарх отозвал флотилии для нескольких сборов, на каждом из которых присутствовали десятки кораблей, чтобы у Незримых не возникло желание атаковать. На протяжении сорока дней Рогал просматривал записи с результатами сканирования и журналы связи, опрашивал экспедиционных специалистов самых разных профилей. Судя по всему, пока Дорн не сумел найти то, что искал, однако он по-прежнему излучал спокойствие и решительность, не омрачённые отчаянием или нетерпением.

Несколько подчинённых Гидореаса затронули тему кораблей, посланных к другим легионам. Официально их отправили с предупреждением о Незримых, чтобы другие примархи знали, с чем они могут столкнуться, когда тоже начнут продвижение в глубь аномалии. Однако, поскольку флоты взяли паузу и отошли на перегруппировку, совместно всё это создавало впечатление, будто владыка Дорн остановился и ожидает, когда один из братьев придёт ему на подмогу.

Гидореас разобрался с маловерами — прочёл им лекцию о том, как недостойны они сражаться в рядах хускарлов, а полдюжины воинов наказал переводом обратно в тактические роты. Он не собирался терпеть, когда при нём подрывали авторитет примарха.

Правда, такие мысли наверняка посещали и других, особенно вне легиона, — флотоводцев и полковников, которые чувствовали себя заблудившимися, окружёнными и недостаточно умелыми. Если в ближайшее время Дорн не предоставит им солидный повод надеяться на лучшее, во всех частях Имперской Армии и эскадрах поддержки начнутся проблемы с боевым духом. Возможно, вплоть до дезертирства.

То и дело возвращаясь мыслями к перспективе потерять ещё больше флотских сил, Гидореас проводил делегацию логистариев Механикума с палубы стратегиума и вернулся к Рогалу Дорну одновременно с тем, как прибыл новатор Зума, вызванный

примархом. Старший навигатор выглядел бледным, словно мертвец, его кожа туго обтянула кости, глаза — два обычных — глубоко запали, а под ними темнели мешки. Ригантис больше не носил привычные брюки в обтяжку и замысловатый френч с разрезами на рукавах, сменив их на лёгкую рубашку под просторной фиолетовой мантией с высоким воротником, а также тёмно-красную ермолку^[18], закрывавшую голову до бровей.

— Что вы видите, новатор Зума? — спросил Дорн, махнув рукой в сторону гололит-проектора, над которым повисла схема тысяч звёздных систем. Красные значки на ней отмечали точки столкновений с врагом.

— То, что вы в целом верно утверждали, что родной мир Незримых располагается где-то в центральной области из трёхсот систем, — ответил новатор. Он протянул руку к проекции, и диговинные пальцы с дополнительными суставами дёрнулись так, словно Эсуин пробежал ими по клавиатуре. — Судя по датировке событий и концентрации вражеских сил, чем дальше мы продвигаемся на северо-восток, тем яростнее Незримые атакуют нас. Но на данный момент мы зачистили только десятую часть этих систем.

— Куда бы вы двинулись дальше? — спросил Гидореас, присоединяясь к ним. — Исходя из того, какое состояние варпа вы наблюдали в окружающих системах.

— Я бы лишь высказал предположение, не более, а потому вряд ли чем-то помог вам, — отозвался навигатор. — Да, мы можем определить системы, интересующие Незримых, выявить частые маршруты и транзитные пункты, но они не используют...

Новатор Зума умолк, всматриваясь в глубину парящего скопления света и тьмы. Гидореас уже открыл рот, чтобы спросить, в чём дело, но Дорн остановил его, вскинув руку. Примарх и хускарл ждали больше минуты, пока Ригантис изучал голокарту, почти незаметно переводя взгляд из одной точки в другую.

— Вот здесь, — Рогал указал на некую звезду, находящуюся в средоточии символов контакта с Незримыми. — Это район с наиболее интенсивным движением.

Изучив прилагаемые данные, Эсуин покачал головой.

— Трассы проходят там, но не сводятся в одну точку, как к главной планете. Я не верю, что там вы найдёте мир, но, возможно, отыщется нечто стоящее. Например, варп-врата.

— Варп-врата? — Гидореас посмотрел на своего господина, затем на новатора Зума. — О чём вы?

— Теория, пока что ничего более, — признался Ригантис. — Однако она увязывается с некоторыми из древнейших документов наших домов.

Коснувшись панели управления, Дорн повернул проекцию и заговорил, изучая её под перпендикулярным углом.

— Сейчас подобное мастерство нам недоступно, однако утверждают, что в пору расцвета терранской империи Тёмной эпохи человечество умело строить варп-врата, — пояснил примарх. — Каждые из них образовывали стабильную точку в сети искусственно созданных каналов. Если представить естественные течения эфира как реку, которая изгибается и течёт сообразно природным условиям, то такой канал — то есть участок имматериума между двумя взаимосвязанными варп-вратами — скорее напоминает рукотворную протоку. Обузданную и судоходную. Идти по ней медленнее, чем вниз по течению, но быстрее, чем вверх, наперекор ему.

Он указал на различные направления атак, и Гидореас отобразил их последовательность, основываясь на хронометках каждой засады и оборонительной операции. Похоже, что враг действительно в основном перемещался по трём отдельным, но чётко выраженным путям.

— Вы сказали, что врата располагаются на обоих концах канала? — Хускарл посмотрел на своего командира, который, не мигая, рассматривал сплюснутую сферу искрящихся звёзд. — Почему бы не переместить наш флот к одной из систем с вратами, а не туда, где враг совершает переход?

— Мы уже отправили корабли в те районы, — негромко сказал Дорн. — Ни данные сканирования систем, ни отчёты навигаторов не указывают на какие-либо структуры или аномалии, подходящие на роль варп-врат. Полагаю, новатор Зума, нечто подобное опознали бы сразу.

— Да, даже если бы мои сородичи не заметили сами врата, то засекли бы, как они влияют на варп. Пока что мы не знаем, как Незримые способны путешествовать через эфир иным путём, нежели наши корабли, — возможно, с помощью сокрытых каналов. Когда я увидел врагов, они напоминали фантомов, не находящихся целиком в одном измерении со мной. Побеседовав с теми, кто пережил столкновение с Незримыми в варпе, я получил схожие

описания. Не могу сказать с уверенностью, что нам удастся обнаружить врата или каналы. Разве что по счастливому случаю.

— Не самая надёжная стратегия даже в лучшие времена, — сказал Гидореас.

— Сейчас не самые лучшие времена, однако мы не обязаны полагаться на удачу. — Рогал Дорн выглядел как человек, уже принявший решение. Скрестив руки на груди, он перевёл взгляд с Гидореаса на навигатора, а затем снова посмотрел на командира хускарлов. — Прежняя стратегия работала, но мы слишком рассредоточились, а значит, стали уязвимыми для нападений манёвренного противника. Мы не нашли цель для удара, так что давайте зеркально отразим ситуацию и посмотрим, удастся ли выманить Незримых на решающую битву в качестве атакующей стороны. Наши силы мы сосредоточим вот здесь. — Примарх ткнул пальцем в схему, указывая на точку пересечения маршрутов неприятеля. — Отсюда мы отправим флоты в окружающие системы. Я назову эту зону «Ночной замок». Она станет нашей крепостью: мы зачистим области рядом с ней и будем совершать вылазки, чтобы тревожить врага. Чем ближе мы подберёмся к каким-нибудь ценным объектам, тем мощнее ответят со стороны Незримых. Там, где они станут сражаться яростнее всего, мы сами усилим натиск, а «Ночной замок» послужит нам опорным пунктом и базой поддержки. Как только мы приблизимся к одному из их миров, им придётся отреагировать на угрозу, а иначе мы найдём то, что ищем.

— Вы надеетесь вынудить их напасть на «*Фалангу*», — произнёс Гидореас, заметно оживившись. — Вы хотите превратить нас в такую опасность для Незримых, чтобы им пришлось дать нам бой?

— Причём нам не потребуется определённая мишень. Нам просто нужно находиться там, где Незримые предпочли бы нас не видеть. Во всём этом есть и другая цель. С каждым днём один или несколько моих братьев приближаются к внутренней сфере Окллюды Ноктис. И каждый день, когда мы будем отвлекать Незримых на себя, они не смогут выделять корабли для защиты иных границ и патрулирования прочих систем.

— Но что, если Хорус, или Фулгрим, или даже Лев обнаружат один из миров Континуума Капыкулу раньше нас, господин примарх? — спросил Эсуин.

Подобная мысль явно вызывала у навигатора отвращение, и Гидореас лишь через несколько секунд, понял, в чём дело: в таком

случае дом Зума мог лишиться будущих контрактов и крупных доходов.

— Новатор Зума, мы сражаемся ради всего Ночного крестового похода, во имя расширения Империиума. — Дорн выключил проектор, и командная площадка внезапно стала тусклой и серой. — Успех моих братьев — это и наш успех.

Переварив услышанное, новатор коротко, неохотно кивнул.

— Я передам сообщения моим родичам и нашим союзникам. Пусть они, не жалея сил, попробуют отыскать одни из этих варп-врат.

— А я распоряжусь, чтобы Торл и другие адепты библиариума помогали вам по мере способностей. Пусть они не обладают третьим оком навигатора, но, возможно, если совместить их варп-чутьё с вашим, это даст нам решение задачи.

— С удовольствием приму библиария Торла на моём пилестре, господин примарх, — сухо ответил Ригантис. — Разумеется, после надлежащего уведомления.

Продвигаясь вдоль древнего русла реки, хускарлы непрерывно вели шквальный огонь из комбиболтеров и автопушек «Жнец». Высадившие их «Грозовые птицы» и «Громовые ястребы» с воём устремились обратно в пустоту, чтобы обеспечить прикрытие трём дюжинам кораблей флота Имперских Кулаков, которые давали отпор вдвое превосходящей их армаде транспортных звездолётов Незримых, пытавшихся выйти на орбиту.

На земле враг отступал под натиском астартес, лишь с трудом оказывая хоть какое-то сопротивление превосходящим силам Рогала Дорна и его соратников. Гидореас, шагавший рядом с повелителем, улыбался под шлемом. Его душу переполняла простая радость боя, какой он не ощущал со дня телепортационной атаки на военный корабль Незримых много месяцев назад. Ещё сильнее сердца легионера радовало то, что он видел своего примарха в битве. Рогал призывал своих хускарлов развивать наступление, и его громогласные приказы резко контрастировали со спокойным поведением, которое он выказывал, разрабатывая стратегии.

Вдоль высоких берегов русла реки, почти в пятидесяти метрах над головой Гидореаса, с рокотом продвигалась вперёд бронетанковая поддержка VII легиона. У Незримых тоже имелась техника: бронеавтомобили с чёрно-серыми корпусами и танки со

сдвоенными башнями палили из мультилазеров и лазпушек по «Хищникам», «Поборникам» и «Лэндрейдерам», наступавшим вместе с пехотой Имперских Кулаков.

Незримые не тратили времени даром в системе, предназначенной стать «Ночным замком». Хотя оплот впереди превосходил размерами почти все их постройки, наблюдавшиеся до сих пор, там возвели ещё десятки таких же оборонительных комплексов. По мере того как основные силы экспедиции пробивались к системе, враг укреплял её, явно решив защитить важный для себя объект, что стало доказательством правоты Рогала.

Потом будет достаточно времени на то, чтобы выяснить, что же так стремился сберечь противник. Ну а пока Дорн и его сыновья сосредоточились на том, чтобы очистить от Незримых все миры, спутники, планетоиды и космические станции глубокой пустоты, которыми они владели. Применяв подход, который он регулярно использовал для преодоления всех трудностей на войне, Рогал избрал для первой атаки наиболее укреплённый участок. План заключался в том, чтобы смести защитников сети цитаделей на пустынной восьмой планете и, расширяя наступление оттуда, полностью очистить систему от присутствия Незримых.

Враг отреагировал куда более яростно и проворно, чем рассчитывал Гидореас. Десятки неприятельских звездолётов прибыли в течение нескольких дней после того, как первые имперские корабли вышли из варпа. Впрочем, хускарл подозревал, что его повелитель и надеялся побудить противника к столь быстрому и решительному ответу.

И вот теперь, впервые в истории контактов с Незримыми, чуть больше двадцати одной тысячи легионеров собрались в единую армию. Ещё пять тысяч составляли экипажи пустотных кораблей и штурмовиков, которые сейчас неслись обратно ввысь, чтобы завязать поединки с врагом на орбите. Всего здесь сражалось больше трети оставшихся сил Седьмого, поэтому, если битва пройдёт не так, как задумывалось, экспедиции и легиону в целом наверняка придётся жарко.

Но рядом с Гидореасом бился Дорн, а вокруг них — братья хускарла, поэтому он позволял себе думать только о победе, гоня прочь позорные картины того, как Имперских Кулаков спасают от гибели воинства других примархов. Незримые слишком долго крались и просачивались из одного боя в другой, но в итоге им не

удалось сдержать пылкий натиск служителей Императора. Владыка Дорн рассудил правильно. Экспедиции надлежало приставить клинок к горлу врага и заставить его сражаться, чтобы ратное превосходство воителей Императора и их союзников принесло им победу.

В километре впереди над берегами реки возвышались внешние бастионы. Как только имперские силы оказались в пределах досягаемости, орудия на верхних ярусах цитадели открыли огонь. Стрелы лазурного света вырвались из артиллерийских башен, добавившись к вихрям лазерных лучей, что неслись из отступающих бронетанковых колонн. Одноместные самолёты с треугольным крылом взмывали в небо и пикировали, сбрасывая не взрывчатку, а нейтрализующие технику ЭМИ-заряды. Танки и боевые латы одинаково заклинивали, искрясь импульсами высвобождённой энергии, и в строю Имперских Кулаков возникали бреши: пока враг обездвиживал машины и целые отделения, Дорн подгонял остальную бронетехнику и легионеров, желая сохранить наступательный темп, а не единство строя.

Дикая местность рядом с башнями и главным донжоном, почти безжизненная ещё до бомбардировки, обратилась в выжженную пустошь из расплавленного стекла и воронок, хотя немалая доля укреплений уцелела: вокруг них виднелось голубоватое мерцание многослойных силовых полей. На этом участке русло реки и береговая линия стали неразличимы, так как обстрел смешал всё в бесформенную массу расщелин, спёкшихся под плазмой дюн и кратеров, заполненных пылью. Орбитальные удары завершились всего несколько минут назад, и, пока воины Седьмого преследовали Незримых в клубящемся облаке мелких обломков, их жёлтые бронепластины покрывались крупным блеклым песком и пеплом.

Ничто так не распаляло дух Гидореаса, как возможность действовать, атаковать врага после столь затянувшихся манёвров и смены позиций. Хускарл не сомневался, что его господин провёл это время с пользой, как поборник на арене, который сначала оценивает соперника во всех мыслимых аспектах, а уже затем решает, куда нанести первый удар. Но всё же сам шанс стрелять по скоплениям фигур впереди — а вскоре ещё и рубить их клинком, окутанным разрядами энергии, — позволял избавиться от досады, накопившейся к тому моменту.

Дорн по-прежнему командовал — руководил огнём отделений тяжёлой поддержки, воксировал поправки к плану наступления

капитанам бронетанковых рот, отвечал на поток сообщений с орбиты. Но теперь он показывал иную грань своей личности — воина, против которого никто не мог устоять, сокрушителем врагов, губителем городов. Жар битвы — вот его истинная стихия. Никаких гололитов, никакого стратегиума, только его неизмеримый разум, что просеивал громадные массивы данных и прокладывал тропу к победе посреди бурлящего беспорядочного сражения.

Яростно заговорили вспомогательные орудия неприятеля, и ураган световых лучей, которые с визгом и треском впились в накатывающую волну VII легиона Императора, ещё усилился. Скорострельные пушки метали сгустки энергии, и на броне хускарлов появлялись полосы растёкшегося керами́та, однако под ним надёжно держались толстые листы из сплавов. Сам Рогал, не обращая внимания на вражеский обстрел, бежал вперёд сквозь вихрь огня — золотой великан, окружённый радужной аурой рассеивающегося света. Вслед за передовым отрядом по руслу реки нёсся охряной поток из сотен рот легионеров.

— Мой хускарл, почти год я *командовал* своими сыновьями, — пророкотал Дорн. — Сегодня я *веду* их!

— И мы следуем за вами, мой господин, обретая единство в исполнении долга! — прокричал в ответ Гидореас.

Когда до внешних башен оставалось ещё полкилометра, командир хускарлов увидел большую часть крепости — она выступала из пыли и песка на пологом холме, и русло реки описывало вокруг него дугу, словно ров. Цитадель имела цвет окружающей местности — тусклый серовато-белый. Вполне возможно, что её, как и башни, построили из почвы, по которой прорывались боевые машины и легионеры, только спрессованной в твёрдый, как камень, материал.

В крепость вели двое ворот, и сейчас через них отступали сотни Незримых, пока их танки и прочая бронетехника в арьергарде выстраивались кольцом под орудиями внешних бастионов. Настенные пушки центральной твердыни, старавшиеся поразить штурмовики в небесах, перевели лазерный огонь на круговорот пылевой бури, в котором наступали бронетанковые части Имперских Кулаков. Сам воздух насытился твёрдыми частицами до такой степени, что действовал как щит, отражая лучи когерентного света и превращая сгустки энергии, способные пробить средние танки, в фонтаны разноцветных брызг.

Комендант крепости явно отличался осторожным нравом, поскольку громадные ворота бастиона Капыкулу захлопнулись прежде, чем лазпушки, автопушки и РСЗО «Вихрь» VII легиона приблизились к нему на дальность эффективной стрельбы. Последние пару дюжин пехотинцев ринулись вперёд и успели пробежать в сужающиеся просветы, но ещё многие десятки остались снаружи. Они развернулись, будто звери, наконец загнанные охотниками в угол. Впрочем, в схватке с могучими «Спартанцами» и «Лэндрейдерами», «Мастодонтами» и осадными шагателями типа «Бегемот» этим бойцам Незримых не помогла бы даже горстка тяжёлого вооружения, рассредоточенного по их отрядам. С тем же успехом они могли бы швырять камнями в силовую броню.

Так или иначе, никто лучше Рогала Дорна и его сыновей не знал, что боевые машины сами по себе не захватят крепость. Пока бронетанковые колонны разделялись, чтобы окружить оплот Незримых, а их орудия били по парапетам и входам донжона и четырёх сторожевых башен, примарх и его хускарлы углубились в ряды уцелевших вражеских солдат. Вместе с ними размашисто ступали осадные дредноуты «Левиафан», уже подготовившие для штурма свои орудия, способные проламывать ворота и повергать стены.

Цепной меч Дорна вселял ужас в неприятелей, припёртых к куртине собственной цитадели. Каждым взмахом клинка с рычащими зубьями примарх рассекал двух или трёх Незримых. Гидореасу, державшемуся в паре шагов за повелителем, почти не доводилось пускать в ход силовой меч. Вокруг них между тем умокли стволы хускарлов. В ближнем бою воины предпочитали орудовать силовыми топорами, перчатками и клинками. Их громовые молоты и цепные кулаки также сеяли возмездие за павших — десять тысяч братьев-астартес и четверть миллиона солдат Армии.

Наконец золотой клинок в авангарде пехоты Имперских Кулаков появился перед воротами. На него обратились взгляды всех неприятелей и жерла их орудий. Именно тогда, среди пылающей ярости и оглушительного грохота, рождённого непокорностью Незримых, настал час для смертельного удара.

Через фундамент вражеской цитадели пробился транспорт «Термит», и низкий рокот его землемолов сменился пронзительным рыком. Сбросив последние налипшие комья грунта, корпус

штурмового бура типа «Терракс» рванулся вверх, а затем, когда баланс его массы сместился слишком высоко, рухнул горизонтально. Ещё четыре жужжащих машины с зубастыми носами прорывались снизу, их вертящиеся землемолы дробили защитников крепости в кровавое месиво или давили их своим весом.

Одним из первых наружу выскочил сержант Сигизмунд; он укладывал противников из болт-пистолета и держал наготове цепной меч, чтобы прикончить любого, кто ускользнёт от его безупречно метких выстрелов. Храмовники числом в сотню ринулись вперёд, и в тот же миг земля содрогнулась. Пол соседнего зала разошёлся под натиском шестого транспорта — исполинского туннельного бура «Адская скважина» с магистром Эолом и ещё пятью десятками бойцов их роты. Машина врезалась в смежную стену, её многоствольные пусковые установки извергли осколочные ракеты, скосившие потрясённых защитников, а тяжёлые болтеры в спонсонах застучали, выплёвывая разрывные снаряды.

То, что после подземного перехода длиной в пятнадцать километров Имперские Кулаки прибыли на место всего в двадцати метрах от намеченных координат атаки, многое говорило о мастерстве воинов и тщательности их планирования. Они достигли полного эффекта неожиданности.

Выстроившись вокруг своего магистра, Храмовники направились к воротам.

«По счастью, я всё ещё жив, хотя и несколько потрясён откровением, что *«Фаланга»* станет для нас не безопасным убежищем, как я предполагал, а чем-то совсем иным. Ранее мы так и не сумели ни с кем связаться, и потому повернули назад; наши навигатор и астропат объединили свои умения, чтобы обнаружить флагман господина примарха в безмолвии Окклюды Ноктис.

И вот, прибыв к цели, мы оказались в звёздной системе, где и пяти дней не проходит без какого-нибудь очередного сражения. Пока здесь продолжают закрепляться Имперская Армия и Седьмой легион, а отдельные боевые флоты устремляются в соседние системы в соответствии с планами владыки Дорна, Незримые не сидят сложа руки. Порой они прощупывают оборону, а иногда нападают крупными силами. Здесь то и дело происходят пустотные битвы и наступления на поверхности, тайные проникновения, налёты на орбитальные позиции и всевозможные мелкие стычки и схватки. Каждый день господин примарх отдаёт новые приказы,

перемещает технику, воинов и корабли, укрепляет одни сектора и ослабляет другие, отправляет эскорты для защиты конвоев снабжения, которые идут из миров Триумvirата Гарла и Дамарина — древних врагов, ныне объединившихся под стягом Империиума.

Простите мне былую бесхребетность. Варп, постоянный страх смерти... Я ведь не из Легионес Астартес. И не такой крепкий орешек, как прежде воображал. Но всё же я обрёл новую надежду даже посреди этой бойни, непрерывной войны в «Ночном замке». Здесь есть цель. Я больше не ловлю себя на том, что всматриваюсь в темноту, задаваясь вопросом, что же она скрывает. Рогал Дорн медленно, но верно вытаскивал обитателей ночи к свету дня, так что теперь мы можем посмотреть на них и понять: однажды мы добьёмся победы.

Но я предвижу, что до того дня обе стороны ждёт ещё великое множество битв и смертей».

«*Фаланга*» служила центральным бастионом «Ночного замка», но не всегда участвовала в боях, как и примарх. За те месяцы, что минули после зачистки системы, Дорн четырежды переносил свой флаг на другой корабль в зависимости от ситуации и текущих потребностей. Казалось, будто нынешние занятия наполняют повелителя Гидореаса новой энергией, и он обретает большую уверенность в своей общей стратегии, что позволяет ему сосредоточиться на конкретных областях.

Примарх настаивал, что такая смена перспективы необходима ему, чтобы разгадать секрет варп-перемещений Незримых. Вот почему в данный момент он пребывал на борту лёгкого крейсера «*Веритас Инсигнум*»^[19], который сопровождала эскадра фрегатов, патрулирующих территорию возле третьей планеты системы.

— Слишком уж неохотно они атакуют «*Фалангу*» и даже наши линкоры, — как-то раз пояснил Дорн.

Стратегиум лёгкого крейсера, и без того в десять раз уступавший в размере залу управления звёздной базы, выглядел ещё меньше, когда там находился примарх. Лейтенант Вастакруз, командир «*Веритас Инсигнум*», внимательно слушал своего повелителя, а полдесятка легионеров и вдвое больше сервиторов контролировали системы корабля. Эти члены экипажа работали за рядом инфохранилищ на палубе перед командной площадкой. На борту лёгкого крейсера не имелось достаточно мощного гололита для отображения полной карты системы, из-за чего Дорну приходилось

постоянно настраивать схему с панели управления. Точка обзора проносилась сквозь трёхмерное изображение, словно штурмовой корабль.

— Они появляются и исчезают за пределами диапазона сенсоров, но внутри системы им не скрыться.

Дорн нажал на рунические клавиши, и изображение развернулось на сто восемьдесят градусов, демонстрируя вид со стороны звезды на «*Фалангу*», которая располагалась на орбите седьмого мира. Всю панораму пересекали траектории патрулей, петлями охватывающие систему. Примарх продолжил речь, хотя Гидореасу представлялось, что его господин скорее говорит сам с собой, нежели со своими офицерами. Рогал не сводил глаз со схемы, и присутствие подчинённых лишь побуждало его размышлять вслух.

— У Незримых нет постоянных баз. Они могли бы доставлять припасы между появлениями наших патрулей, но мы регулярно меняли их расписание, маршруты и численность. Похоже, что во вражеских набегах нет никакой закономерности, но, когда они организуют мощные атаки, их флот собирается где-то между орбитами шестого и седьмого небесных тел.

— Значит, их варп-врата, если таков их путь входа, располагаются где-то во внутренней системе, — заметил Вастакруз.

Все офицеры легиона и высшие чины Имперской Армии получили инструкции отслеживать любые аномалии или экстраординарные явления как в реальном пространстве, так и в варпе, но пока что к секрету Незримых не удавалось подобрать ключ. Даже в пределах одной системы потребовались бы годы, чтобы просканировать каждый квадратный километр пустоты.

— Похоже на то, — ответил Дорн, повернув голову к лейтенанту. — Однако же, если бы ты обладал тайными средствами для того, чтобы входить в систему и покидать её, ты бы в первую очередь стремился сохранить этот секрет. Незримые делают всё возможное, чтобы скрыть свои перемещения и точки сбора, из чего следует, что варп-врата — если они существуют — расположены по направлению вовне системы от седьмого орбитального пути. Гораздо ближе к звезде, чем ограничивающий нас предел Мандевилля, но не слишком глубоко в системе, иначе они с лёгкостью попали бы в окружение.

Рогал отключил проекцию, однако ещё несколько секунд смотрел в пространство, которое она занимала.

— Предположений мало. Мне нужны доказательства.

Прежде чем появилась возможность собрать оные, на борту «*Веритас Инсигнум*» прошло ещё четыре дня. Гидореаса, делившего каюту с Вастакрузом и ещё двумя членами экипажа, всего через час после окончания вахты разбудил вой общего сигнала тревоги. Он отдыхал, не снимая броню, — весь «Ночной замок» считался зоной военных действий, — а потому без промедления затопал по коридорам на командную палубу.

Войдя в стратегиум, воин обнаружил, что там кипит работа. Владыка Дорн, стоя на возвышении, раздавал отрывистые приказы офицерам двигательных систем, вооружения и щитов. Гололит-схема отсутствовала, и Гидореас не смог ознакомиться с текущей ситуацией, но заметил, что лейтенант Вастакруз изучает данные с датчиков слежения на экранах перед примархом. Заглянув через плечо другому Имперскому Кулаку, хускарл обнаружил, что лёгкий крейсер мощно ускоряется, удаляясь от орбит внутренних миров, а три эсминца сопровождения поддерживают его темп. Ещё один исчезал из поля обзора сенсоров.

— Незримые напали, и с ними завязался бой в секторе восемьдесят четыре, — известил примарх Гидореаса, когда тот с безмолвным вопросом оглянулся на своего командира. — Это один из пяти возможных маршрутов вторжения, которые я определил, наблюдая за их прошлыми манёврами, и теперь мы поглядим, что к чему. Я оставил эсминец «*Кокатрица*»^[20] в качестве своего рода арьергарда. Как только мы перейдём в атаку, на нашей стороне возникнет перевес в орудиях, и Незримые отступят, но «*Кокатрица*» своим присутствием затруднит им бегство из системы. Посмотрим, что они выберут — или попасть в западню и погибнуть, или отступить прямо к одним из своих варп-врат.

Следующие несколько минут Гидореас изучал сенсорный экран, живо интересуясь развитием ситуации. Флотилия Незримых выглядела стандартно по меркам их разведывательных соединений: один капитальный корабль, эквивалентный по огневой мощи имперскому крейсеру, и менее крупные эскорты в количестве от трёх до шести. В данном случае группу сопровождения составляли три малых звездолёта. Пока что они шли на перехват эскадры фрегатов Имперской Армии, однако три крейсера типа «Лунный» уже отбыли из внешней системы, чтобы вступить в битву. Согласно предыдущей доктрине, «*Веритас Инсигнум*» полагалось следовать

прежним курсом, не отвлекаясь на действия врага, которые легко могли оказаться отвлекающим выпадом. Только находясь здесь, с кораблями, примарх мог отменить свой же постоянный приказ и отреагировать достаточно быстро. Если бы новые распоряжения передавали по обычным каналам связи, Незримым хватило бы времени, чтобы атаковать фрегаты и уклониться от эскадры крейсеров, сохранив свою тайну.

Как предполагал Дорн, если бы варп-врата действительно находились среди внутренних небесных тел, неприятель вышел бы из боя ещё до прибытия *«Веритас Инсигнум»*. Незримые направились бы к границе системы по курсу, который увёл бы их от приближающихся «Лунных», но не пожелали бы идти прямо к месту прыжка, так как *«Кокатрица»* готовилась последовать за ними. И наоборот, если точка перехода располагалась среди внешних небесных тел относительно зоны битвы, враг мог бы рискнуть — попробовать прорваться мимо лёгкого крейсера и его эскорта, чтобы увести эту группу от своей цели. Затем, оказавшись за пределами досягаемости имперских систем слежения, Незримые вернулись бы к вратам.

Минуты едва ползли, пока на экране наблюдения разыгрывалась сцена, в которой четыре компонента грядущей битвы сходились именно так, как предсказывал Дорн, и всё же теперь его решение зависело от обстановки. Каждые десять секунд с сенсоров поступали свежие данные, и руны-символы кораблей продолжали сближаться. Не двигался только сигнал *«Кокатрицы»*, кажущейся очень незначительной — всего лишь один эсминец среди сотен кораблей, сосредоточенных в «Ночном замке». И всё же замысел примарха опирался именно на неё.

Армейские фрегаты, вместо того чтобы развернуться к своим ближайшим союзникам, то есть эскадре «Лунных», сменили курс, чтобы сократить дистанцию до *«Веритас Инсигнум»*. Гидореас понял, что этот манёвр тоже укладывается в сотканный Дорном узор, хотя его господин не отдавал ни единого приказа другим кораблям. Примарх безупречно понимал, как именно каждый элемент его сил поведёт себя в той или иной ситуации. Если бы в эскадре имелись звездолёты иного класса, или же их экипаж составляли легионеры, Рогал подправил бы свой подход с учётом этих переменных.

— Вражеские корабли смогут открыть огонь по фрегатам через тридцать секунд, владыка примарх, — объявил Вастакруз.

Лазерное оружие Незримых превосходило имперский эквивалент в дальности поражения почти на двадцать пять процентов, что во многих предыдущих боях оборачивалось тяжкими последствиями для экспедиции.

Дорн, такой же незыблемый, как потолочные опоры стратегиума, молча кивнул, обхватив кулак одной руки ладонью другой.

Прошло пятнадцать секунд.

— Лейтенант, выведите экран слежения на главный гололит.

Рогал отошёл от контрольного пульта, чтобы не мешать командиру корабля выполнять его распоряжение. Проектор ожил, и двухмерные отчёты с датчиков слежения объединились в трёхмерную картину происходящего.

— Командир, они поворачивают, — доложил легионер у консоли сканирования рядом с Гидореасом.

Ранее, в те мгновения, что шла передача информации, хускарл отвёл взгляд от экрана: главному дисплею потребовалось три секунды на обновление, после чего он начал передавать данные в реальном времени.

На гололит-проекции Незримые, прервав атаку на фрегаты, направлялись к лёгкому крейсеру и его эскорту.

— Всем орудийным расчётам приготовиться к бою, — скомандовал Вастакруз, после чего взглянул на Дорна. — Вы даёте позволение, владыка примарх?

— Я полностью доверяю тебе, командир, и ты вправе вести битву так, как сочтёшь нужным, — ответил тот. — Продолжай.

Вастакруз на одном дыхании выпалил ещё ряд приказов, в том числе для трансляции на эсминцы, которые пронесли мимо лёгкого крейсера и заняли позицию впереди, зарядив торпедные аппараты. Флотилия Незримых выполнила обратный манёвр: менее крупные эскорты сместились в арьергард, собираясь двигаться по флангам предстоящего сражения и клевать неприятеля лучами дорсальных лэнс-установок.

Как часто случается в битвах, терпеливое ожидание за считанные минуты сменилось лихорадочной деятельностью. Генераторы пустотного щита с треском ожили, окутав «*Веритас Инсигнум*» энергетическим заслоном одновременно с тем, как эсминцы произвели первый торпедный залп. Эти космические снаряды вряд ли могли поразить цель на такой дистанции — кораблям Незримых хватало манёвренности, чтобы уклоняться от них, — однако

стрельба велась под таким углом, что неприятелю пришлось подходить к имперской эскадре с фланга, где на него обрушились бы мощные бортовые залпы лёгкого крейсера. Через тридцать секунд «*Веритас Инсигнум*» тоже выпустил торпеды, что вынудило противника ещё заметнее скорректировать курс.

Из носовых лучевых установок самого тяжёлого звездолёта Незримых вылетели алые импульсы, и там, где они столкнулись с пустотными щитами, расцветали лиловато-синие всполохи. Придерживаясь своей стандартной тактики, враг прежде всего метил в двигатели, однако ему требовалось больше огневой мощи, чтобы перегрузить энергетические заслоны.

Теперь Вастакруз двигался и говорил непринуждённо, не обращая внимания на то, что всего в паре метров позади него стоит примарх. Когда эскадра эсминцев перезарядила торпедные аппараты, лейтенант приказал ей резко снизить скорость и пройти за «*Веритас Инсигнум*», чтобы встретить врага по левому борту.

В стратегиум вошёл какой-то жрец Механикума в красном балахоне. Встав у контрольного пульта щитов, он принялся с невероятной скоростью водить стальной рукой по элементам управления. Гидореас видел, что на металле под капюшоном адепта мерцают отражённые алые блики.

В первую очередь хускарл думал о безопасности примарха. Энергетические заслоны лёгкого крейсера не обладали избыточностью, как у более крупных звездолётов, что очень серьёзно повышало его уязвимость к удачным попаданиям. По этому параметру он уступал «*Фаланге*» в защищённости так же, как каноэ — линкору.

Дорсальная пушка выстрелила одновременно с батареями левого борта, и «*Веритас Инсигнум*» зарокотал от носа до кормы — вся его конструкция содрогалась от грохота извергаемых фугасных снарядов. Саму пустоту вокруг главного корабля Незримых ненадолго объяло пламя, а его щиты полыхнули белизной, поглощая энергию взрывов и осколки.

Из пустоты примчались лазерные лучи, выпущенные как с носа, так и с «хребта» вражеского звездолёта, проходящего мимо. Его поддерживали огнём из орудий корабли сопровождения, зашедшие на лёгкий крейсер сверху. Тревожно взвыли сирены, предупреждающие о перегрузке пустотных щитов, затем их сменили шаблонные механические фразы сервиторов аварийной службы,

которые уведомили о пробоинах в нижней части артиллерийской палубы и в кормовом сегменте корпуса.

«*Веритас Инсигнум*» взревел, стреляя в ответ. На гололитической проекции замерцали значки, указывающие, что эсминцы снова выпустили торпеды.

На таком относительно близком расстоянии Незримые не сумели уклониться от всех боеголовок, и те детонировали внутри щитов главного корабля, распустившись цветами смертоносной плазмы на его аспидно-сером корпусе. Целая треть одного из бортов за несколько секунд превратилась в шлак. Затем броня сползла с корпуса, будто старая кожа, и из громадной бреши в пустоту посыпались обломки и трупы членов экипажа.

— Прекратить огонь, командир.

Спокойный голос Рогала Дорна прорезал шум стратегиума. Вастакруз в смятении повернулся к примарху.

— Мой господин, мы почти вывели их из строя!

— Я не хочу, чтобы они погибли. Мне нужно, чтобы они бежали, раненые.

— Так точно, господин. Прошу извинить за выплеск эмоций.

— Они объяснимы, командир. Довольствуйся тем, что ты хорошо выполнил свою задачу, и, хотя враг ускользнёт, для нашей экспедиции это победа.

Подняв руку к гололит-схеме, примарх указал на корабли Незримых, которые удалялись от имперской эскадры, однако почти не пытались увеличить дистанцию между собой и «*Кокатрицей*». Эсминец, уступавший им в вооружении, начал уходить с дороги.

— Мы не можем уверенно утверждать, что у врага есть варп-врата, но если они имеются, то я знаю, как и где их искать, — подытожил Дорн.

— Вы уверены, что мы ищем там, где нужно?

Примитивный сканер челнока ничего не отображал, и Ригантис оглянулся через плечо на Торла. Библиарий, облачённый в тактический дредноутский доспех, занимал большую часть маленького транспортника. Тот факт, что псайкер выбрал один из самых крупных и прочных комплектов брони в арсенале Легионес Астартес, побуждал новатора не очень высоко оценивать собственные шансы на выживание.

— Да, — ответил Имперский Кулак.

Воин сжимал массивный топор с кристаллическим клинком, и оружие занимало последнюю частицу свободного места в пассажирском отсеке. Впрочем, какое бы снаряжение ни выбрал спутник Ригантиса, тот всё равно находился бы в маленькой контрольной капсуле, поскольку купол из армированного стекла предоставлял новатору почти полный круговой обзор. Только кабина экипажа и блок двигателей образовывали коническое слепое пятно позади.

— Если они вообще где-то есть, то впереди нас, — добавил легионер. — Доверьтесь владыке Дорну.

Ригантис посмотрел сквозь купол на пустой звёздный простор, что раскинулся перед ними. Примарх направил их именно сюда, хотя чаще всего Незримые атаковали с противоположной стороны от экспедиционного флота.

— Я доверяю его расчётам, конечно же, — сказал навигатор.

Ему вдруг показалось, что он заметил что-то справа. Потерев стекло оборчатый манжетом рубашки, Эсуин обнаружил, что это просто пятно на упрочнённом стекле. Не будь новатор так сильно напуган, ошибка позабавила бы его.

— Всё, что он говорит, имеет смысл, — произнёс Ригантис. — Я видел схемы, и похоже, что перед нами изначальная точка манёвров Незримых в этой системе. Но у меня два замечания. Во-первых, мы предполагаем, что Незримые появляются только из одной точки. Чтобы прийти к такому выводу, потребовалась значительная экстраполяция^[21]. А если даже исходить из того, что так и есть, я не верю, что мы с вами каким-то образом увидим варп-врата.

— Вы сами выдвинули теорию с варп-вратами, — с ухмылкой напомнил ему Торл. — Если уж решили высказать примарху какую-нибудь гипотезу, будьте готовы отвечать за последствия.

— Когда речь шла о проверке концепции, я не собирался ставить на кон мою жизнь, судьбу флота и, возможно, успех всего Ночного крестового похода.

— Предположение выглядит логичным, — продолжил библиарий. — Незримые используют эфир, только не так, как мы, и неважно, на что они полагаются — на врата, некий уникальный двигатель, или вовсе какую-то породу псайкеров, ещё не встречавшуюся нам. Здесь тот же самый варп, из которого я черпаю силу, а вы — смотрите в него. Возможно, перед нами не возникнет зримая вспышка, как при переходе с двигателем имперского образца, но в

какой-то момент между реальным пространством и имматериумом неизбежно возникнет разрыв, и один из нас должен будет его почувствовать.

— Да, да, вот только применять логику к варпу — это обычно неверный шаг, ведущий к катастрофе.

Собеседники замолчали. Большую часть предыдущих полутора дней они тоже провели в безмолвии. Ригантис не знал, откуда Рогалу Дорну стало известно о грядущей массированной атаке, но вследствие неё план поисков теперь выглядел надёжнее. Когда в систему войдёт столько кораблей, проще будет обнаружить, откуда и каким способом перемещались Незримые. Затем легион либо воспользуется находкой, либо уничтожит её, либо будет сторожить.

Через десять минут Торл нарушил тишину, отрывисто прошептал:

— Что-то приближается. Слабое. Не похоже на носовую волну корабля.

Псайкер говорил о своём варп-чутье, способном улавливать возмущения в имматериуме — даже след прибывающего звездолёта. Дорн утверждал, что достаточно масштабные передвижения Незримых обязаны как-то проявляться, пусть даже в гораздо меньшем масштабе, чем сигнатуры имперских кораблей.

— Впереди? — спросил навигатор.

— Я псайкер, а не станция слежения, и вам следует знать, что в варпе относительные направления ничего не значат.

— Ну, я... А, неважно.

Ригантис взглянул на элементарный сканирующий модуль их транспорта. Сзади устройства слежения получали мешанину сигналов из зоны битвы, разгорающейся почти в трёхстах тысячах километров от них. Спереди не поступало ничего.

— У меня в голове словно шорох, — проворчал Торл. — Как будто ветер шевелит песок.

Внутри транспорта царила непроглядная тьма — требовалось, чтобы на пилотский купол не попадали никакие отражения, — но Ригантис определил, что библиарий сдвинулся, так как услышал гудение и скрежет его брони. Окружающий космос пустовал, если не считать далёких звезд, однако Эсуин не собирался отслеживать Незримых обычным зрением. Навигатор стянул с третьего глаза защитную шапочку и воззрился в ничто.

Хотя его взгляду ничего не открылось, Ригантис ощущал, что пространство словно бы освещено сзади: Торл обладал настолько

яркой варп-эссенцией, что она отражалась не только в имматериуме, но и в реальном пространстве. Подобно тому как он исследовал бушующие энергетические волны эфира, Эсуин отпустил своё варп-зрение в бессознательное свободное плавание, проверяя, не притянет ли его какое-то конкретное место.

Пустота окружающего космоса нервировала новатора, усиливая подспудный страх, который не покидал Ригантиса с того момента, как челнок, выпущенный из трюма *«Рождённого клинком»*, разместился в паре тысяч километров от позиции, занимаемой ими сейчас. Затем фрегат продолжил патрулирование по маршруту, установленному Дорном за предыдущие двадцать дней. Кто-нибудь назвал бы такие меры признаком паранойи, излишне тщательным вниманием к каждому аспекту операции, но примарх ничего не оставлял на волю случая и не желал упущений. Если Незримые выискивали перемены в поведении имперцев, пока флот переходил на более уязвимые позиции, ничто не привлекло бы их внимание к маленькому транспортнику Эсуина. И, если не случится ничего примечательного, через три дня *«Рождённый клинком»*, описав полный круг, заберёт навигатора и библиария на борт.

Новатор Зума почувствовал, как что-то коснулось его варп-зрения.

Нечто вроде вибрации, словно он, как паук, раскинул сеть, и нечто попало на одну из её нитей.

— Вот дерьмо... Думаю, примарх был прав.

Ригантис сместил фокус восприятия — образно выражаясь, прищурил третий глаз — налево и немного ниже. Снова защекотало, появился зуд, будто исходящий оттуда, куда он смотрел.

— Я их чувствую, но ничего не вижу, — прохрипел Эсуин. Во рту у него пересохло от переработанного воздуха, дыхание перехватило из-за сильного волнения. — Помогите мне.

— Как? — Сзади над Ригантисом нависла громада терминаторского доспеха, окружённого ореолом статического электричества и озона. — Что вам нужно?

— Направление. Но это может нести опасность для нас обоих. Мне нужно, чтобы вы направляли мой третий глаз вашим варп-чутьём. Вероятно, мы будем искать всё равно что один всплеск в океане. Вы когда-нибудь погружались в разум навигатора, пока тот смотрел в варп?

Торл несколько секунд молчал, скорее всего, оценивая возможные риски. Взгляд третьего глаза навигатора несёт безумие и смерть — произойдёт ли то же самое, если взирать через него?

— За дело, — проворчал Имперский Кулак.

Он взял новатора за плечо массивной рукой, гораздо бережнее, чем тот ожидал. Ригантис ощутил лёгкое, как пёрышко, прикосновение к краю своего рассудка. Стараясь игнорировать его Эсуин разделял взором третьего глаза слои реального пространства. В его разум неожиданно хлынули воспоминания о срезах мозга пленного врага.

— Я вижу, — прошептал Торл. Его голос уже дрожал от напряжения. — Вижу твои мысли. У нас общий взор.

Ригантиса потянуло посмотреть ещё левее. Пару секунд он пытался побороть зов инстинкта, но тот стал более настойчивым, и навигатор подчинился почти несознательному стремлению. Пока Эсуин вёл взглядом по звёздам, он уловил проблеск чего-то ненормального, схожего с внезапным рывком на краю поля зрения. Всё то же побуждение — наверняка воздействие разума Торла — направило его третий глаз вверх, затем вниз и направо. Так оператор авгура пробует определить местоположение отклика.

Каждый раз, когда Ригантис смещал варп-взор, ему казалось, что он заметил нечто в той точке, куда смотрел долю секунды назад.

— Я чувствую их, — голос Торла звучал слабо, хотя библиарий стоял за спиной у навигатора. — Не их корабли, но их разумы. То есть отсутствие их рассудков, как холодную лужицу посреди пара.

В поле зрения Эсуина рябили звёзды. Сосредоточившись, он закрыл настоящие глаза и отрешился от всех чувств, за исключением того, в котором нуждался сейчас. Несколько секунд Ригантису казалось, будто он плывёт в абсолютной пустоте, окружённый тишиной.

Но вот он заметил ту самую рябь и всеми силами всмотрелся в её центр, её источник.

Разноцветье. Признак варпа.

— Я чувствую это, — произнёс Торл, и его радость потекла в мысли Эсуина, словно поток обратной связи. — Чувствую!

Посторонняя эмоция вдохновила новатора, и миг спустя он тоже ощутил кое-что — исполинский груз, оттягивающий полотно реальности, как вода на простыне, грозящий вырваться наружу.

Корабли собирались у завесы иной реальности, в пространстве за пределами осязаемого мира. Между ним и эмпиреями.

— Я до сих пор не вижу ни врат, ни устройства, — негромко произнёс Эсуин. — Оно наверняка расположено внутри самого варп-пространства.

— «Ночной замок — Прайм», говорит «Либрариус-Альфа». — Торл включил вокс дальнего действия, что Ригантис понял только сейчас. Выход на связь выдаст их местоположение так же однозначно, как запуск ускорителей. — Обнаружено вражеское вторжение. Передаю координаты атаки.

Пока сообщение кодировалось имперским шифром, а комм-станция между тем пищала и жужжала, та искорка энергии в сознании Эсуина вспыхнула ярче. Не грандиозно и ослепительно, как ложная звезда, указывающая на переход с варп-двигателем, а скорее как узкая полоска света, струящегося через приоткрытую дверь. Стандартным человеческим зрением Ригантис не замечал ничего, но перед его третьим оком проявился овальный портал — не менее четырёх или даже пяти километров в поперечнике и двух в высоту, видимый столь же отчётливо, как полная луна в безоблачную ночь.

На фоне свечения возникли тёмные силуэты. Потом они исчезли, но их быстро сменили другие.

— Семнадцать, восемнадцать... Деятнадцать... — Торл вслух считал звездолёты Незримых, пробивающиеся в бытие. Среди них попадались как небольшие скифы длиной в пару сотен метров, так и могучие линейные крейсеры с двойным корпусом. — Сорок один, сорок два.

Сканер кишел сигналами, многие из которых направлялись в сторону их транспортника, не имеющего ни оружия, ни щитов.

— Шестьдесят один... Шестьдесят два, шестьдесят три... Кровь примарха, это ещё не всё!

Из расчёта траекторий следовало, что большинство вражеских кораблей пройдут по левому борту челнока на дистанции около тридцати тысяч километров, держа курс к «Фаланге» и флоту, связанному боем. Однако же, если примитивное устройство слежения не ошибалось, два звездолёта — оба размером с лёгкий крейсер — забирали шире, словно охранение при конвое. Их маршрут пролегал менее чем в сотне километров от навигатора и

библиария. По пустотным меркам они всё равно что пролетят вплотную с транспортником.

— Итого восемьдесят четыре.

Выпустив плечо новатора, Торл отступил на шаг.

— Выруби связь! — рявкнул Ригантис, сообразив, что станция до сих пор работает. — Будем надеяться, что наше сообщение затерялось в фоновых помехах. Если нас обнаружат, мы не сможем ни дать отпор, ни удрать от них.

Торл отключил приёмник и передатчик, снова превратив транспорт в инертный кусок металла и пластика.

— Челнок меньше двадцати метров в длину, сканеры Незримых могут вообще не засечь его, — сказал псайкер.

На это и надеялся Эсуин, пока лёгкие крейсеры неприятеля продвигались вперёд. Они пройдут параллельно маленькому судну, а у кораблей Незримых, как правило, большая часть основного вооружения размещалась на носу, однако такие пушки предназначались для поражения гораздо более крупных целей, чем транспортник. Их второстепенные орудия вполне могли разнести челнок на куски одним попаданием, но что за командир уделит внимание такой мелочи, когда в системе разворачивается генеральное сражение?

— Мы просто камушек, который вообще не стоит вашего времени, — пробормотал Ригантис, вцепившись обеими руками в край панели управления. — Маленький кусочек астероида, он никому не мешает, пожалуйста, летите дальше.

Эсуин услышал очередной смешок Торла, но не разделил веселья легионера. Ближайший корабль Незримых теперь казался падающей звездой — бликом, что скользил по правой стороне стеклянного купола. Глаза Ригантиса метались между этим отблеском и показаниями устройства слежения. Крошечный машинный разум, контролирующий базовый набор датчиков, буквально не мог обнаружить ни применяемые к нему противоавгурные меры, ни наведение оружия любого типа.

Учитывая любовь Незримых к лазерным средствам поражения, вполне вероятно, что навигатор и библиарий умрут ещё до того, как их мозг воспримет дульную вспышку.

Голубоватая искра переместилась влево, уменьшаясь по мере удаления.

Ригантис по-прежнему наблюдал, ожидая, что на устройстве слежения появится крошечный сигнал летящего к ним ударного судна, запущенного в сторону от главного наступления.

Прибор ничего не показывал. Ничего не было видно и через обзорную капсулу.

— Они ушли, — сказал Торл. — Не заметили нас.

Новатор задержал дыхание ещё на пару секунд, после чего медленно выдохнул, поджав губы.

— И что теперь?

— «*Рождённый клинком*» должен вернуться за нами.

— При условии, что он уцелеет в битве.

— При условии, что кто-то вообще уцелеет в битве, Дорн обязательно пришлёт кого-нибудь.

Эсуин немного поразмыслил над этим. Системы брони Торла автономно очищали воздух, поэтому он наверняка переживёт навигатора, если они оба окажутся в затруднительном положении.

— Думаю, если запустить двигатель, на нашу сигнатуру сейчас никто не обратит внимания, — предположил Ригантис.

— Мы должны находиться там, куда нас отправил примарх. Если мы переместимся, никто не узнает, где нас искать.

— Если понадобится, мы заявим о себе. — Ригантис коснулся пульта управления, и пятно света от панели упало на его руку, когда новатор указал за купол, на точку прыжка Незримых. Торл уже разорвал пси-связь и больше не делил с ним третье око. — Там нечто вроде синяка на теле реальности. Врата не закрылись. Или, возможно, ключ не повернули в замке. Выбирай любую аналогию, какая больше нравится.

Наклонившись в тесный пилотский купол, библиарий посмотрел в нужное место.

— Могут пройти и другие корабли, — заметил он.

— Не знаю. Возможно. — Ригантис подумал о флоте, о масштабном сражении, которое в ближайшие часы унесёт тысячи жизней. Они с Торлом сейчас находились на борту беспомощного, но и самого безопасного космолёта в системе. Навигатора неотвязно преследовали мысли о том, что такое положение дел нужно сохранить, но он отбрасывал их, зная, что истинная защищённость, победа и огромный успех для его дома придут

только после того, как Незримых уничтожат или приведут к Согласию.

Развернувшись к громадному воину в броне, Эсуин протянул одну руку к пульта управления двигателем.

— Посмотрим поближе?

Если бы Гидореас не знал истинной обстановки, ему могло бы показаться, что Дорн намеренно вывел свою армаду на невыгодные позиции. Второй флот Незримых — тот самый, о котором предупредили новатор и старший библиарий, — приближался на высокой скорости. Двигаясь таким курсом, неприятель войдёт в соприкосновение с имперцами практически напротив того участка, куда враг ударил в начале битвы. Это выглядело как классический охват «клещами», вот только первая группировка Незримых стала выходить из боя раньше, чем второй флот подошёл на дистанцию ведения огня. Противник не собирался атаковать VII легион и его союзников с двух сторон, а планировал нечто иное.

Тем не менее Дорн приказал трети имперских кораблей покинуть строй и преследовать отступающих Незримых — тех, что напали первыми, — чтобы у неприятеля оставался прямой путь к «*Фаланге*», если он пожелает нанести удар.

Командир хускарлов ничего не говорил, но пристально взирал на экраны в стратегиуме. Он переводил взгляд с одной гололит-проекции на другую, с детальных отображений неумолимой погони и подхода атакующих сил на подробную схему, где показывалось общее положение флотов. В сети связи то и дело звучали сообщения от нескольких командиров эскадр и капитальных кораблей, которые запрашивали разрешения идти на перехват недавно прибывших Незримых.

Гидореас посмотрел на Рогала Дорна, ожидая его ответа.

— Новых приказов не будет, — спокойно сказал примарх, изучая инфопланшет у себя в руке.

Уже не меньше пяти минут прошло с тех пор, как он последний раз взглянул на главный стратегический дисплей. Иногда Дорн двигал пальцем по экрану инфопланшета, и зелёное сияние, подсвечивающее лицо Рогала снизу, кратко мерцало.

Наиболее серьёзную угрозу Незримые представляли при первом заходе для обстрела, когда их орудия, сосредоточенные на носу кораблей, имели преимущество в дальнобойности над бортовыми и

кормовыми батареями большинства имперских звездолётов. Такие атакующие манёвры удавалось сорвать, запуская торпеды и штурмовые катера, однако после многих месяцев войны такие ресурсы почти закончились. Как только корабли экспедиционного флота приближались для ответного огня, Незримые стремились оторваться и выйти на новый заход. Так повторялось снова и снова, и армада Дорна постепенно ослабевала.

— Мой господин, торпедные аппараты с пятого по девятый заряжены и готовы к стрельбе, — доложил Гидореас своему примарху, хотя не сомневался, что Дорн уже услышал данное уведомление. — Наведение орудий «Нова» для рассеивающей бомбардировки рассчитано.

— Не стрелять, Гидореас. Ещё рано.

Генный отец Имперских Кулаков по-прежнему не поднимал взгляд. Командир хускарлов понимал, что его примарху известна текущая обстановка: он улавливал изменения в позе примарха, малозаметную мимику Дорна. Рогал держался безмятежно, но отнюдь не расслаблялся. Впрочем, он всё же казался слишком спокойным. Гидореас помнил, как безупречно сработали планы примарха, когда они находились на борту «*Веритас Инсигнум*», но чутьё легионера вопило об опасности, не позволяя себя игнорировать.

— Владыка Дорн, враг выйдет на дистанцию атаки через три минуты. — Гидореас заставлял себя говорить ровным голосом, пробовал наполниться таким же самообладанием, какое излучал его повелитель. — Наши флотилии поддержки не успеют совершить манёвр и вмешаться, если вы не отдадите приказ прямо сейчас.

Ещё раз покосившись на дисплеи, хускарл увидел, что силы имперского флота отчётливо разделились на три части, и лишь горстка небольших эскортов могла отреагировать на угрозу со стороны Незримых.

— Я собираюсь отозвать вторую боевую линию, господин, — объявил Гидореас, приняв решение.

Оторвавшись от инфопланшета, Дорн обратил взор на воина, и тот застыл, будто придавленный гравитонным лучом.

— Отставить. Всем кораблям выполнять полученные приказы.

— Господин, «*Фаланга*» — могучий звездолёт, но риск чрезмерно велик. Я знаю, что у вас есть план, владыка Дорн, но, какого бы

успеха вы ни ожидали, тот не оправдывает угрозы нашему командному штабу и лично вам.

— А кто ты такой, чтобы делать подобные заявления? — слова Дорна прозвучали резко, хотя сам примарх не выглядел рассерженным.

— Ваш хускарл, господин. Мой долг — защищать вас.

— Хочешь, чтобы я освободил тебя от этой обязанности?

Вопрос до того ошеломил Гидореаса, что воин умолк на несколько секунд. Прежде чем легионер снова обрёл дар речи, Рогал продолжил. Заговорил он одновременно с тем, как модули систем слежения в главном стратегиуме завывли, предупреждая о наведении орудий противника. Похоже, Дорна это не заинтересовало.

— Ты поклялся следовать приказам. Если бы я приказал тебе не защищать меня, как бы ты поступил?

— Так, как счёл бы верным в тот момент.

Дорн выпрямился, нахмурил брови и сжал челюсти.

— «Верным»? Что ты подразумеваешь — «правильно» или «праведно»? Например, ты будешь чувствовать себя праведным, оберегая мою жизнь, но это, возможно, окажется неправильным поступком. Считаешь, будто моя жизнь важнее воли Императора?

Гидореас колебался, не желая вступать в дискуссию со своим повелителем. Он знал, что каждый человек — любой слуга Императора — обязан положить жизнь на то, чтобы приблизить воплощение Его плана, но от самой мысли о гибели примарха воин как никогда близко подошёл к тому, чтобы ощутить страх.

— У нас тут не мысленный эксперимент, мой господин. Угроза реальна.

— Здесь командую я, мой хускарл.

Гидореасу хотелось повернуться и отдать задуманный приказ, но взор владыки удерживал его на месте надёжнее стазис-гранаты. Секундой позже завизжали сирены, и комм-сервиторы выкрикнули предупреждения об атаке.

На дальность поражения уже вышли более двух с половиной десятков кораблей Незримых, и их лазерные пушки выбрасывали лучи разрушительного света, мерцающие в космическом вакууме. Пустотные щиты засверкали, однако по всему стратегиуму были опущены взрывозащитные жалюзи, и Гидореас наблюдал за боем только через визуальное отображение в тактических вид-потоках.

Красные вспышки, фиолетовые и синие облака... Ещё несколько вражеских звездолётов отвернули, чтобы атаковать горстку ближайших эскортных кораблей, но с эсминцами и фрегатами Незримые довольствовались перестрелкой на большом расстоянии.

Орудия «Нова», установленные на турелях «*Фаланги*», открыли огонь, разогнав массивные снаряды почти до скорости света. Миллисекунды спустя среди атакующих Незримых взорвались миниатюрные солнца. Снова затараторил вокс: теперь о приближении неприятеля докладывали эскадры, отправленные в погоню. Мельком взглянув на главную проекцию, Гидореас уяснил обстановку. Космолёты противника из первой волны противника развернулись и возвращались, рискуя попасть под обстрел своих преследователей ради того, чтобы пробиться к «*Фаланге*». Не пройдет и двадцати минут, как флагман будет окружён более чем пятьюдесятью вражескими кораблями тоннажем от лёгкого крейсера и выше, а имперский флот никак не сможет вмешаться. При этом Незримые будут держаться на расстоянии: они отказались от любых попыток абордажа после своих начальных операций по сбору данных и телепортационной атаки примарха.

— Мой господин?!

Гидореас не нашёл иных слов, чтобы выразить суть яростных призывов своего воинского чутья. Почему его примарх так одержим идеей использовать «*Фалангу*» в качестве приманки? Чего он надеется достичь?

Дорн прошёлся по командной палубе, касаясь пальцами инфопланшета.

— Связисты, новые приказы флоту. — Рогал нажал руну передачи, и на главном дисплее появились изображения предварительно загруженных траекторий, причём некоторые из них пересекались так замысловато, что Гидореас даже не различал их на расстоянии. Они казались запутанным клубком перекрывающихся синих линий. — Передать стратегический пакет «Прим-Один». Исполнять немедленно.

На табло состояния пустотных щитов начали загораться тревожные красные люмены, и Гидореас, задействовав панель управления вторичным дисплеем, вызвал проекцию «*Фаланги*» с данными от систем контроля повреждений. Теперь повсюду зазвучали голоса: офицеры обращались к своим подразделениям и передавали информацию из одной части корабля в другую, а

бригады техножрецов общались на двоичном языке, обмениваясь быстрыми трескучими фразами.

Пока что перегрузке подверглись пять генераторов пустотного щита, а реакторы подбирались к стопроцентной мощности, пока запускались некоторые дополнительные системы вооружения «*Фаланги*». Десятки поворотных установок захватили цель и открыли огонь. Навстречу приближающимся кораблям Незримых ринулся шквал лазерных лучей, сгустков плазмы и высокоскоростных снарядов.

Корпус «*Фаланги*» тоже получил повреждения, но обошлось без серьёзных пробоин. Двери уже запечатали, а пожарные команды не давали пламени распространиться. Сообщалось о десятках жертв, и аптекарии уже регистрировали новых погибших. Ради чего всё это?

Гидореас ещё раз изучил основную схему. Эскадрам преследования приказали не разворачиваться за первым флотом Незримых, а по дуге зайти в тыл второй атакующей группе, чтобы отрезать корабли врага от точки, через которую те вошли в систему. Предполагаемое место выхода из варпа первых неприятельских звездолётов теперь также охранялось значительными имперскими силами, а ещё десятки союзных кораблей направлялись к «*Фаланге*» в кольцеобразном строю, чтобы отрезать противника на более близком расстоянии.

— Теперь нам откроется истина, а вместе с ней и то, правильны ли моих суждения, — мягко сказал Дорн, подходя к Гидореасу, который продолжал анализировать манёвры флота. — Если предсказатели Незримых не сочтут, что их позиции и точки варп-переноса находятся под неустранимой угрозой, или же решат, что стоит потерять большое количество кораблей ради того, чтобы вывести из строя «*Фалангу*», значит, я совершил ошибку.

Примарх весьма преуменьшал серьёзность ситуации. Если Незримые продолжат атаку, «*Фаланга*» в лучшем случае получит тяжелейшие повреждения. Вполне вероятно, она будет уничтожена.

— Вы заманили врага, но теперь грозите ему захлопнуть капкан, чтобы спасти наживку. — Гидореас посмотрел в бесстрастное лицо своего примарха. — С какой целью, господин? Что оправдывает для нас такой огромный риск?

— Даже обороняясь, мы должны претворять в жизнь собственный план и мешать врагу. Мало просто знать, что они вошли через

предсказанную точку, мой хускарл. Теперь посмотрим, уйдут ли они в том же самом месте.

— А если нет, господин?

— Тогда я столкнусь с загадкой. Если бы они могли атаковать и уходить почти как пожелают, почему тогда не собрали здесь все свои корабли — ведь мы наблюдали сотни их звездолётов — и не истребили нас? Что мешает им нанести такой смертельный удар? Думаю, их врата стационарны, и в ближайшие минуты это подтвердится. Кстати, у их проходов для прыжков есть ещё одно слабое место.

— Вместимость, — подхватил Гидореас. — Это их крупнейшая атака, но прибывшие корабли составляют сравнительно малую часть от общей силы их флота.

— Именно, мой хускарл. Имперские корабли в перелётах подчиняются прихотям варпа, но, если поддерживать сплочённость флота, вполне возможно за считанные часы собрать армаду, подобную той, что мы имеем здесь, в «Ночном замке». Почему Незримые не способны сделать то же самое? Их варп-врата — или любое иное средство для путешествий в имматериуме — наверняка имеют гораздо более скромную пропускную способность. Более того, я убеждён: вскоре мы обнаружим, что Незримые ещё и ограничены в количестве точек входа и выхода. Если так, мы сумеем найти их врата и взять их под контроль. Ход войны изменится в нашу пользу.

— Если нас не уничтожат, — добавил Гидореас, однако он уже не тревожился по-настоящему, успокоенный уверенностью своего господина. Примарх не доверялся слепой удаче, и тем более не стал бы неоправданно рисковать таким могущественным средством, как «Фаланга».

Магистр хускарлов ощутил прилив стыда за своё прежнее беспокойство. — Владыка Дорн, прошу извинить за недостойное поведение. Вы всегда мыслите на недоступном мне уровне, и, из-за того что моя способность к пониманию не беспредельна, у меня возникают неодолимые сомнения. Признаюсь, я всё ещё недоумеваю. Почему бы не заблокировать вражеские пути отхода более тщательно? Если бы вы переместили наши корабли раньше, у нас появилось бы больше возможностей перехватить неприятеля, когда он попытается отступить.

— Самые полезные разведданные становятся гораздо менее ценными, если противник полагает, что тебе удалось завладеть ими.

Он меняет свои планы.

— Поэтому мы должны создать угрозу для их путей к отступлению, но так, чтобы это не выглядело намеренным манёвром...

— Хотя я полностью доверяю моим прямым подчинённым, я не имел права рисковать, раскрывая им свои намерения, так как они могли бы предпринять упреждающие действия. Мне требуется, чтобы Незримые видели именно то, что я желаю им показать. Иначе ничего не выйдет.

Гидореас смотрел, как переплетаются линии продвижения и предполагаемые маршруты имперских кораблей, пока Незримые в ответ меняют курс и перестраиваются. Если бы враги подозревали, что попадут в ловушку, они бы не клюнули на наживку. Если бы роль приманки играло нечто более скромное, чем сама *«Фаланга»*, они, возможно, не ввели бы в бой столько сил. Если бы у Незримых появилось хоть малейшее подозрение, что их варп-врата уже обнаружены командами из навигаторов и библиариев, рассредоточенными по всей системе, они вышли бы из битвы. И, что важнее всего, если Незримые поймут весь размах уловки, то пойдут в атаку до конца: если уж их преимущество рассыпалось прахом, то можно хотя бы отплатить за это уничтожением *«Фаланги»*.

Права на ошибку здесь почти нет. Судя по словам Дорна, даже если бы один корабль слишком близко подошёл к варп-воротам или отступил раньше времени, Незримые могли бы принять какое-либо решение ещё до того, как на них расставили западню. Однако же Гидореас осознал, что, невзирая на все подобные соображения и колоссальные ставки, Рогал Дорн не считал ни один из элементов своего плана авантюрным.

— У меня родилась идея, а не план! — рявкнул Ригантис, запуская тормозные двигатели.

Эсуин собирался остановить челнок примерно в двенадцати тысячах километров от еле ощутимого псионического пятна, которое он считал варп-воротами Незримых. В навигатора снова влилась сила Торла, и он видел, как бурлит нечто за пространством портала. Растущий потенциал, что-то схожее с родовыми схватками — некая пси-масса готовилась воплотиться в реальность.

Новые корабли Незримых подходили к воротам.

— Мы должны предупредить флот, — сказал Хуртен, протягивая свободную руку к передатчику. — В текущем расположении им не отреагировать на атаку второй армады с этого вектора.

— Нет! — Ригантис безотчётно провёл рукой по панели управления комм-станцией и заблокировал её за секунду до того, как Торл коснулся бы цифровой клавиатуры пальцем латной перчатки, чтобы ввести нужный канал. — Со стороны битвы по направлению к нам движется с десятков кораблей Незримых, и они отследят передачу за какие-то мгновения. А если хотя бы один звездолёт за воротами выйдет наружу, мы погибнем через пару секунд.

— Последствия приемлемые, — заявил Имперский Кулак, после чего осторожно, но решительно отвёл руку Эсуина в сторону и снова включил передатчик.

— Не для меня, — процедил Ригантис.

Просунув пальцы под латную перчатку своего спутника, он опять вырубил экран станции.

— Я мог бы с лёгкостью раздробить каждую кость в твоей кисти, — пророкотал громадный воин. Глаза Хуртена блеснули золотом, лицо и голова покрылись паутиной изморози. — Или отломить тебе руку в локте. Или целиком выдернуть её из плеча.

— Или закрыть ворота? — выдохнул навигатор.

Ригантис боролся с желанием развернуться и сосредоточить на легионере взор третьего глаза. Новатор не вполне представлял, что произойдёт, если он заглянет в раскрывающийся разум библиария, но почти не сомневался, что ни один из них, даже если выживет, не сохранит рассудок после такой стычки.

— Что? — пси-активность Торла ослабла, однако тусклые отблески его мощи по-прежнему окружали Ригантиса, словно дымка.

— Варп-ворота — не какой-то физический объект в нашей вселенной или в имматериуме. Они *состоят* из варпа. Посмотри.

Сфокусировав третий глаз на пятне, Ригантис мысленно отобразил его в виде полдюжины концентрических колец, которые медленно вращались в разных направлениях, как вокруг своих центров, так и на оси глубины.

— Это замок, — произнёс Торл.

Эсуин понял, о чём говорит его товарищ: похоже, кольца поворачивались и смещались так, чтобы сложиться в некую конфигурацию. По их краям на некоторых участках вспыхнули

неузнаваемые символы, похожие на координаты или подтверждение захвата цели.

— Это объясняет, почему мы ничего не обнаруживали после отбытия Незримых. Портал преобразует энергию самого варпа, — продолжил библиарий.

— Весь вопрос в том, можно ли преобразовать её обратно? Сумеешь ли ты направить туда свою силу, пока мы соединены?

— Пожалуй, будет больно.

— О чём...

В рассудок новатора словно бы вонзилось копьё: Торл втокнул своё сознание в разум Ригантиса и направил пси-энергию через его третий глаз. Навигатору почудилось, что у него загорелся лоб — нет, вся голова, и пламя распространилось по нервной системе, сердце забилось строеными толчками, кровь заструилась быстрее, руки и ноги закололо.

Объединённые сущности Хуртена и Эсуина выплыли в разлом, соединённые с их бренными телами лишь тонким отростком разума Торла. Они не находились в варпе, а общались с ним, пребывая в пограничном состоянии, как сами врата. Ригантису показалось, что сразу за гранью портала мелькнул усеянный орудиями нос корабля.

«Они проходят».

Так подумал Эсуин, но всё же мысль принадлежала как ему, так и Имперскому Кулаку, ибо возникла сразу же, как только Хуртен воспринял то же, что и новатор.

Разум Торла проявился в виде золотого мерцания, которое охватило одно из вращающихся колёс с символами. Посыпались искры — нематериальные, но яркие, словно металл приложили к точильному камню, — и по рассудку Ригантиса полоснул ментальный образ, аналогичный визгу при таком соприкосновении.

Колесо замедлилось, потом вновь ускорилось, вырываясь из психической хватки обоих имперцев. Все круги, кроме двух, уже заняли нужные позиции, хотя их пылающее сплетение так слепило взор, что Ригантис различал далеко не всё. Торл попробовал ещё раз, но колесо вертелось и наклонялось так быстро, что вцепиться в него не удалось.

Образовав золотое кольцо на фоне звёзд, варп-врата отворились.

Почти мгновенно из них выступил узкий нос ведущего корабля Незримых, оцетинившегося стволами орудий среди изгибов бронепластин.

Рассудок Эсуина оттянулся в тело, и он вздрогнул от всплеска вернувшихся ощущений.

— Надо предупредить флот! — сдавленно крикнул новатор Зума.

— Лучше остановить врага самим, — ответил Торл, снова направляя их пси-объединение вперёд.

Он ещё раз попытался воздействовать на варп-врата, теперь пробуя разделить два из имматериальных кругов, сливавшихся в золотые сферы.

«Старайся лучше».

Ригантис не совсем понял, кому принадлежит эта мысль, — ему самому или Торлу, — но постарался помочь соратнику, представив, что сумеет повлиять на вертящиеся колёса.

Навигатор знал, что ему придёт конец, если кораблю удастся преодолеть врата. Челнок, находящийся так близко к portalу, обнаружат наверняка. Вместе с Эсуином умрёт будущее его дома, его наследие для грядущих поколений Зума. Такие соображения отлично мотивировали.

Отчаявшись и сожалея, что он не владеет собственной пси-мощью, а только направляет Торла, новатор ослабил контроль над взором третьего глаза. Он не пошевелил ни единым мускулом, но рефлекторно обратил фокус восприятия в обратную сторону, словно бы заглянул внутрь своей головы. Там Ригантис увидел ментальный образ библиария — и самого себя в его мыслях.

Их захлестнул поток обратной связи. С губ Эсуина слетел вопль, из глотки Торла вырвался рёв, и связь между ними едва не распалась. Резкий выброс варп-энергии, ринувшись из транспортника, пронзил как реальное, так и имматериальное пространство.

Расширяющаяся сфера пси-диссонанса одновременно поразила варповый замок и корабль Незримых. Звездолёт, чья крыловидная дорсальная надстройка выходила из портала, резко качнуло вбок, а сами врата выбросили фонтаны чёрных и золотых искр с грохотом, способным расколоть миры. Замоквые кольца изогнулись под напором своего же тягового усилия, а затем оторвались друг от друга и, крутясь, разлетелись по сторонам, мгновенно набрав невероятную скорость.

Врата закрылись.

При распаде управляемого разлома корабль Незримых разрезало напополам. Энергия детонации его реактора помчалась вовне, на

долю секунды отставая от фронта варп-резонанса искорёженных врат. Невещественный удар врезался в объединённый разум Ригантиса — Торла, словно стена пламени, ослепляя и искореняя. Их обоих швырнуло в бешеный вихрь невидимых, но мучительно болезненных сил. В реальном пространстве взрывная волна обрушилась на челнок посреди бушующих молний и отшвырнула маленькое судно прочь от разваливающихся врат.

Последние обрывки ощущений Ригантиса сложились в картину того, что его бросает на купол из бронестекла, и миг спустя тот раскалывается вокруг него.

Если поначалу Гидореас предполагал, что после обнаружения варп-врат в «Ночном замке» война быстро завершится, продолжающиеся атаки Незримых вынудили его отбросить такие мысли. Как и прежде, имперская экспедиция делилась на несколько крупных боевых флотов, каждый из которых вполне мог оккупировать или опустошить любую планету Капыкулу, если бы обнаружил оную. Рогал Дорн верно предположил, что неприятель имел сложности с переброской большого количества звездолётов и войск через систему врат, что мешало ему реагировать на внезапные действия эскадр значительных размеров.

С другой стороны, кампания продвигалась столь же медленно, как и в любой момент до перехода к стратегии с «Ночным замком». Легион поочерёдно исследовал одну систему за другой, совершая варп-прыжки не далее чем на пару световых лет, чтобы удерживать корабли вместе. Незримые уже показали, что готовы при случайной встрече нападать на авангардные флотилии, патрули и заблудившиеся космолёты.

Данные с приборов слежения «*Фаланги*», а также доклады с кораблей сопровождения, отправленных за пределы звёздной системы, рисовали постоянно расширяющуюся карту территорий Континуума. Астрономические наблюдения в совокупности с варп-прозреваниями библиариума позволили выявить, какие из трёх сотен идентифицированных систем с потенциально обитаемыми мирами в наибольшей степени подходят для обитания разумных существ. Учитывая широкое распространение Незримых и отсутствие свидетельств того, что в Континуум Капыкулу входит больше одной расы, представлялось весьма вероятным, что любое развитое общество будет относиться к цивилизации противника.

Обследуя четыре предыдущие системы, имперцы усовершенствовали свою методику и разбили её на несколько этапов. Поскольку наиболее уязвимыми оказывались корабли, первыми вышедшие из варпа, они при необходимости либо держались возле точек Мандевиля, либо собирались вместе, как только возникала такая возможность. Только когда в систему переносилось не меньше трёх капитальных кораблей, разведывательные эскадры выдвигались вперёд, чтобы расширить зону действия сети слежения.

В такие напряжённые моменты никто ещё не знал, находятся ли флотилии Незримых в пределах системы, или, возможно, где-то достаточно близко, чтобы отреагировать до прибытия основных имперских сил. В ходе последних четырёх прыжков две группы столкнулись со значительным сопротивлением уже на первом этапе операции, и врага удалось отбросить только после серьёзной эскалации битвы, когда прибыли линкоры Армии и боевые баржи легиона.

Закончив сбор флота и определив, что какие-либо миры Незримых отсутствуют, имперцы начинали выяснять, имеются ли в системе объекты, подходящие на роль эфирных врат. Посоветовавшись с навигаторами, Дорн утвердился в мысли, что в реальном пространстве существует некий предел расстояния между варп-проходами. Это означало, что в длительных путешествиях Незримым требовалось пересекать пустые системы. Так или иначе, гарантировать успех поисков по-прежнему никто не мог, особенно если враг отсутствовал или же отступал через врата, находясь вне зоны досягаемости сенсоров. В предыдущей системе навигаторам прибывающих кораблей посчастливилось заметить вторичный варп-эффект от активации прохода, пока имперские звездолёты находились на «эфирной» стороне портала, но подобный метод был столь же ненадёжным, как и вариант с отправкой команд из библиариев и представителей Навис Нобилите для прочёсывания реального космоса.

Наступление получалось монотонным и вместе с тем чреватым опасностями. Каждая система сулила шанс на победу, но также в ней могла таиться армада Незримых, способная нанести экспедиции серьёзный ущерб. Пока ещё никто не желал забывать те четыре флота, что сгинули в прошлом среди этих неизведанных звёзд. Кроме того, слишком большие потери среди навигаторов и

библиариив имели бы для имперской кампании столь же серьёзные последствия, как для неприятеля — утрата системы варп-врат.

Вероятно, над всем этим и размышлял примарх, наблюдая за тем, как в очередной системе разворачивается промежуточный этап пляски в пустоте. Пока не удалось найти никаких признаков того, что Незримые когда-либо пролетали здесь, однако Имперских Кулаков приучили к методичности во всех делах, поэтому они никогда не делали предположений там, где могли собрать доказательства.

— Почему они всё ещё сражаются, господин? — спросил Гидореас у своего командира. — Наверняка же понимают, что им не победить. Рано или поздно мы отыщем их миры.

Только что завершился переход в пятую систему, считая с момента открытия в «Ночном замке». Примарх и хускарл стояли рядом на командной палубе.

— Их лидеров интересуют те же вопросы, только о нас, — неожиданно отозвался Дорн, застав Гидореаса врасплох. Воин полагал, что примарх слишком занят, чтобы ответить на его замечание. — Пожалуй, там говорят: «Отчего они столь упрямо шарят по нашим владениям вслепую и с такими потерями? Почему этот Император и его прислужники так непреклонно атакуют нас?» Враг не осознаёт размеров Империиума и масштабов нашей цели, а потому до сих пор надеется протянуть дольше нас. Сдался бы ты на их месте, мой хускарл? Просто потому, что война тяжела?

— Нет, мой господин, я сражался бы до последнего удара моих сердец, до последнего вздоха в лёгких, — ответил Гидореас.

— Поистине так. Всегда помни о цели, в чём бы она ни заключалась, и непрерывно стремись к ней. Нельзя терпеть неудачу из-за недостаточных усилий.

— Сколь бы не были тяжелы наши труды, можно подбодрить себя тем, что наша победа неизбежна, — начал Гидореас, но осознал свою ошибку в тот же миг, как слова сорвались с губ.

Исправиться хускарл не успел: он застыл под пристальным взглядом примарха, нахмурившего брови.

— Победа неизбежна для Императора, а не для нас, — прогремел Дорн. Отвернувшись, он пошевелил пальцами, стиснул кулаки, однако затем расслабился. — Может выйти так, что мы погибнем, но всё же одержим победу.

— Вас что-то тревожит, мой господин.

— Разумеется, Гидореас, — спокойно ответил примарх. — Только глупец считает себя непогрешимым.

— Вы не глупец, господин. Вы — величайший полководец Императора.

— Не будь так уверен. Здесь у меня немало конкурентов. Возможно, пока мы беседуем, Лев уже поднимает тост за Хоруса и Фулгрима, поздравляя их с триумфом на руинах какой-нибудь системы Незримых. Есть вероятность, что я ошибся, что моё стремление ринуться прямо в сердце Окклюды Ноктис родилось либо из гордости, либо из упрямства, либо из духа противоречия. Лев прогневал меня, и, может, это повлияло на мои рассуждения — я захотел доказать его неправоту. Сейчас некоторые генералы и адмиралы среди наших союзников утверждают, что мы должны ухватиться за созданную нами возможность, чтобы вырваться из этих омрачённых систем и соединиться с каким-нибудь из других легионов.

Гидореас собирался сказать что-то в защиту своего генного отца, но тот остановил воина, подняв руку и слегка покачав головой.

— Командир моих хускарлов, я знаю, что ты готов постоять за мою честь, не щадя себя, — так же, как и магистр Эол, — но ты не должен оборонять её от моих же сомнений. Осознание возможности личной неудачи — это не слабость и не паранойя. Кроме того, есть и иной довод в пользу возвращения: сведения, полученные нами здесь, могут принести пользу моим братьям, если они попадут в схожую ситуацию. — Немного расслабившись, Дорн отвернулся и вновь начал следить за рунами, которые расползались по карте звёздной системы. — Меня беспокоит иная проблема, более серьёзная, чем потенциально напрасная трата сил и потеря репутации. Я не уверен, чего пытается достичь Континуум Капыкулу.

— Защитить свои миры от нас, мой господин.

Гидореас ощутил себя неуютно, указывая своему повелителю на нечто столь очевидное. Возможно, воин слишком примитивно мыслил?

— Такова их цель, их желание, но как они адаптируют свою стратегию? Война — это манёвры и логистика, а не только болтеры и щиты. Они перемещаются не так, как мы, иначе воспринимают пустоту и промежуточные измерения. Мы пытались чему-то у них научиться, но в плен попали немногие, да и те ничего нам не сообщают.

Гидореас вспомнил, что во множестве речей и бесед Рогал Дорн говорил то же самое, только более подробно и красноречиво.

— А разве нам не полагается прежде всего думать о собственных намерениях?

Примарх улыбнулся, но без особого веселья, как происходило уже довольно давно.

— Верно, и именно раздумья на эту тему приводят меня в тупик. Опять же, мне нужно разобраться, чем вызвана моя настойчивость в попытках найти Незримых — стремлением выполнить задачу или же высокомерием.

— Высокомерием? Отринув всё, чего уже удалось добиться, мы бы ничего не достигли — только поглумились бы над многими тысячами погибших с обеих сторон. Вы сами сказали, что сейчас не время сдаваться.

— Я не стану отказываться от нашего дела, но мы не можем допустить, чтобы цепь предыдущих событий сковала нас и утащила к заранее определённом будущему. Заблуждается тот, кто думает, будто огромные траты на что-либо сами по себе придают этому ценность. — Вздыхнув, примарх наклонил голову и окинул стратегиум рассеянным взглядом. — Я знаю, что после событий в «Ночном замке» вокруг царит оптимизм, но за более долгий промежуток времени мы немного узнали и мало чего добились. Что мы потеряем, если отступим и заново осмыслим доступные варианты?

На сей раз Гидореас не нашёл, что сказать. Казалось невероятным, что его примарх допустил оплошности, на которые намекал, но в то же время воин не мог с уверенностью заявить, что в ходе кампании они уже достигли какой-то убедительной победы.

— Сочту твоё безмолвие за ответ.

Сигизмунд наслаждался безмолвием внутри Храма на борту «Фаланги». Он радовался, что не попал в число защитников сакрального места, направленных в какую-то из других боевых групп. Хотя каждый воин братии нёс свой долг внутри себя, и порой ради обороны Храма надлежало сражаться с врагами где-то очень далеко от него, но иониец ощущал наибольшее умиротворение, когда проводил одиночные тренировки в этих стенах.

Клинок рассекал воздух, как серебристое пятно, выписывая фигуры, уже вычерченные в мыслях Сигизмунда. Он ценил

уединение, даруемое подобными упражнениями, однако сожалел, что не сталкивается с трудностями. Всё сводилось к познанию собственной формы — ударам по неприятелям, воображаемым на основе личного боевого опыта, парированию и блокированию выпадов, направленных его же воображением. Полезное дело, поскольку Сигизмунд лучше всех понимал свои слабости и то, как воспользоваться ими, но в конечном счёте такая подготовка лишь имитировала настоящие схватки, которые зиждились на звоне металла о металл и противостоянии разумов.

Храмовник остановился, услышав знакомые звуки шагов Аппия, который вошёл в дверь позади него.

— Не против? — спросил наставник фехтования.

Обернувшись, Сигизмунд молча кивнул.

Они устроили поединок; Аппий взял в одну руку обоюдоострый меч и надел на другую латную перчатку с баклером^[22]. Уже размявшийся Сигизмунд мощно напал на оппонента, однако не сумел навязать тому уязвимую позицию. Аппий стремился подобраться ближе, чтобы применить тяжёлую перчатку уже в нападении, а не в защите, но иониец ему не позволял.

— Выглядишь раздражённым, — заметил наставник. Он отбил лезвием клинка выпад Сигизмунда так, что воздух задрожал от лязга. — И тебе недостаёт агрессии.

— Ночной крестовый поход опять застопорился, — сказал иониец.

Поменяв стойку, он попробовал достать соперника парой размашистых атак понизу. Аппий, в свою очередь, блокировал их или уклонился.

— Скучаешь?

— Нет.

Сигизмунд понимал, что наставник пытается отвлечь его вопросами, заставить врасплох или спутать мысли.

— Такое было бы объяснимо.

Внезапно перейдя в контратаку, Аппий отвёл меч противника в сторону и наотмашь ударил тяжёлой перчаткой. Его кулак пролетел в миллиметре от челюсти Храмовника, успевшего отдернуть голову.

— Я раздосадован отсутствием прогресса.

— Понятно, — ответил наставник. Перехватив свой двуручный меч за клинок, он принялся орудовать им, словно дубинкой, и

вынудил Сигизмунда отступить на пару шагов. — Стоять!

Храмовник прервал на полпути выпад, направленный точно в живот Аппия.

— Я одолел тебя, — заметил Сигизмунд.

Будто не услышав его, наставник вышел из гаревого круга. Он повесил оружие на стойку, взял полотенце и вытер толстый слой вязкого пота, от которого лоснились напряжённые мышцы.

— Атакуй меня, — приказал Аппий, скрестив руки на груди.

— Не могу, — ответил Сигизмунд, указывая остриём клинка на границу боевого круга.

— Уместное замечание. Тогда готовься к нашему следующему поединку.

— Я готов! — прорычал Храмовник. Нетерпение наконец прожгло слой его обычной сдержанности. — В отличие от тебя.

— Я точно знаю, что намерен делать, — сказал Аппий, стоя неподвижно. — А каков твой замысел? Как ты собираешься меня победить? Какие техники и стойки задействуешь?

— Откуда мне знать, если у тебя ещё нет оружия!

Расслабившись, Сигизмунд опустил руку с мечом к бедру и немного сдвинул ступни.

— За последние месяцы владыка Дорн изучал наши атаки и прочность обороны Незримых, чтобы оценить прогресс и выявить, где неприятель защищается с наибольшей решимостью, а где охотно отступает.

— Верно, это разумный подход. Враг наиболее твёрдо обороняет то место, что имеет для него наибольшую ценность. Так определяется цель следующего нападения.

— Почему ты не нападаешь на меня? Каков твой замысел? — вновь спросил Аппий.

— Как оформить свои намерения, не зная, как вооружён и где расположен противник? — Как только эти слова сорвались с языка Сигизмунда, ему показалось, что их произнёс наставник. Отступив на другую сторону круга, он поднял меч остриём вверх и отсалютовал Аппию, коснувшись гардой лба. — Урок усвоен. Незримые полностью отступили либо для того, чтобы помешать нашим усилиям, либо для непосредственной защиты своих миров. Они собирают силы для решающего противостояния, что компенсирует им неспособность перемещать крупные соединения

кораблей и одновременно позволит извлечь выгоду из того, что у нас при варп-переходах возникает неразбериха. Но отсюда следует, что мы наверняка подошли близко. По-настоящему близко.

— Именно так. — Прошагав вдоль внешнего края круга, Аппий встал рядом с Сигизмундом, не переступая черты. — Но для нашего примарха «подойти близко» не значит «пройти последнее испытание». Незримые лишились всех преимуществ, за исключением того, которым обладают все защитники. Они знают, где враг должен атаковать, чтобы одержать победу, и уже тщательно оценили наши силы и возможности. С начала войны они вывели о нас столько же, сколько и мы о них. Прежде неприятель считал, что знает нас, поскольку имел опыт уничтожения тех флотов, но тогда он ещё не сталкивался с кем-то из примархов. Итак, я спрашиваю тебя ещё раз, как ты атакуешь? Каков твой следующий шаг?

Клинок Сигизмунда, сверкнув, метнулся вверх, его острие вышло на метр за пределы круга и замерло в волоске от шеи Аппия.

Итак, он наконец довёл себя до перенапряжения. У него болело всё — от восстановленных грудной клетки и лица до третьего глаза, который ломало из-за постоянного контакта с варпом. Предыдущие сеансы Ригантис поручил своим пеонам^[23], однако в эту фазу перехода, занявшую последние восемнадцать дней, бремя нёс он один. Почти три недели субъективного времени Эсуин всматривался в варп, чтобы оценить его капризы и течения. Новатор Зума вносил все необходимые коррективы, наблюдая за вихрями и круговоротами эфира, способными сбить армаду с курса, или за встречными приливами, что обрекли бы имперцев на вечный дрейф.

Ригантис больше не видел обычными глазами. Человеческого зрения его лишило разбившееся бронестекло, а любую установку имплантатов пришлось бы проводить слишком близко к третьему оку, что грозило обернуться не только смертью биологисов Механикума, но и раскрытием секретов Навис Нобилите. Так или иначе, Эсуин неохотно позволил встроить в себя новый дыхательный аппарат на замену лёгким, которые подверглись коллапсу за тот короткий период, что навигатор провёл в вакууме. По счастью, благодаря постчеловеческому организму Ригантис продержался те двадцать секунд, после чего Торл затащил его в герметичный главный отсек. Для его спутника такую же в буквальном смысле жизненно важную роль сыграла терминаторская броня.

И всё же, во имя Колоколов Вигата, как же новатор страдал от боли! В груди у него словно бы пылал свет самого Сола. Каждый вздох, любое ментальное содрогание откалывали крошечный кусочек от последней стены здравого рассудка Эсуина.

Возможно, она уже обрушилась, и Ригантис просто видел галлюцинацию — сон наяву, полный бесконечных красок и абсолютной пустоты, и его тело лежало где-то на «Фаланге», привязанное к медицинской койке, а не восседало в кресле на вершине устремлённой ввысь башни навигаторов.

Никакого света Астрономикана, по которому можно было бы контролировать продвижение. Никаких выходов в реальное пространство — по ним Незримые догадались бы, что происходит. Значит, он не имел права отвлекаться от прокладывания пути для корабля. Ему следовало постоянно наблюдать, рассчитывать, вести счисление координат.

«Получится ли?» — спросил тогда Дорн.

Ригантису это понравилось. Примарх предполагал, что если подобное вообще возможно совершить, то справится только он, новатор Зума. Лесть? Уже нет. Когда они беседовали на Терре, глава дома Зума, возможно, слегка потерял голову от тщеславия, подстёгнутого тем, что Дорн сам обратился к нему и одарил вежливыми комплиментами, но теперь Эсуин осознавал, что достоин каждого обращённого к нему слова.

Примарх разрабатывал ещё один из своих грандиозных планов, в случае успеха которого — если главная загадка действительно поддастся интеллекту Рогала, а лучшие представители дома Зума справятся с поставленной им задачей — Имперские Кулаки прибудут в одну из центральных систем Капыкулу. Не к обычному миру вроде тех, что они пытались найти в районах вокруг «Ночного замка», теперь укреплённых гарнизонами и усиленными флотилиями Незримых. Дорн нацелился гораздо дальше. Целью он выбрал систему, находящуюся на расстоянии чуть менее чем в тысячу световых лет от «Ночного замка». Столичный мир, возможно, даже родина Незримых. Система, вычисленная примархом, лежала неподалёку от центра паутины варп-врат, которую начали выявлять имперцы. Незримые наверняка думали, что расположенной там планете всё ещё не угрожает нападение.

Для успеха здесь требовались быстрота и неодолимая мощь. Обнаружив неприятельский корабль посреди своей территории, Капыкулу немедленно вызовут подкрепления. Их варп-врата

определённо будут расположены к целевому миру ближе, чем точки перехода имперских звездолётов. Здесь нужна атака в ускоренном темпе, внезапная и ошеломляющая — после переноса они не получат времени на сбор флота.

А если подобный бросок мог совершить лишь один корабль, то подходила только «*Фаланга*». Ничему, кроме неё, не выполнить такое задание.

На борту флагмана собрали сорок тысяч легионеров, а также последние штурмовые корабли и десантные капсулы со всего флота, дабы войска сумели высадиться на поверхность планеты тремя волнами. Ни эскорта, ни вспомогательных судов, ни транспортов Армии — ничего, кроме Имперских Кулаков и их боевой станции.

А также, само собой, Рогала Дорна.

Только Седьмой примарх мог разжечь в Ригантисе такой огонь честолюбия. Кто-то иной, вроде Хоруса или Фулгрима, возможно, очаровал бы его, побудив поставить будущее своего дома в зависимость от результата не только этого безумно сложного прыжка, но и крестового похода в целом, однако Дорн не обладал их лёгкостью в общении или притягательной силой. Его присутствие временами вызывало благоговейный трепет, но куда чаще пробуждало менее яркое и всё же более могучее чувство.

Уверенность.

В прошлом, беседуя с примархом Имперских Кулаков, навигатор знал — твёрдо знал, — что если он приведёт дом Зума в Окклюду Ноктис, то обретёт больше могущества и престижа, чем любой иной новатор на протяжении жизни целого поколения или даже дольше.

То, что Эсуин до сих пор испытывал это чувство, вызвало у него улыбку, хотя она тут же превратилась в гримасу: новый приступ жестоких страданий прокатился по его заштопанному телу и усталому рассудку.

Слава или ничего. Победа или смерть.

Никакой удачи, никаких бросков костей. Факторы предельно просты: либо примарх и Ригантис правы, либо нет.

Ответ они узнают очень скоро.

Перепроверив свои измерения, Эсуин ещё раз оценил положение «*Фаланги*» относительно варп-потока, что привёл их сюда. За куполом, в невозможном эфире, искрились пятнышки света, пляшущие, будто отражённые лучи звёзд на волнах.

Но там сияли не светила. Не Астрономикан. Он видел варп-отблески разумных существ. Даже сгрудившись миллионами, они сверкали не ярче, чем крохотная свечка рядом с короной звёзды, — но они были там.

Ригантис подал сигнал на отключение варп-двигателей.

Утомлённый сверх всякого предела, Эсуин закрыл третий глаз и утонул в полной темноте. Картины сотрясений и потрясений очередного перехода могли бы сломить его в тот момент — настолько близко навигатор подошёл к утрате контроля над телом и разумом.

Тьма варпа слилась для него с мраком реальности. Сирены умолкли, и воцарилась напряжённая тишина. Они перенеслись успешно, вот только куда?

Если это сработало...

Раньше он не осмеливался даже мечтать о таком, но почему бы и нет? Варп-врата по всей Оккюде Ноктис под контролем дома Зума... Тогда, даже если длань эволюции никогда не толкнёт Ригантиса на путь, ведущий к становлению очередным Патерновой Навис Нобилите, он будет обладать мирской властью практически такого же размаха.

Экипаж уже занял боевые посты, однако по всей «*Фаланге*» пронзительно заголосил новый сигнал тревоги, от которого зазвенел купол пилястры.

Обнаружен противник.

Эсуин понятия не имел, где именно очутилась «*Фаланга*», но они явно что-то нашли.

Ранн поймал себя на том, что смотрит ввысь, мимо высоких куполообразных зданий Незримых, в небеса, заполненные реактивными струями и взрывами. С поверхности мира картина выглядела почти безмятежной — гораздо более близкий грохот болтеров и треск лазеров звучали куда назойливее, чем непрерывный рокот двигателей и пушек ударных судов. Спереди доносились скрежет и рычание транспортных танков «Лэндрейдер» и «Спартанец»: передовые отделения 45-го штурмового кадра прорывались к скоплению зданий, в которых владыка Дорн опознал резиденцию планетарного правительства.

Яго приказал соединению двигаться влево, внутрь группы строений с множеством окон, больше похожих на административный

квартал, чем на жилой комплекс. Подобные блоки, заполнявшие всю эту часть города, напоминали растущие аркологии на Терре, где размещались миллионы клерков и учёных мужей, необходимых для управления постоянно расширяющимся Империумом.

Снова взглянув наверх, Фафнир увидел ещё более интенсивное сияние — «*Фаланга*», занимавшая низкую орбиту, была из орудий по вражеским звездолётам, которые пытались прогнать исполинское чудовище от своего родного мира. Им это не удастся.

Подобное зрелище не особенно отличалось от того, которое он видел в детстве. Правда, в ту пору, будучи одним из Раннов, селившихся у реки Жизни, он ещё не подозревал, что звезда, кружащая в небесах над Инвитом, на самом деле крепость. Обитатели очень многих планет наблюдали такую же картину на протяжении часов или дней, пока их приводили к Согласию, однако Фафнир всегда видел в «*Фаланге*» только союзника и счастливое знамение.

Поднимаясь по ступенькам со щитом наперевес и болтером, вставленным в огневую прорезь, Ранн вспомнил день Согласия Инвита. Туда прибыл Император, и Его сын по праву приветствовал Его как давно потерянного отца. Но что случилось бы, если бы Дорн не признал власть Повелителя Человечества? Что, если бы орудия «*Фаланги*» и гений примарха обратились против его создателя? Какую сокрушительную мощь всего Империиума тогда обрушил бы Владыка Людей на непокорный ледяной мир?

Содрогнувшись от таких мыслей, Ранн в ту же секунду пробил деревянные двери и оказался в вестибюле здания. Его прорывники ринулись к лестнице напротив, раскалывая напольную плитку тяжёлыми саботонами.

Предстояло найти ещё нескольких примархов. Примет ли каждый из них воссоединение столь же мирно, как Рогал Дорн или Хорус?

Ранну почти не приходилось думать о том, что его окружало. Очередной мир, очередное здание, очередной лестничный пролёт. Враги разные, но схожего типа. Бойцы его отделения почти не переговаривались, однако действовали как одно целое. Тишину в воксе нарушали только короткие доклады. Такие операции проводились этой группой воинов — или весьма схожими с ней — уже сотни раз. Они были деталями единого механизма смертоубийства.

За балюстрадой наверху располагались некие фигуры. Осознав их существование, Фафнир в тот же миг определил в них цели и

открыл огонь. Воинам отдали простой приказ — истребить всех Незримых. Они нанесут столь быстрый и ошеломительный удар, что враг капитулирует в течение нескольких часов. Они не допустят изматывающей кампании сопротивления.

Сверху полыхнули рубиново-красные вспышки. Повернув щит так, чтобы принять на него лазерные лучи, Ранн выстрелил в ответ — нажал на спуск и изрешетил разрывными снарядами участок, где укрылась его мишень. Под шквалом болтов во все стороны разлетелись куски мрамора и плоти.

Громкие удары наверху известили о прибытии отделений с прыжковыми ранцами, которые атаковали противника на средних ярусах. Другие legionеры высадились на крышу со штурмового корабля, довершая натиск по трём направлениям.

Теперь Незримым, при всей их изворотливости, уже не спастись. Двадцать тысяч legionеров первой атакующей волны десанта — более чем достаточно, чтобы захватить город меньше чем за час. Это послужит сигналом для прочих миров. Если способен пасть один, значит, то же самое может случиться со всеми.

Ранн больше не верил в судьбу, хотя он вырос среди пророчеств о великом предназначении, а также сказаний о знамениях и героях, рождённых под особой звездой. И всё же, пока Фафнир, по бокам которого шагали боевые братья, поднимался по белокаменной лестнице, забрызганной кровью Незримых, и переступал через их изувеченные трупы, он осознал природу неизбежности.

Гидореас спустился по рампе «Грозовой птицы» всего через секунду после примарха, но Рогал Дорн уже удалился на десять метров и быстро ускорялся. Выбежав из тусклого света, идущего изнутри штурмового корабля, магистр хускарлов помчался в красноватые сумерки. Впереди в лучах заходящего солнца поблёскивали белые стены и башни. Внешне крепость напоминала ту, которую Незримые построили на одной из планет в «Ночном замке», но многократно превышала её в размере. Со всех сторон цитадель окружали взлётно-посадочные полосы, стартовые площадки и вспомогательные постройки. Её параболические антенны-ретрансляторы смотрели в направлении орбитальных станций, а где-то вдали завывали тревожные сирены, чью какофонию улавливали авточувства боевой брони Гидореаса.

Местность впереди выглядела неприветливо. Имперских Кулаков поджидали башни и орудийные окопы, обслуживаемые сотнями

вражеских солдат. Из подземных гаражей с грохотом выкатывались танки, пехотные роты строились перед казармами, и любые отряды противника распадались на всполохи неопределённых цветов под своими спектральными полями, так что маневрирующие войска сливались в дымку, которая мерцала по всему оборонительному комплексу. Стены и проволока, траншеи и бункеры завершали сеть укреплений, возведённых или вырытых на просторах плоской равнины, занимавшей не менее сотни квадратных километров.

Данный объект оказался наиболее защищённым местом, которое «*Фаланга*» смогла обнаружить с орбиты. Следовательно, он идеально подходил для наглядного урока, который хотел дать Рогал Дорн. Победа здесь докажет, что Незримым не укрыться нигде.

В закатном небе кружили машины с треугольным крылом, их эскадрильи в плотном строю приближались к позициям Имперских Кулаков. Сверху по-прежнему неслись десантные капсулы и штурмовые корабли, из-за чего казалось, что вокруг базы Незримых идёт огненный град. Наблюдая с приближением за высадкой собратьев по легиону, Гидореас различил пламенный блеск «*Фаланги*». Звёздный форт Имперских Кулаков опустился максимально низко, чтобы сократить время полёта на несколько жизненно важных секунд. Воину почудилось, что он даже видит вспышки пустотных щитов: гигантский корабль выдерживал непрерывные атаки космических сил Незримых, что преследовали его с момента выхода из варпа.

Ещё около десяти кораблей неприятеля находились в пути, менее чем в двух часах полёта. Им хватит огневой мощи, чтобы завершить начатое их собратьями.

Вот почему план примарха не терпел задержек, и вот почему Дорн не стал дожидаться своих хускарлов. Его болтер, «Глас Терры», непрерывно громыхал, огоньки снарядов уносились к целям в рядах Незримых, и каждый выстрел приносил смерть одному из противников Императора. Внешние стены уже рухнули после бомбардировки, и Рогал повёл своих сыновей через разбитые обломки каменной кладки.

Очевидно, слухи о золотом великане уже дошли и сюда, в самое сердце Континуума Капыкулу, ибо Незримые отступали при одном лишь приближении Дорна. Хускарлы и Храмовники следовали за ним так быстро, как только могли, прорываясь через бреши во вражеских укреплениях, а уже за ними двигалась масса из тысячи

отделений Имперских Кулаков — VII легион продолжал высаживаться на поверхность.

Примерно в пяти километрах от главной цитадели примарх остановился, и его сыновья собрались вокруг генного отца, окружённые сотнями трупов Незримых и десятками тел в доспехах. Их погибшие товарищи остались лежать в лабиринте обломков, и необходимые обряды совершат над ними позже, если только представится такая возможность. Бронетехника неприятеля держалась на расстоянии, лучи её лазпушек прожигали темнеющий воздух, но многие десятки танков уже горели, подбитые штурмовыми кораблями, что сумели пробиться через воздушный заслон.

Встав в свете пылающих обломков и лучей прожекторов с оборонительных башен, Дорн указал мечом в сторону крепости, тем самым бросая врагу явный вызов. Его голос из внешних динамиков шлема разнёсся по всей округе и каждому вокс-каналу, перекрыв любые другие передачи.

Если Незримые способны понять, что говорит великан, они услышат его.

— Я — Рогал Дорн, примарх Императора Человечества. Мы с вами вели долгую войну, но вот ей наступил конец, и он будет быстрым. Мы не держим зла на тех, кто соглашается вступить в Империум, однако не ведаем милосердия к тем, кто упорствует в своём сопротивлении. После того как я покажу вам мощь Императора, я спрошу ещё раз, готовы ли вы стать частью объединённого человечества. Пусть ваш выбор будет разумным.

Пробравшись через руины, возникшие после атаки с воздуха, Гидореас подошёл к примарху. Хускарл услышал, как с шипением отключаются общие вокс-каналы, но он поддерживал соединение с Дорном на командной частоте.

— Библиарий Торл, время пришло, — передал Рогал на борт «Фаланги».

— *Госпожа Эвида заверяет меня, что астропатический зал настроен правильно, так что мы готовы исполнить ваш приказ.*

— Вы можете добраться до наших врагов за стенами, внутри щитов?

— *Владыка Дорн, мы ничего не ощущаем, как и прежде, но воспринимаем их присутствие через вас и наших братьев. Начнём*

с тех, кто снаружи, и через них доберёмся до тех, кто внутри. Их щиты и стены ничем им не помогут.

Примарх помедлил несколько секунд, оглядевшись по сторонам. Вокруг по-прежнему бушевала битва.

— Приступайте.

На борту «Фаланги» флотские астропаты и библиарии легиона объединились в некую общность — психические модули зала вещания переплели их мысли и добавили им мощи. На поверхности, в шестидесяти километрах ниже, Гидореас увидел, как Незримые начали умирать.

«С чувством глубокого облегчения я веду запись о грандиозном успехе в войне против Незримых. Меня не посвятили в какие-либо подробности, но по всему флоту разлетелась весть о капитуляции одного из миров Капыкулу, что наверняка проложит верный путь к достижению Согласия. Я не питаю особого оптимизма, поскольку опыт покорения Скатии доказывает, что возможно всякое, но полагаю, что все мы должны рассматривать это достижение как наиважнейший момент всего Ночного крестового похода.

Вероятно, в Окклюде Ноктис ещё остаются тайны — опасности и трудности, которые нам только предстоит встретить и преодолеть.

Великий крестовый поход не вправе останавливаться, пока Империум не достигнет полного расцвета. Во мне самом проросла ненависть к Капыкулу, но я не могу допустить, чтобы она укоренилась, ведь возможно, что вскоре они станут такими же верными слугами Императора, как и я. Их культура, их технологии, их люди — всё будет частью единого Империума Человечества.

Сейчас это трудно вообразить, но, предположим, через год или десятилетие я смогу встретиться с кем-нибудь из них в мирное время. Мы выпьем вместе, поднимем тост за павших товарищей и поразмышляем обо всём, что нас объединяет, а не о том недолгом противоборстве, что разделяло нас. Вот каким окажется истинное наследие нашего грандиозного начинания, когда отгремят залпы последних битв».

— Нам по природе свойственно защищаться, когда на нас нападают, и в наших битвах пали многие бойцы с обеих сторон, — произнёс Рогал Дорн, стоя на возвышении, с которого прежде выступали ораторы в сенате Континуума Капыкулу. Само помещение представляло собой не очень большой зал, куда едва

вмещалось тридцать делегатов, а сейчас примарх со своими стражами-хускарлами занимали его почти целиком. — Однако цивилизованным существам свойственно преодолевать свою природу, полагаясь на разум и рассуждения.

Пятнадцать представителей сената Капыкулу, переживших нападение 45-го штурмового кадра на правительственный центр, связались с примархом и пообещали лично гарантировать капитуляцию мира. Сейчас на всей планете действовал режим прекращения огня. Если верить утверждениям сенаторов, падение их мира обещало послужить толчком к тому, что сдастся весь Континуум, на что изначально и надеялся Дорн. Гидореас внимательно наблюдал за Незримыми, стараясь понять выражения их лиц. Со стороны казалось, что эти мужчины и женщины пришли на собственные похороны, хотя сенаторов неоднократно заверяли, что никто не станет карать их за войну против Империума.

Их настороженность была объяснима.

— Мы предложили безоговорочную капитуляцию, однако не можем гарантировать безопасность для всех ваших людей, — сказала женщина, одетая в чёрное платье и серебристый жакет, воротник которого, как и серебряную ленту вокруг её лба, усыпали маленькие самоцветы. — Возможно, среди наших военных есть командиры, которые откажутся выполнить приказ. Мы не можем обещать с уверенностью, что всё обойдётся без сопротивления или волнений. Многие потеряли своих близких, и, вероятно, наши люди пожелают уравнивать счёт.

— Ничего неожиданного, — ответил Дорн, не повышая голоса. — Наши с вами люди будут работать вместе, чтобы установить настоящий прочный мир в ближайшие дни и годы. Согласие — это процесс, а не разовое действие. Мы проявим гибкость везде, где только возможно, ибо не ищем возмездия ради самого возмездия. Наши итераторы будут трудиться вместе с вашими органами власти, чтобы смягчить недовольство и распространить среди вас все блага Империума, как я и обещал. Взамен мы многому научимся у вас, что принесёт пользу всему человечеству.

— Вы говорите о варп-путях, — проговорил дородный пожилой сенатор с седыми волосами до плеч, одетый в серо-голубую рубашку и брюки того же цвета. На скамье рядом с делегатом лежал белый пиджак, а его лоб охватывала полоска с драгоценными камнями, похожая на ту, что носила женщина, говорившая до него, но с иным расположением самоцветов. — Не думаю, что они

особенно пригодятся вам. Как и многие достижения нашей цивилизации, научные основы их создания потеряны для нас. Они — наследие наших блестящих пращуров, живших после Времени Горестей.

— Да, ваши латентные пси-связи с окружающей средой, а также с вашими кораблями и оружием хорошо объясняют, каким образом вам так долго удавалось сдерживать нас. — Рогал Дорн переводил взгляд с одного посланника на другого, обращаясь к ним всем, как к одному человеку. — Тайны множества технологий Тёмной эпохи пока ещё не раскрыты, но вместе мы придём к их пониманию. Если вы предоставите нашим союзникам из Марсианского Механикума применяемые вами имплантаты, возможно, они сумеют разработать эквивалент, не требующий инвазивного внедрения.

Сенаторы в замешательстве переглянулись и принялись о чём-то перешёптываться. Затем вперёд выступила женщина, которая уже обращалась к Дорну.

— Вы говорите об *узах разума* так, будто мы выбираем, носить их или нет. — Казалось, что она испытывает боль, хотя Гидореас не замечал на ней никаких ран или травм. Делегат коснулась виска дрожащей рукой. — Они определяют нас как часть Континуума Капыкулу. Они — шрам, оставшийся у нас со Времени Горестей, когда мы трудились и умирали во имя Регентства.

— Эти термины мне ни о чём не говорят, — мягко сказал Дорн, сходя с возвышения. — Ты называешь «узами разума» волокна в твоём мозге, так? Что за Регентство дало их вам?

Сенаторы покачали головами и прошептали непонятный Гидореасу наговор. При этом Незримые касались бровей пальцами, а затем, расставив их, прикладывали руку к сердцу.

— Регентство Дозта, наши поработители на протяжении тысячи лет, — произнесла женщина, завершив странный ритуал почитания. — Их миры зиждились на одной лишь силе мысли, тогда как наши предки были тупы, а их умы ограничены. Регентство Дозта изменило их. Не для того, чтобы они совершали столь же великие деяния, как их хозяева, но с тем, чтобы они внимали требованиям господ, поступали так, как те пожелают, выполняли вместо них тяжёлую работу. Узы разума стали для нас поводком, кандалами, которыми владыки приковали нас к себе, когда кнуты и оружие не истребили в нас тягу к свободе.

— Откуда они у тебя? — спросил примарх. — Ты говоришь о Регентстве так, словно его больше нет.

— Дозты умерли — так утверждают легенды. Сгинули, вопя от ужаса. Наш народ восстал, бежал и прибыл сюда. В нас до сих пор живёт наследие Капыкулу. Узы разума неотделимы от нас. Они растут вместе с нами, и с нами же умирают... Вижу по вашим глазам, что вы начинаете понимать. Ваши *крушители умов* не сумели их укротить, верно?

— Вы родились с ними. Регентство изменило вашу генетику так, что эти психические нити вырастают в вас. — В голосе Рогала не звучали эмоции, но Гидореас понимал, что его господин с трудом сдерживает волнение, стремительно растущее в нём. Хускарл не видел Дорна таким с тех самых пор, как Дети Императора поспешили сорвать режим прекращения огня на Скатии. Глубоко вздохнув, примарх отчасти восстановил самообладание. — Императору и его союзникам из Механикума ведомо многое о генетических манипуляциях. Возможно, найдётся способ устранить вмешательство Регентства.

— А зачем нам меняться? — возразил ещё кто-то из делегатов. — Сейчас мы свободны, но наши узы разума делают нас Капыкулу. Они — часть нашей сути, как прежней, так и нынешней.

— Временами они отлично нам помогали, — добавил дородный сенатор. — Именно узы разума открывают доступ к магистралям варпа.

Рогал Дорн посмотрел на делегатов, и Гидореас, заметив, как его отец стиснул челюсти, осознал, что тот пребывает во власти глубоких противоречий, скрывая свою боль под маской стойкости.

Примарх жестом указал капитану хускарлов на двери, ведущие в вестибюль. Прошагав туда же вслед за сыном, Рогал принялся расхаживать взад и вперёд.

— В чём затруднение, мой господин?

Дорн посмотрел на Гидореаса, затем перевёл взгляд в сторону зала сената. Пальцы примарха сжались в кулаки.

— Согласие — для человеческих миров. — Выговорив эту фразу, Рогал расслабился, как будто скинул тяжкое бремя. — Капыкулу — уже не люди.

— Они считают себя таковыми, владыка примарх. А даже если они не люди, что с того? Некоторые ксеносы сумели найти общий язык с Империумом. Вы мастерски привели нас к победе! Добились всего, к чему стремились.

— На данный момент, но Император провозгласил, что Галактика будет принадлежать человечеству. Однажды Капыкулу уже восставали, и снова могут поднять мятеж. Сейчас я как никогда убеждён, что Император крайне тщательно подобрал слова. «Избавьтесь от этого скрытого врага». Перед нами поставили ясную цель. Мы должны помнить о роли Легионес Астартес. Ни к чему щадить своего будущего противника.

Глубоко вздохнув, примарх выпрямился, пристально взирая на магистра хускарлов. Гидореас мог только догадываться, о чём думает Дорн. Возможно, его мысли бушевали, перебрасываясь аргументами, как враждующие фракции? Или же разум Рогала, как бесчувственная машина для выработки стратегий, анализировал и разбивал проблему на составляющие, чтобы решить их по отдельности?

— Ожидай приказов, капитан.

Отворив двери, Дорн шагнул в зал. Гидореас последовал за ним.

Как только они оказались внутри, примарх заговорил, и протесты сенаторов быстро утонули в рёве комбиболтеров.

Обернувшись на голос, Сигизмунд увидел, что к нему подходит худой, облачённый в рясу человек, который опирается на посох с пылающим навершием.

Малкадор. Регент Императора.

— Разумеется, твой генный отец был прав, — продолжил древний псайкер. — Капыкулу никогда не смогли бы стать частью Империума. Истинной наградой для нас стали варп-врата. Я имею в виду, что мы до сих пор учимся на них, и уроки очень ценны.

— Ночной крестовый поход обернулся почти полным провалом, — возразил Ранн. — Мы покончили с Капыкулу только благодаря помощи Детей Императора. Не повод для похвал владыке Дорну.

— Мы сделали именно то, что нам поручили, — вмешался Сигизмунд. Он прекрасно понимал, что это значит, и что значит поступить иначе, чем от тебя ожидали. — Владыка Дорн исполнил приказ Императора.

— Да, правда в этом, — изрёк Малкадор. На какое-то время он задержал на Сигизмунде пронизывающий, чуть тревожащий взгляд. — Он не сделал ни того, что считал лучшим вариантом, ни того, что, по его мнению, следовало бы сделать. Он поступил так, как ему сказали. Вот почему Император всегда доверял вашему генному

отцу больше, чем кому-либо иному. Действия экспромтом, импровизация, гениальность — всё это очень полезно, но чаще всего Он желает, чтобы люди исполняли именно то, что Он велит им.

— Это всё равно не объясняет, почему нас вернули на Терру, когда ещё оставались непокорённые миры, — заметил Ранн.

Малкадор расхохотался, хрипло и цинично. Пока он отвечал, его лицо приняло недоброе выражение.

— А кому ты, Фафнир из Раннов, отдал бы ключи от своей крепости, если не тому, кто заслужил твоё полнейшее доверие?

— Такое объяснение мне в голову не пришло.

Штурмовой командир явно смутился из-за своей промашки.

Малкадор уже отвернулся, когда Сигизмунда посетила неожиданная мысль.

— Наш господин знал, что у него будет время укрепить Терру, — сказал Храмовник. Он огляделся и обвёл взмахом руки окружающий пейзаж. — Помог пример Ночного крестового похода. Он давно наблюдал за тем, как Хорус ведёт кампании, и поэтому понял, что тот не предпримет стремительную атаку, ни за что не ударит по Терре без подготовки.

— Поистине так, — произнёс регент. — Хорус не мешкает, он не трус, однако действует лишь после того, как обеспечит себе преимущество. Оставалось слишком много незавершённых дел, слишком много неопределённостей, чтобы он просто привёл своих изменников прямиком к Императорскому дворцу. Твой генный отец знал об этом, хотя каждый день проверял, нет ли признаков надвигающегося вторжения. Я уверен, он непременно желал бы выделить хоть ещё один день на подготовку, но, полагаю, он практически идеально рассчитал время.

— Но зачем позволять ему поступать так, как он хочет? Я имею в виду Хоруса. — Сигизмунд стукнул кулаком по парпету. — Зачем ждать, пока клинок ударит по цели, а не парировать, когда его только заносят?

— Потому что Император распорядился так, — вкрадчиво ответил Малкадор. — Не забывай об этом в грядущие дни, когда всё вокруг погрузится во тьму и гибель. Что бы ни случилось, какие бы неудачи ни постигли нас, Рогал Дорн и его легион находятся именно там, где их желает видеть Император. А посему мужайтесь и действуйте соответственно.

Внезапно регент повернул голову, словно заметив что-то. Он устремил взор на восток, к исполинскому столпу Астрономикана за главными стенами.

— Время на исходе, и мне ещё нужно кое с кем поговорить, пока день не угас.

Не прощаясь, Малкадор отбыл через ту же маленькую дверь, в которую вошёл. Озадаченный разговором Сигизмунд ничего не сказал. В его памяти ярко пылали картины сожжения Незримых и разрушения их миров.

— Лучше выйти против сотни орков, чем с ним болтать, — проворчал Ранн и наклонил голову влево, потом вправо, разминая шею. — Он меня с толку сбивает. У тебя нет скверного ощущения, что он знал, о чём мы собираемся поговорить, и добрался сюда просто ради того, чтобы высказаться самому?

Сигизмунд не разомкнул уста. Ему напомнили о том, чему он какое-то время позволял дремать, но теперь Храмовник ощущал, что близится время пробуждения. Он возвращался к цели, которую осознал в Ночном крестовом походе. К истине о Легионес Астартес и Рогале Дорне.

Чтобы положить конец войне, нужно стать Смертью.

ОБ АВТОРЕ

Гэв Торп создал в серии «Ересь Хоруса» романы «Первая стена» об Осаде Терры, «Потерянное Освобождение», «Ангелы Калибана» и «Коракс», а также повесть «Лев», вошедшую в сборник «Примархи» (бестселлер по версии New York Times), и несколько сценариев аудиопостановок. Кроме того, Гэв написал множество книг по Warhammer 40,000, в том числе «Час Волка» в серии «Огненная заря», «Индомитус», «Пепел Просперо», «Император. Ярость Омниссии» (Imperator: Wrath of the Omnissiah) и цикл «Штрафники». Перу Торпа принадлежат цикл «Возвышение иннари», трилогии «Пути эльдаров» и «Наследие Калибана» (Legacy of Caliban), а также два произведения в серии «Пришествие Зверя». В рамках вселенной Warhammer FB он создал роман «Проклятие Кхаина» (The Curse of Khaine) из цикла «Конец Времён» и омнибус «История Раскола», а по Age of Sigmar написал книгу под названием «Алый пир» (The Red Feast). Наконец, в 2017 году Гэв Торп завоевал премию David Gemmell Award за роман «Боевой зверь» (Warbeast). Живёт и работает он в Ноттингеме.

Примечания:

1. Сигизмунд намекает на обстоятельства обнаружения маленького Ранна на Инвите, когда представители дома Раннов нашли его в руках умершей матери на берегу инвитской реки Жизни. *Здесь и далее — прим. пер.*

2. Отсылка к атазагорафобии — страхе быть забытым, игнорируемым. См. также разговор Пертурабо с его приёмной сестрой Каллифоной в последних главах новеллы «Пертурабо: Молот Олимпии».

3. «Копьё» (*лат.*)

4. Вероятно, отсылка к военной мудрости полководца Сунь-Цзы: «Стратегия без тактики — самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии — просто суета перед поражением».

5. Вероятно, автор допустил хронологическую ошибку. Исходя из того что Рогала Дорна обнаружили в 834.М30, основные события книги никак не могут разворачиваться «десять лет спустя» — в первую очередь по той причине, что Лев Эль'Джонсон был найден только в 846.М30, а рядом с ним уже нет магистра Лютера, который в соответствии с последними источниками был отправлен в изгнание на Калибан в 848.М30. Кроме того, события пролога настоящей книги разворачиваются накануне вторжения Хоруса Луперкаля, в самом-самом начале 014.М31, и если отнять упомянутые ранее в тексте «сто шестьдесят пять лет», приблизительной датой окончания Ночного крестового похода становится 849.М30.

6. Башенный погон, или погон башни — деталь конструкции танка, предназначенная для крепления башни к корпусу бронетехники и позволяющая ей вращаться.

7. Подразумевается знаменитая легенда о «пражском големе» — человеке из глины, созданном раввином Лёвом и его помощниками для защиты еврейской общины Праги. Выглядел голем как обычный человек, но был лишён дара речи и человеческих чувств, а потому фактически являл собой «живое орудие», созданное во имя высшей цели. Оставшись без дела, голем мог стать опасным и обратить свои силы на разрушение, поэтому после того, как тень угрозы над раввинами Праги рассеялась, Лёв прочитал над спящим големом особые заклинания и «вырвал» из него жизнь, превратив обратно в глиняную статую.

8. Военское звание выше капитана 1-го ранга и ниже контр-адмирала.

9. *Пилястра* — вертикальный выступ стены, напоминающий колонну.

10. Мидель в данном случае — наиболее широкая часть корабля.

11. Стартовая орбита (*лат.*) — *Прим. ред.*

12. *Окклюзия* (*лат. occlusio* — «закрытие») — термин, указывающий на какое-либо состояние, которое обычно открыто, но в определённый момент закрывается полностью.

13. *Диссоциация* — состояние, при котором человеческое «я» отделяется от его чувств и переживаний, временами — даже от его собственного тела.

14. *Дорсальный* — расположенный на верхней части корпуса.

15. *Клуатры* — квадратные (либо прямоугольные) внутренние дворики в монастыре, используемые под нужды монашеской братии и недоступные мирянам.

16. *Капыкулу*, или «государевы слуги» — общее название султанской гвардии в Османской Империи. Также этим термином в целом обозначается практика использования лиц рабского статуса на государственной и военной службе.

17. Известно, что древнеримские жрецы (авгуры, гаруспики) «предсказывали будущее», изучая внутренние органы жертвенных животных.

18. *Ермолка* — небольшая круглая шапочка без полей.

19. «Знак истины» (*лат.*)

20. *Кокатрица* — вымышленное чудовище, представляющее собой химеру с головой петуха, телом жабы, крыльями летучей мыши и хвостом змеи.

21. *Экстраполяция* — перенос части выводов относительно какой-то части тех или иных объектов или явлений на все эти объекты и явления целиком.

22. *Баклер* — маленький круглый щит, чаще всего металлический.

23. *Пеоны* — здесь навигаторы невысокого ранга.